

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 13, № 3

осень

2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 26

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука–Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **Вал.В. Полосин** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

«Ли цзи» («Записи о ритуале»). Главы 35–37.

Предисловие, перевод с китайского, комментарии **И.Б. Кейдун** **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

М.С. Пелевин. Хронограммы в ранней паштоязычной историографии **26**

Ю.А. Иоаннесян. А.Л.М. Николя в истории изучения бабизма **36**

С.Л. Невелева. О поэтике древнеиндийского эпоса «Махабхарата» **44**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.М. Чунакова. Неопубликованный манихейский фрагмент из коллекции А.И. Кохановского **59**

А.Ф. Троцевич. Сведения о древнем «государстве» *Чин зук* 辰國 и владениях *Хан* 韓 в китайских исторических сочинениях (опыт анализа текста) **66**

И.С. Гуревич. Модальность как категория грамматики текста на материале китайских источников **91**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

О.В. Васильева. «...в Азиатский Музеум Императорской академии наук...»: Orientalia из библиотеки генерала П.К. Сухтелена в Институте восточных рукописей РАН **100**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. Кульганек. Заседание Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, посвященное памяти С.Г. Кляшторного (Санкт-Петербург, 8 февраля 2016 г.) **132**

Ю.А. Иоаннесян. Иранистическая конференция памяти О.Ф. Акимушкина (Санкт-Петербург, 17 февраля 2016 г.) **135**

Т.А. Пан. 1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи» (Санкт-Петербург, 3–4 марта 2016 г.) **139**

М.М. Юнусов. Международная научная конференция памяти В.А. Якобсона «Евреи Европы и Ближнего Востока: традиции и современность. История, языки, литература» (Санкт-Петербург, 17 апреля 2016 г.) **149**

Т.В. Ермакова. Всероссийская конференция «Буддология в XX веке. К 150-летию академика Федора Ипполитовича Щербатского (19.09.1866–18.03.1942)» (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2016 г.) **151**

РЕЦЕНЗИИ

Esei Penghargaan kepada Professor Emeritus V.I. Braginsky. Mengharungi Laut Sastera Melayu (Festschrift in Honour of Professor Emeritus V.I. Braginsky) / Murtagh, Ben and Jelani, Harun, eds. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2013. — 700 с. (**Л.В. Горяева**) **156**

108 образов Будды. Исследование коллекции № 5942 из собрания Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН / Авт.-сост. Е.В. Иванова, А.Ф. Дубровин, отв. ред. И.А. Алимов. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 338 с. (**Ю.В. Болтач**) **162**

Буддийские ритуальные тексты: по тибетской рукописи XIII в. / Факсимиле рукописи; транслитерация А.В. Зорина при участии С.С. Сабруковой; пер. с тибетского, вступит. статья, примеч. и приложение А.В. Зорина. — М.: Наука — Вост. лит., 2015 (Памятники письменности Востока. CXLVI). — 241 с. (**Е.П. Островская**) **165**

IN MEMORIAM

Гуревич Изабелла Самойловна (1932–2016) (**Т.А. Пан, Э.С. Русинова**) **172**

На четвертой сторонке обложки: рукопись В 284 Диван, л. 52 v.

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

The Institute of Oriental
Manuscripts
(Asiatic Museum)

Published under the supervision
of the Historical-Philological
Department of the Russian
Academy of Sciences

PIS'MENNYE PAMIATNIKI VOSTOKA

Volume 13, No. 3
autumn
2016

Founded in 2004
Issued quarterly
Issue 26

Editorial Board

Editor-in-Chief **Irina F. Popova**, Dr. Sci. (History), Prof. (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Deputy Editor-in-Chief **Tatiana A. Pang**, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Secretary **Elena V. Tanonova**, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Svetlana M. Anikeeva, Cand. Sci. (Philology) (Nauka–Vostochnaya Literatura Publishers, Moscow)

Boris V. Bazarov, Member of RAS (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude)

Hartmut Walravens, Prof. (Staatsbibliothek zu Berlin, Germany)

Vladimir I. Vasiliev, Corresponding Member of RAS (RAS, Moscow)

Olga V. Vasilieva (National Library of Russia, St. Petersburg)

Margarita I. Vorob'iova-Desyatovskaya, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Anatoliy P. Derevyanko, Member of RAS (Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Novosibirsk)

Yuli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Ali I. Kolesnikov, Dr. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Alexander B. Kudelin, Member of RAS (Institute of World Literature, RAS, Moscow)

Karine G. Marandjian, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Vladimir S. Myasnikov, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nie Hongyin, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology, CASS, Beijing, China)

Ali I. Osmanov, Corresponding Member of RAS (Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala)

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nicolas Sims-Williams, Professor (London University, Great Britain)

Takata Tokio, Professor (Kyoto University, Japan)

Sergei L. Tikhvinsky, Member of RAS (Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow)

Nadezhda O. Chekhovich (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

Nataliya S. Yakhontova, Cand. Sci. (Philology) (Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg)

IN THIS ISSUE:

PUBLICATIONS

- “Li ji” (“Records of Rites”). Chapters 35–37. Introduction, Translation from Chinese, Commentary by *Irina B. Keidun* **5**

RESEARCH WORKS

- Mikhail S. Pelevin*. Chronograms in Early Pashto Historiography **26**
Youli A. Ioannesyan. A.L.M. Nicolas in the History of Babi Studies **36**
Svetlana L. Neveleva. About the Poetics of the Ancient Indian Epic *Mahābhārata* **44**

HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

- Olga M. Chunakova*. An Unpublished Manichaean Fragment from the Kohanovskii Collection **59**
Adelaida F. Trotsevich. Information about the Ancient “State” of *Chin guk* 辰國 and of the *Han* 韓 Domains Derived from Chinese Historical Works **66**
Izabella S. Gurevich. Modality as a Category of Textual Grammar (Based on Chinese Sources) **91**

COLLECTIONS AND ARCHIVES

- Olga V. Vasilyeva*. “...Transferred to the Asiatic Museum”: Orientalia from the Library of General Peter Suchtelen at the Institute of the Oriental Manuscripts **100**

ACADEMIC LIFE

- Irina V. Kulganek*. Meeting of the Department of Central and South Asia, IOM RAS, in memory of S.G. Klyashtorny (St. Petersburg, February 8, 2016) **132**
Youli A. Ioannesyan. Iranistic conference in memory of O.F. Akimushkin (St. Petersburg, February 17, 2016) **135**
Tatiana A. Pang. The First scientific conference of young Petersburg orientalists “China and its neighbors” (St. Petersburg, March 3–4, 2016) **139**
Marat M. Yunusov. International scientific conference in memory of V.A. Jacobson “Jews in Europe and the Middle East: traditions and modernity. History, languages and literature” (St. Petersburg, April 17, 2016) **149**
Tatiana V. Ermakova. All-Russian conference “Buddhology in the 20th century. 150th anniversary of the Academician Fiodor Ippolitovich Scherbatskoy (19.09.1866–18.03.1942)” (St. Petersburg, April 25–26, 2016) **151**

REVIEWS

- Esei Penghargaan kepada Professor Emeritus V.I. Braginsky. Mengharungi Laut Sastera Melayu (Festschrift in Honour of Professor Emeritus V.I. Braginsky). Murtagh, Ben and Jelani, Harun, eds. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2013, 700 pp. (*Liubov V. Gorieva*) **156**
 108 images of Buddha. Research of collection No. 5942 housed at the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS / Compiled by E.V. Ivanova, A.F. Dubrovin, edited by I.A. Alimov. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, 338 pp. (*Julia V. Boltach*) **162**
 Buddhist ritual texts in the Tibetan manuscript of the 13th century / Fascimile, transliteration by A.V. Zorin with participation of S.S. Sabrukova, translation from Tibetan, introduction, commentary and supplement by A.V. Zorin. Moscow: Nauka — Vostochnaia literatura, 2015 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka. CXLVI), 241 pp. (*Helena P. Ostrovskaya*) **165**

IN MEMORIAM

- Izabella S. Gurevich (1932–2016) (*T.A. Pang, E.S. Rusinova*) **172**

«Ли цзи» («Записи о ритуале»).**Главы 35–37***Предисловие, перевод с китайского, комментарии***И.Б. Кейдун**

Амурский государственный университет

Публикация содержит перевод трех глав классического конфуцианского трактата «Ли цзи» («Записи о ритуале»), составленного в I в. до н.э. и включающего в себя разнообразные установления, касающиеся *ли* — ключевого понятия конфуцианской культуры. Разделы «Вэнь сан» («Распросы [о] трауре»), «Фу вэнь» («Вопросы соблюдения [траура]»), «Цзянь чжуань» («Описание различий») освещают различные вопросы траурной проблематики: поведение почтительного сына после смерти родителей, использование траурной атрибутики (платье, головной убор, посох), формы выражения печали и скорби по умершему (на лице, в телесном облике, голосе, речи, напитках и еде, одежде, месте проживания), регламентации по соблюдению основных типов траура, траурные установления для высшей аристократии и др.

Ключевые слова: конфуцианский канон, «Ли цзи», ритуал-*ли*, траурный ритуал, траурная одежда.

Статья поступила в редакцию 17.02.2016.

Кейдун Ирина Борисовна, канд. исторических наук, доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета, РФ; 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21 (ikeidun@mail.ru).

© Кейдун И.Б., 2016

«Ли цзи» 禮記 («Записи о ритуале») — один из важнейших текстов духовной культуры Китая, входит в конфуцианское «Пятикнижие» — идеологический фундамент имперской государственности. Включенные в трактат материалы написаны различными авторами и отражают реалии преимущественно чжоуского периода истории Китая. Текст памятника составлен в I в. до н.э. ханьскими учеными. Эта работа может быть оценена как «идеологический заказ» своего времени: шел процесс разработки государственной идеологии и с этой целью осуществлялись масштабные мероприятия, связанные с ревизией и оценкой духовного наследия государства.

В центре внимания «Ли цзи» находится важнейший элемент китайской культуры, конфуцианской философии, политической и общественной жизни — *ли* («ритуал; благопристойность; морально-этические установления; церемонии»). Содержание *ли*, его философское наполнение, важность для государства и общества представлены в «Ли цзи» посредством описания и рассмотрения различных ритуальных ситуаций — ритуалов жертвоприношений, ритуалов, связанных с трауром, брачного ритуала, ритуала надевания шапки, метания стрел в кувшин, стрельбы из лука и др., а также путем анализа, например, домашних установлений и других разнообразных правил.

Из 49 глав сборника «Ли цзи» самый большой массив текста посвящен характеристике вопросов, связанных с трауром. Ряд разделов «Ли цзи» описывает исключительно эту тему: глава 15 «Сан фу сяо цзи» 喪服小記 («Малые записи [о] соблюдении траура»), глава 22 «Сан да цзи» 喪大記 («Основные записи [о] трауре»), глава 34 «Бэнь сан» 奔喪 («[О] поспешности [возвращения домой для] траура»), глава 35 «Вэнь сан» 問喪 («Расспросы [о] трауре»), глава 36 «Фу вэнь» 服問 («Вопросы соблюдения [траура]»), глава 37 «Цзянь чжуань» 間傳 («Описание различий»), глава 38 «Сань нянь вэнь» 三年問 («Вопросы [о] трехлетнем [трауре]»), глава 49 «Сан фу сы чжи» 喪服四制 («Четыре установления [по] соблюдению траура»). Другие разделы текста тоже содержат информацию (хотя и фрагментарного порядка), дополняющую и развивающую общие установления, связанные с трауром. Подобное исключительное внимание к этой особой теме вполне объяснимо: «...в *ли* нет ничего важнее траура» (Пэн Линь 2005: 190). Крупнейший древнекитайский философ конца чжоуской эпохи Сюнь-цзы так оценивал значение ритуала, в том числе траурного, для человека: «[Соблюдение] ритуала состоит во внимательном отношении к жизни и смерти. Рождение — начало человека, смерть — его конец. Если от начала и до конца [жизни] человек сумел сохранить добродетельность, он полностью осуществил свой путь человека. Поэтому совершенный человек почтительно [относится] к началу [жизни] и внимательно — к [ее] концу. От начала и до конца быть одним и тем же — таков путь совершенного человека, таково проявление ритуала и чувства долга» (Феокистов 2005: 265).

Представленные в данной публикации главы «Ли цзи» посвящены различным вопросам соблюдения траура. Некоторые фрагменты памятника, без сомнения, повторяют и развивают положение другого конфуцианского канонического текста — «И ли» 儀禮 («Благопристойность [и] ритуал»). Однако особенностью «Ли цзи» по сравнению с «И ли» (по крайней мере, в части описания траура) является внимание, уделяемое значимости *ли* для поддержания должного порядка в социальных отношениях.

Глава 35¹

Расспросы [о] трауре

1

Едва умер близкий²,
[почтительный сын] собирает [волосы в] узел³,
оголяет ноги,
подбирает полы одежды,
сложив руки⁴, плачет,
[на] сердце — горечь,
[в] помыслах — скорбь,
страдание [пронизывает до] почек,
иссушает печень,

¹ Перевод глав выполнен по (ЛЦИЧ 1997: II, 977–1002).

² Отец или мать.

³ Стягивая их шелковой повязкой.

⁴ Сложенными руками бьют себя в грудь.

изводит легкие,
 влага не орошает рот,
 три дня не разводит огонь⁵,
 поэтому соседи для скорбящего готовят *чжоу*⁶, чтобы накормить его.
 Когда внутри печаль,
 то переменится и внешнее;
 [когда] скорбь в сердце,
 тогда рот не [ощущает] сладости пищи,
 тело не стремится [к] красоте.

2

[Наступил] третий день и [совершают] *лянь*⁷,
 [умершего, лежащего] на одре, называют *ши*⁸,
 [после положения тела] в гроб [гроб с телом] называют *цзю*⁹,
 [когда начинают] двигать *ши*, перемещать *цзю*,
 оплакиваниям несть числа.
 [На] сердце — горечь,
 [в] помыслах — скорбь,
 заполнены печалью воля, тоскою дух,
 поэтому обнажает¹⁰ [плечи] и бьется от горя по умершему,
 таким образом [заставляя] двигаться тело, успокаивая сердце, смиряя дух.
 Замужняя женщина не обнажает [плечи],
 поэтому распахивает грудь¹¹,
 ударяет [в] сердце¹²,
 по-воробыному подпрыгивает,
 громко рыдает:
 так, будто рушится стена —
 печаль [и] скорбь достигают предела.
 Поэтому говорят:
 «Предаваясь скорби, оплакивает [умершего],
 страдает — таким образом провожает его»¹³.
 Провожает уходящее тело¹⁴,
 встречает возвращающуюся душу.

3

Почтительный сын, провожая [родителя],
 так пристально всматривается в даль,

⁵ Чтобы приготовить пищу.

⁶ *Чжоу* 粥 — «жидкая каша».

⁷ *Лянь* 斂 — «положение тела умершего в гроб».

⁸ *Ши* 尸 — «труп, мертвое тело».

⁹ *Цзю* 柩 — «гроб с телом умершего».

¹⁰ Т.е. рвет на себе одежду от горя.

¹¹ Т.е. распахивает полу верхнего платья на груди.

¹² Т.е. ударяет себя в грудь в районе сердца.

¹³ Эта фраза взята из конфуцианского канонического текста «Сяо цзин» 孝經 («Канон сыновней почтительности») (СЦЧШ 1997: 2561).

¹⁴ Использован иероглиф 形 *син* — «плоть, форма».

так усердствует [в проявлении своих чувств],
 будто догоняет [кого-то], но не [может] догнать.
 Почтительный сын, вернувшись [для] оплакивания¹⁵,
 так расстроен,
 будто искал [что-то], но не нашел.
 Поэтому почтительный сын, провожая [родителя], —
 будто [ребенок] тянется [к матери¹⁶],
 почтительный сын, возвращаясь, —
 будто сомневается, [сможет ли душа вернуться¹⁷].

4

Ищет, но нет места, [где может] найти родителя:
 входит в ворота, но не видит [его],
 поднимается [в] зал — снова не видит,
 входит [в] покои — снова не видит.
 Лишился [родителя]!
 Потерял [близкого]!
 Не увидеть больше никогда!
 Поэтому оплакивает [умершего], предаваясь скорби,
 исчерпав печаль, тогда [лишь] останавливает [скорбь].
 [В] сердце досада, тяжесть, разочарование, стоны!
 Сердце утратило надежду, [в нем лишь] горе, и только!
 Приносит жертвы в храме предков,
 за умершего делает подношения,
 [чтобы] случилась удача — [близкий мог] снова вернуться.

5

Завершив [положение в] могилу и вернувшись,
 [почтительный сын] не осмеливается входить в покои,
 живет в хижине рядом¹⁸.
 [ведь] оплакиваемый близкий [погребен] под открытым небом.
 Спит [на] циновке¹⁹, подушка — ком [земли]:
 [ведь] оплакиваемый близкий [погребен] в земле.
 Поэтому льет слезы без устали,

¹⁵ После похорон сначала следовало отправиться в храм предков для оплакивания, затем — вернуться еще раз в то помещение, где стоял гроб с телом умершего. Поэтому в тексте сказано: «Вернуться для оплакивания» (ЛЦИЧ 1997: II, 979).

¹⁶ Фраза представлена в интерпретации танского канониста Кун Инда (цит. по: ЛЦИЧ 1997: II, 979).

¹⁷ Фраза представлена в интерпретации ханьского канониста Чжэн Сюаня (ЛЦ 1936: 6).

¹⁸ *Илу* 倚廬 — «траурный шалаш»; *и* 倚 — «опираться, прислоняться», *лу* 廬 — «хижина, шалаш». Речь идет о сооружаемом на период строгого траура жилище. Оно возводилось за центральными воротами. К восточной стене дома горизонтально крепили деревянное плечо размером 5 *чи* 尺 (1 *чи* = 0,32 м). К этой поперечине *мэй* 楣 («поперечная балка») приставляли пять вертикальных решетин, наклоненных к восточной стороне. Хижину покрывали травяными циновками. Вход располагался в северной части (ЛЦИЧ 1997: II, 771). Одной стороной описанное сооружение как бы «опиралось» на стену дома, отчего и имело соответствующее название.

По мере постепенного смягчения траура хижина понемногу обустраивалась. Об этом см. также гл. 37, п. 6, 7.

¹⁹ Циновка — в тексте: *шань* 苫.

соблюдает усердно трехлетний [траур],
 [в] сердце — любовь [и] уважение,
 [в] устремлениях — [желание быть] почтительным сыном,
 [в] ценностях — человеческие чувства.

6

Может быть, спросят:

«[Наступил] третий день [после] смерти, и тогда [совершают] *лянь*, почему?»

Ответ:

«Почтительный сын [после] смерти близкого
 полон печальных чувств,
 поэтому падает ниц [на умершего] и оплакивает его
 так, будто [этим можно] вернуть [к] жизни,
 как можно лишить [сына возможности исполнить долг]
 и положить [сразу] умершего в гроб?!!

Поэтому говорят:

[прошло] три дня, и тогда [совершают] *лянь* —
 таким образом ожидая, [что] он [вернется к] жизни.

[Прошло] три дня, но не [вернулся к] жизни
 и не [сможет никогда вернуться к] жизни —
 [в] сердце почтительного сына еще больше траура.

Принимается во внимание [ситуация в] доме:

одежда [для] ношения [траура] может [еще] готовиться,
 родные, находящиеся далеко, могут [еще] добираться,
 вот почему совершенномудрые²⁰ решили
 три дня сделать ритуальным установлением».

7

Может быть, спросят:

«Носящий [шапку] *гуань*²¹ не обнажает плечи,
 почему?»

Ответ:

«Шапка *гуань* — [для тех, кто] достиг уважения,
 [ее] не надевают, [когда] обнажено тело,
 поэтому для обнажившего плечи *мянью*²² заменяет *гуань*.

При этом лысый не [надевает] *мянью*,

²⁰ Шэнжэнь 聖人 — «совершенномудрый человек». «Традиционное для китайской культуры обозначение высшей степени интеллектуально-нравственного и духовного совершенства... „Совершенная мудрость“ реализуется главным образом в способности к идеальному правлению, служащему упорядочению Поднебесной. „Совершенномудрый“ осуществляет свои функции по упорядочению жизни социума и земной природы...» (Юркевич 2006: 628).

²¹ Гуань 冠 — «головной убор», который надевали юноши, вступая в совершеннолетие. Шапка *гуань* являлась частью официального костюма.

²² Мянью 免 — «траурный головной убор», его использовали вместо шапки *гуань* при ношении траурного костюма. Мянью — своеобразная головная повязка, изготавливалась из полосы ткани шириной 1 цунь 寸 (3,3 см); от середины затылка ею охватывали голову, соединяя концы на лбу, затем вновь отворачивали их назад, обматывая узел волос (ЛЖИЧ 1997: II, 72).

горбун не обнажает плечи,
хромой не прыгает —
не [потому, что] не страдают,
[а потому, что] тело сковано стойким недугом,
не позволяющим исполнить [ритуал] *ли*.

Поэтому говорят:

«В траурном ритуале главным является только скорбь».

Женщины оплакивают [умерших], кричат от горя,
ударяют [себя в] грудь, страдают сердцем;
мужчины оплакивают [умерших], кричат от горя,
встречают поклоном, ударяясь [головой о] землю [так, что] не [видно]
лица²³, —
скорбь достигает [крайней степени]».

8

Может быть, спросят:

«*Мянь* — зачем существует?»

Ответ:

«[*Мянь*] носит не надевший шапку *гуань*.

„*Ли*“²⁴ гласят:

„Ребенок не [соблюдает траур] *сы*“²⁵,

²³ В доме, где траур, таким земным поклоном приветствуют посетителей.

²⁴ Приведенная далее фраза цитирует текст «И ли» (ИЛЧШ 1997: 1124).

²⁵ *Сы* 縗 («стонкая ткань, тонкая нить») или *сыма* 緦 — самый легкий траур.

Существовало пять основных типов траура: *чжаньцуй*, *цзыцуй*, *дагун*, *сяогун*, *сыма*. *Чжаньцуй* 斬衰 (*чжань* — «рубить, срубать»; *цуй* — «траурная одежда») — самый строгий траур, его соблюдали три года в отношении наиболее близких людей: дети держали такой траур по отцу, жена — по мужу, отец семьи — по старшему сыну главной жены.

Цзыцуй 齊衰 (*цзы* — «ровный, аккуратный») — следующий тип траура, включавший несколько видов, отличавшихся друг от друга использованием посоха и длительностью срока соблюдения. *Цзыцуй* трехлетний: если отец уже умер, то дети держали такой траур по матери; мать — по старшему сыну. *Цзыцуй* годичный с посохом: сын соблюдал по матери, муж — по жене; *цзыцуй* годичный без посоха — по деду и бабке, дядьям и теткам, братьям; *цзыцуй* трехмесячный — по прадеду и прабабке.

Траур *дагун* 大功 (*да* — «большой», *гун* — «усилия, работа») соблюдали по двоюродным братьям по отцу, деду и бабке мужа, многочисленным внукам от младших жён, умершим в юности или отрочестве сыновьям и дочерям (о трауре по несовершеннолетним см. примеч. 60). *Дагун* мог быть девятимесячным или семимесячным — в зависимости от степени родства с умершим.

Следующий по мере смягчения тип траура — *сяогун* 小功 (*сяо* — «малый»). Его соблюдали в течение пяти месяцев по двоюродным деду и бабке по отцу, двоюродным дядьям и теткам по отцу, деду и бабке по материнской линии, умершим в детстве младшим братьям отца или собственным братьям.

Самый легкий траур *сыма* 緦 длился три месяца, его держали по двоюродным и троюродным прадеду и прабабке, двоюродным и троюродным деду и бабке, двоюродным дядьям и теткам, троюродным братьям, а также по родителям и братьям жены, племянникам (сыновьям сестры), зятям и другим родственникам по женской линии (Пэн Линь 2005: 196–198).

При соблюдении траура важнейшее внимание уделялось использованию в течение полагающегося срока соответствующей одежды, с ее помощью окружающим демонстрировался тип траура. Вид траурного платья зависел от родственных связей с умершим, посторонний человек с одного взгляда на одежду понимал, насколько близкие отношения связывали носящего траур и умершего. При самом строгом трауре *чжаньцуй* платье необходимой формы просто вырезали ножом из куска материи, никак не обрабатывали и даже не сшивали. Траур *цзыцуй* — немного более легкий, чем *чжаньцуй*, поэтому края траурного платья обрезались ровнее, и выглядело платье в целом аккуратнее.

лишь, будучи главой семьи²⁶, [соблюдает траур] *сы*“.
 Кто [соблюдает траур] *сы*, тот [надевает] *мян*ь;
 [поэтому], будучи главой семьи, [надевает] *мян*ь и [пользуется] посохом²⁷».

9

Может быть, спросят:

«Какой [использовать] посох?»²⁸»

Ответ:

«Бамбуковый, тунговый²⁹ — [всё] одинаково³⁰.

Поэтому для отца [пользуются] посохом *цзюйчжан*³¹,
цзюйчжан — бамбуковый [посох];

для матери [пользуются] посохом *сюэчжан*³²,
сюэчжан — тунговый [посох]».

10

Может быть, спросят:

«Почему используют посох?»

Ответ:

«Почтительный сын похоронил родителя,
 оплакивал [его] бесчисленное множество [раз],
 нес усердно трехлетний [траур],
 тело разболелось, организм ослабел —
 [вот и] использует посох, [чтобы] превозмочь болезнь.

Различной была степень обработки материи, из которой шили ритуальные платья. Для изготовления траурной одежды использовали относящиеся к лубяным культурам растения. От стебля отделяли внешний слой, разрывали его, получая луб. Далее с помощью вымачивания и отбивания удаляли клейкое вещество, делая лубяные волокна тоньше и мягче. Их пряли, превращая в нить. Ровница, прошедшая очень простую обработку и не имевшая выраженного цвета, шла на изготовление полотна для платьев *чжаньцуй* и *цзыцуй*. Процесс более интенсивных манипуляций с сырьем позволял получать более мягкий и светлый материал, из которого кроили одежду *дагун*. Еще немного усилий — и пряжа становилась гораздо более тонкой и белой, пригодной для ткани траура *сяогун*. Дальнейшая обработка давала тонкую, будто шелковую, нить, называвшуюся *сы*, из нее ткали материю для платья *сы/сыма*, которое носили во время одноименного траура (Пэн Линь 2005: 203).

²⁶ Ребенок может быть главой семьи, когда, например, в семье нет отца или старших братьев.

²⁷ Комментаторы так поясняют эту фразу: «Почему дети не пользуются посохом? Они не могут болеть. Дети в силу малого возраста не понимают происходящих вещей, в отношении смерти близкого они не могут испытывать такие боль и страдания, которые способны довести их до болезни, вследствие этого им нет необходимости пользоваться посохом. Однако для ребенка, являющегося главой семьи, все по-другому. Он не только соблюдает траур *сы* по близкому человеку, но, даже не надев еще шапку *гуань* (т.е. не вступив в совершеннолетие. — И.К.), он, как и взрослые, надевает *мян*ь. Кроме того, будучи главой семьи, он — главный при исполнении траурных церемоний и в этом случае так же, как и взрослые, пользуется посохом, исполняя ритуал *ли*» (ЛЖИЧ 1997: II, 981).

²⁸ При соблюдении траура по отцу и матери использовали разные посохи.

²⁹ *Тун 桐* — «тунг, тунговое дерево», *бот.* павловния пушистая, Адамово дерево, лат. *Paulownia tomentosa* (БКРС 1983–1984: III, 264).

³⁰ «Одинаковость» двух видов посохов заключается в том, что оба используются при трауре для того, чтобы превозмочь недуг.

³¹ *Цзюйчжан 苴杖* — «траурный посох». Изготавливался из грубого, черного цвета бамбука (*цзюй 苴* — здесь: «плохой, грубый»).

³² *Сюэчжан 削杖* — «траурный посох». Изготавливался из тунгового дерева, кора которого остругана (*сюэ 削* — «срезать, остругивать»).

Если отец жив, [почтительный сын] не осмеливается [пользоваться] посохом, почитаемый жив — [в этом] причина.

В зале не [пользуется] посохом³³:

избегает, [держа посох, быть в] месте, [где находится] почитаемый³⁴;

в зале не спешит,

показывая, [что] не [о чем] беспокоиться³⁵.

В этом устремление почтительного сына,

ценность человеческих чувств.

Основа ритуала *ли*, долга *и*³⁶ —

не с Неба спускается,

не из земли вырастает, —

человеческие чувства, и только!»

Глава 36

Вопросы соблюдения [траура]

1

[В] «[Да] чжуань»³⁷ говорится:

«Бывает, [нужно] следовать легкому [трауру], а [соблюдают] строгий]:

жена *гун-цзы*³⁸ — по своей покойной свекрови³⁹;

«бывает, [нужно] следовать строгому [трауру], а [соблюдают] легкий]:

по родителям жены⁴⁰;

³³ Имеется в виду: во время траура по матери, находясь в зале, не пользуется посохом (ЛЦ 1936: 8).

³⁴ Например, в зале *тан* 堂 — парадном помещении дома, месте, где отец («почитаемый») как глава дома принимает гостей. Отец не должен увидеть сына с посохом — это может напомнить отцу о страдании и горе, связанных с уходом из жизни матери. Поэтому почтительный сын избегает находиться в зале с посохом (ЛЦИЧ 1997: II, 982).

³⁵ Почтительный сын старается всячески показать отцу, что не торопится и не занят делами. Если в зале торопиться, этим можно расстроить отца, напомнить ему об утрате близкого человека (ЛЦИЧ 1997: II, 982–983).

³⁶ *И* 義 — «долг, должная справедливость, чувство долга». В свете конфуцианской этики — одно из основных качеств, которым должен обладать достойный муж; один из основополагающих принципов социальных отношений.

³⁷ В этом фрагменте текста цитируется глава 16 «Ли цзи» — «Да чжуань» 大傳 («Большой комментарий»).

³⁸ *Гун-цзы* 公子 — сын *чжухоу* 諸侯 («правитель наследственного владения»), рожденный от его младшей жены.

³⁹ *Гун-цзы* мог не соблюдать полноценный траур одного из пяти типов по своей умершей матери — младшей жене правителя-*чжухоу*. Из траурных принадлежностей он надевал лишь головной убор *лянь-гуань* 練冠 (обычно используемый при смягчении строгого траура *чжаньцуй* 斬衰 через 13 месяцев после смерти родителей; *лянь-гуань* изготавливался из вываренной, мягкой, белого цвета ткани), холщовый пояс *дедай* 經帶 и траурное платье с каймой светло-фиолетового цвета. Такой комплект одежды не был предусмотрен ни одним из типов траура. Это так называемый «легкий» траур — пример возможных вариаций при исполнении траурных предписаний. Жена *гун-цзы* по умершей супруге правителя-*чжухоу* не держала траура (ЛЦ 2001: II, 764). Однако она должна была следовать своему супругу. Ее траур по сравнению с трауром мужа был строже — ей приходилось соблюдать годичный *цзыцуй* (ЛЦИЧ 1997: II, 582).

⁴⁰ Например, жена по своим родителям соблюдает *цзыцуй* годичный, супруг вслед за женой держит траур по ее родителям, но это траур — *сыма* 緇三月 三個月 трехмесячный. Подобным образом и проявляется принцип «следуя строгому трауру, соблюдать легкий» (ЛЦИЧ 1997: II, 582).

«бывает, [нужно] обходиться без соблюдения [траура], а [его] соблюдают»: жена *гун-цзы* — по двоюродным братьям *гун-цзы*⁴¹;
 «бывает, [нужно] следовать почитанию трауром, а [обходятся] без соблюдения [траура]»: *гун-цзы* — по родителям своей жены⁴².

2

[В] «[Да] чжуань» говорится:
 «[Если] мать удалена [из семьи]⁴³,
 тогда соблюдают [траур] по родне мачехи.
 [Если] мать умерла,
 тогда соблюдают [траур] по родне матери».
 [Если] соблюдают [траур] по родне матери,
 тогда не соблюдают по родне мачехи.

3

[Когда во время] трехлетнего траура принесли жертву *лян*⁴⁴,
 [а при] годовичном трауре⁴⁵ [совершили] погребение,
 тогда повязывают свой прежний⁴⁶ пояс *гэдай*,
 головную повязку *де*⁴⁷, [которую носят при] годовичном [трауре]⁴⁸,

⁴¹ Например, *гун-цзы* не соблюдал траур по своим двоюродным братьям по материнской линии после их смерти, так как это родственники матери, которая не являлась официальной супругой правителя-чжужоу. Однако супруга *гун-цзы* соблюдала в этом случае легкий траур *сыма* (ЛЖИЧ 1997: II, 582).

⁴² Когда умирают родители жены, она держит траур *цзыцуй* годичный. *Гун-цзы* должен был бы вслед за женой тоже надеть траурную одежду, однако он этого не делает. Или, например, после смерти старшего брата младший соблюдает по нему траур; когда умирает невестка — жена старшего брата, младший брат должен был бы вслед за старшим придерживаться по ней траура, однако он этого не делает, чтобы, как считается, предотвратить обиды со стороны других невесток и младших братьев (ЛЖИЧ 1997: II, 582).

⁴³ Изгнана, удалена из семьи, отец развелся с ней.

⁴⁴ *Лянь 練* — принесение жертвы на 13-м месяце после смерти родителей. После совершения *лянь* допущены небольшие послабления в отношении соблюдения траура.

⁴⁵ Который настал (в связи со смертью кого-либо из близких) в период соблюдения траура *чжаныцуй* по отцу.

⁴⁶ Этот пояс завязывали в период трехлетнего траура по отцу после его оплакивания. При соблюдении строгого траура *чжаныцуй* сначала надевали траурный пояс *маяоде* 麻腰經 / *маде* 麻經, изготовленный из пеньки; после принесения жертвы и оплакивания умершего, когда ослабевали требования, связанные с ношением траура, завязывали пояс *гэяоде* 葛腰經 / *гэде* 葛經 / *гэдай* 葛帶 (*гэ* — собирательное название траурной атрибутики из ткани, сделанной из волокон пуэрарии, бот. пуэрария волосистая, лат. *Pueraria hirsuta* Schneid; из прочных волокон коры изготавливали прочную, но тонкую ткань; по качеству она значительно уступала шелковой ткани, относясь, скорее, к тканям из грубых волокон, но необычный блеск и красота волокон поднимали ее выше — над пеньковым полотном [Майкова 2010: 279]). Однако, если перед принесением жертвы *сяосян* 小祥 (в годовщину смерти родителя) умирал кто-либо из близких и требовалось соблюдать по нему годичный траур *цзыцуй*, то в таком случае вновь меняли *гэяоде* на *маяоде*, который завязывали при трауре *цзыцуй*. После похорон при соблюдении годовичного *цзыцуй* меняли *маяоде* на *гэяоде*. Этот *гэяоде* был такой же плотности, что и *гэяоде*, завязывавшийся при смягчении траурных требований после оплакивания при соблюдении трехлетнего *чжаныцуй*. Но в силу того, что «[пояс] *гэ* [при трауре по] отцу должен быть строгим», поэтому в рассматриваемой ситуации все равно завязывали пояс *гэяоде* — тот, который использовали раньше, соблюдая траур по отцу, это и называлось «повязывали свой прежний пояс *гэдай*» (ЛЖИЧ 1997: II, 986).

⁴⁷ *Де 經 / шоуде* 首經 — «траурная головная повязка».

⁴⁸ Во время трехлетнего траура по отцу сын после совершения жертвоприношения *лянь 練* снимал головную повязку, но при одновременном соблюдении годовичного траура все-таки надевал *гэшоуде* (головная траурная повязка из ткани *гэ*) (ЛЖИЧ 1997: II, 986).

надевают свое траурное платье *дагун*⁴⁹.

[При] трауре *дагун*, поступают так же — подобно описанному⁵⁰.

[Траур] *сяогун* не [приносит] перемен⁵¹.

4

[Траурные принадлежности] *ма*⁵², изготовленные [из] корневой [части луба]⁵³, заменяют [траурные принадлежности] *гэ* трехлетнего траура⁵⁴.

[После принесения] жертвы, [когда] приходится [надевать] *ма*, [изготовленные из луба с] обрезанной корневой [частью]⁵⁵,

надевая *мян*, завязывают и *де*⁵⁶.

[Необходимость носить] *мян* проходит — снимают *де*.

⁴⁹ При ношении траурной одежды действовал принцип постепенного смягчения строгого траура, так как скорбь постепенно утихает. Платье, которое надевали при трауре *чжаныцуй* сразу после смерти отца, было скроено из ткани плотностью 3 *шэна* 升. Плотность ткани являлась важным фактором, характеризовавшим траурную одежду. Стандартная ширина полотнища *фу* 幅, шедшего на ее пошив, — 2 *чи* 尺 (0,32 м) 2 *цуня* 寸 (3,2 см). Один *шэн* — плотность куска материи в 80 нитей основы. Чем больше нитей лежало в основе, тем аккуратнее и ровнее была ткань. Материя для обычного платья имела плотность 16 *шэнов*, т.е. в полотнище *фу* шириной 2 *чи* 2 *цуня* в одном ряду основы насчитывалось 1280 нитей (Пэн Линь 2005: 203). После похорон надевали одежду из ткани плотностью 6 *шэнов*, после жертвоприношения *сяосян* — 7 *шэнов*; при годовичном трауре *цзыцуй* сразу после смерти близкого предписывалось носить одежду из полотна плотностью 4 *шэна*, после похорон — 7 *шэнов*; в начальный период *дагун*, когда требования к соблюдению траура еще строги, шили платье из материала плотностью 7 *шэнов*. Траурная одежда, которую надевали после принесения жертвы *сяосян*, при трехлетнем трауре *чжаныцуй* соответствовала той, что следовало носить сразу после похорон при годовичном *цзыцуй*, а также той, которая использовалась в начальный период траура *дагун* (ИЛЧШ 1997: I, 986).

⁵⁰ После принесения жертвы *лян* при трехлетнем трауре *чжаныцуй* и похорон при наставшем одновременно с ним трауре *дагун* надевают такую же траурную одежду, как и после похорон при соблюдении годовичного траура *цзыцуй* (ЛЖИЧ 1997: II, 986). Этот комментарий современный исследователь Ян Тяньюй составил на основе разъяснений цинского ученого Сун Сиданя: «После похорон при *дагун* завязывают прежний пояс *гэдай*, головную повязку *де*, которую носят при годовичном трауре, надевают траурное платье *дагун* — всё происходит подобно ритуалу, совершаемому после похорон при годовичном трауре, наступившем после жертвоприношения *лян* при трехлетнем трауре» (ЛЖЦЦ 1995: III, 1358).

⁵¹ Легкий траур *сяогун* не влияет на строгий траур, поэтому в случае наложения на строгий траур легкого траура никаких перемен в предписаниях по соблюдению строгого траура не происходит. Строгим считается траур типа *дагун* и выше — *чжаныцуй*, *цзыцуй*, *дагун* (ЛЖИЧ 1997: II, 986).

⁵² Головная повязка *шоуде* и пояс *яоде*, которые носят при трауре *дагун*.

⁵³ Т.е. из самой грубой его части.

⁵⁴ При соблюдении трехлетнего траура *чжаныцуй* на 13-м месяце после смерти родителя приносили жертву и надевали головной убор *лянгуань* (это означало смягчение траурных предписаний). Если в это время умирал еще кто-то из родственников и по нему требовалось держать траур *дагун*, тогда меняли головной убор *лянгуань* на повязку *ма*. Подобные предписания касались и траурного пояса. Обычно при трехлетнем трауре сразу после оплакивания пояс *маяоде* меняли на *гэяоде*. Здесь же после жертвоприношения (относящегося к трехлетнему трауру) при необходимости одновременно соблюдать еще и траур *дагун* следовало установлением нового траура и *гэяоде* меняли на *маяоде* (ЛЖИЧ 1997: II, 987).

⁵⁵ *Сяогун* и *сыма* считались легкими типами траура, используемая во время их соблюдения атрибутика изготавливалась из луба с обрезанной корневой частью, обработанного путем интенсивного отбивания и вымачивания.

⁵⁶ При трехлетнем трауре, когда уже принесли жертву на 13-м месяце после смерти и сняли головную повязку *машоуде*, перед облачением в одежду траура *сяогун* или *сыма* может возникнуть ситуация (в случае смерти кого-либо еще из близких или знакомых), требующая обязательного ношения головного убора *мян* (например, во время ритуалов одевания покойника, положения его в гроб — всякий раз, когда, скорбя о смерти близкого, обнажают плечи, то надевают *мян* и оплакивают умершего). В таком случае необходимо специально повязать *машоуде*, обозначающую в одежде траур *сяогун* или *сыма* (ЛЖИЧ 1997: II, 987).

Всякий раз, [когда] можно надеть *де*, обязательно надевают *де*.
[Когда необходимость носить] *де* прошла, тогда снимают ее.

5

[При трауре] *сяогун* не меняют траурный головной убор *ляньгуань*⁵⁷.
Если [нужно облачиться в] *мян*⁵⁸,
тогда завязывают [повязку] *де*, [требуемую при трауре] *сыма* [и] *сяогун*
и, [как] прежде, [носят пояс] *гэдай*.
[Пояс] *ма*, [который носят при] *сыма*,
не меняет [пояса] *гэ*, [который уже завязали при трауре] *сяогун*;
[пояс] *ма* [траура] *сяогун*
не меняет [пояса] *гэ*, [который уже завязали при трауре] *дагун*.
Меняют траур [только на траурные принадлежности *ма*], сплетенные [из] корневой [части луба]⁵⁹.

6

[При трауре по] умершим в юности [и] в отрочестве⁶⁰
меняют [облачение] *гэ*, [которое уже надели при] трехлетнем⁶¹,
отсчитывают месяцы, [ожида] окончания траура⁶²,
и возвращают *гэ*, [которое носили при] трехлетнем.

⁵⁷ После принесения жертвы *лянь* при трехлетнем трауре снимают головную повязку и надевают головной убор *ляньгуань*. Если одновременно наступал траур *сяогун* или *сыма*, то головной убор *ляньгуань* при этом не меняли (ЛЦИЧ 1997: II, 988).

⁵⁸ Т.е. если во время трехлетнего траура возникает необходимость соблюдения еще и траура *сяогун* или *сыма* и в связи с этим облачения в *мян*; *мян* — см. примеч. 22.

⁵⁹ Т.е. только самый строгий траур (*чжаньцуй* или *цзыцуй*) ведет к тому, что после завязывания пояса *гэяоде* (т.е. после некоторого смягчения строгого траура) его вновь меняет *маяоде* (ЛЦИЧ 1997: II, 988).

⁶⁰ В древности того, кто умер в возрасте до 20 лет, называли *шан* 殤 (умерший в незрелом возрасте). В зависимости от возраста *шан* делили на три категории: *чжан шан* 張殤 (умершие в юности, в возрасте 19–16 лет), *чжун шан* 中殤 (умершие в отрочестве в возрасте 15–12 лет), *ся шан* 下殤 (умершие в детстве в возрасте 11–8 лет). Регламент по соблюдению траура в отношении несовершеннолетних был особым. Тип траура в таком случае всегда понижали. Например, по дяде (по отцовской линии) следовало соблюдать годичный траур *цзыцуй*, но, если он умер в юности или отрочестве, тогда держали девятимесячный *дагун*, если в детском возрасте — пятимесячный *сяогун*. Умершего в возрасте до 8 лет называли *у фу чжи шан* 無服之殤 (умерший несовершеннолетним, по которому не носят траур). Траур по нему не соблюдали, только скорбели и оплакивали. Период оплакивания соответствовал возрасту умершего: подсчитывали количество прожитых месяцев, меняя их на дни. Так, если возраст составлял 1 месяц, то срок оплакивания — 1 день. Согласно древним установлениям, ребенку давали имя только на третий месяц после рождения; если умершего младенца еще не нарекли именем, то его не оплакивали (Пэн Линь 2005: 200). Обращает на себя внимание особенность описания в китайской литературе траурных регламентаций в отношении несовершеннолетних: оно представлено как бы в «обратном» порядке. Перечисление начинается со старшей возрастной категории молодых людей (19–16 лет), как наиболее приближенных к официальным членам рода, а заканчивается описанием траурных установлений в отношении умерших в возрасте до 8 лет, по которым вообще не носили траур, так как они не являлись полноправными членами социума (Кейдун 2015: 87).

В данном фрагменте текста речь идет о ситуации, когда в период соблюдения *чжаньцуй* умирал кто-либо еще из родственников, по которому необходимо было соблюдать траур *дагун*; но, если он умирал в юности или отрочестве, тогда мужчине по нему держал траур более легкого типа — *сяогун*. Женщина по умершему в юности соблюдала траур *сяогун*, по умершему в отрочестве — *сыма* (ЛЦИЧ 1997: II, 989).

⁶¹ И снова повязывают пояс *маяоде*.

⁶² При трауре *сяогун* — пять месяцев, при трауре *сыма* — три месяца.

Это — не особое [внимание к облачению] *ма*,
 [а] потому, что такой траур не имеет [ритуала] смены [траурной одежды после со-
 вершения] оплакивания⁶³.
 [Если соблюдают траур по] умершему в детстве,
 тогда не [меняют]⁶⁴.

7

*Цзюнь*⁶⁵ [соблюдает траур] по *Тянь-цзы*⁶⁶ три года.
 Супруга [поступает] подобно [даме] *вайцзун*⁶⁷ [во время траура] по *цзюнь*⁶⁸.
*Ши-цзы*⁶⁹ не соблюдает [траур] по *Тянь-цзы*.

8

[Во время похорон] *цзюнь* быть *чжу*⁷⁰ [могут] супруга, наследник, супруга наслед-
 ника.

9

Сын⁷¹ *дафу*⁷² по *цзюнь*, супруге, наследнику
 соблюдает [траур] подобно *ши*⁷³.

10

[Если] мать *цзюнь* не являлась супругой⁷⁴,
 тогда подданные не соблюдают [траур],
 лишь приближенные и слуги, возница следуют [*цзюнь* и] соблюдают,
 лишь *цзюнь* соблюдает [требуемый] траур.

⁶³ Когда умирает взрослый, то после жертвоприношения и оплакивания наступает облегчение строгого траура. Такой ритуал отсутствует при трауре по несовершеннолетнему, поэтому от начала и до конца траура используют пояс *ма*. И лишь по окончании траура по несовершеннолетнему вновь завязывают пояс *гэ*, который до этого уже надевали при облегчении трехлетнего траура (ЛЖИЧ 1997: II, 989).

⁶⁴ Когда умирает ребенок 8–11 лет, те, кто придерживается в это время траура *дагун* по родственнику, по умершему ребенку соблюдают траур *сыма* и при этом не меняют пояс *гэ*, который обычно носят при трехлетнем трауре (ЛЖИЧ 1997: II, 989).

⁶⁵ *Цзюнь* 君 — «господин, владетельный правитель, *чжухоу*».

⁶⁶ *Тянь-цзы* 天子 — «Сын Неба, верховный правитель, сюзерен».

⁶⁷ *Вайцзун* 外宗 — ранг инофамильных титулованных дочерей сестер и теток государя (дин. Чжоу) (БКРС 1983–1984: II, 717).

⁶⁸ Т.е. супруга *цзюнь* придерживается годовичного траура *цзыцуй* по *Тянь-цзы* — точно так же, как это делает одна из дальних родственниц *цзюнь* по нему самому после его смерти. Супруг дамы *вайцзун* и правитель-*чжухоу* — чужеродные свояки. Если *чжухоу* умирал, то все чужеродные братья соблюдали по нему трехлетний траур *чжаньцуй*; дамы *вайцзун* в таком трауре следовали своим супругам, но снижали траур на одну степень и держали годовичный *цзыцуй*. *Чжухоу* в трауре по *Тянь-цзы* выполняли предписания трехлетнего *чжаньцуй*, их супруги — годовичного *цзыцуй* (ЛЖИЧ 1997: II, 989).

⁶⁹ *Ши-цзы* 世子 — «сын владетельного правителя-*чжухоу*», его наследник.

⁷⁰ *Чжу* 主 — «хозяин», распорядитель во время похорон.

⁷¹ *Ди-цзы* 適子 — «старший сын главной жены».

⁷² *Дафу* 大夫, *ши* 士 — представители высших слоев общества. *Дафу* — средняя аристократия, *ши* — низшая знать.

⁷³ *Ши* по правителью государства соблюдает траур *чжаньцуй*, по супруге правителя и наследнику престола — годовичный *цзыцуй* (ЛЖИЧ 1997: II, 990).

⁷⁴ Т.е. если мать наследственного правителя не являлась главной женой его отца.

11

Гун⁷⁵, [соблюдая траур] по *цину*, *дафу*⁷⁶, [надевает] траурное платье *сицуй*⁷⁷, чтобы [носить его] дома,

выходя [из дома, поступает] так же — подобно описанному, [лишь когда] исполняет [траурные] обязанности⁷⁸, тогда [надевает головной убор] *бяньде*⁷⁹.

Дафу [в отношении] друг друга поступают так же.

[Гун, соблюдая траур] по супруге *цина*, *дафу*,

[если] направляется [исполнять траурные обязанности], тогда надевает траурное платье *сицуй*,

[когда] выходит [из дома]⁸⁰ — тогда нет.

12

Когда встречаются [с] людьми, не снимают [повязку] *де*⁸¹, даже находясь на аудиенции у *цзюнь*, не снимают [повязку] *де*, лишь [соблюдающий] траур *цзыцуй* [у] ворот *гуна* [снимает *де*].

[В] «[Да] чжуань» говорится:

«*Цзюнь-цзы*⁸² не лишает человека траура, также не может [быть] лишен траура».

13

[В] «[Да] чжуань» говорится:

«Злодеяний много, а наказаний — пять [видов]⁸³, траура много, а [траурных] одежд — пять [степеней].

[Есть] относящиеся⁸⁴ [к] серьезному,

[есть] относящиеся [к] незначительному — так и различаются⁸⁵».

⁷⁵ Гун 公 — самый высокий титул одного из владетельных правителей-чжухоу.

⁷⁶ Циндафу 卿大夫 — «цины и дафу» (собирательный термин, обозначающий высших сановников).

⁷⁷ Сицуй 錫衰 — траурная одежда из тонкого холста, которую надевали для выражения соболезнования.

⁷⁸ Ян Тяньюй считает, что под траурными обязанностями подразумевается визит в дом *цина* или *дафу* для выражения соболезнования семье покойного (ЛЦИЧ 1997: II, 991).

⁷⁹ Бяньде 弁經 — «траурный головной убор». Гун, придерживаясь траура по *цину* или *дафу*, повсюду (и в своем дворце, и вне его) ходил в траурной одежде *сицуй*. При этом, как поясняет Чжэн Сюань, он носил шапку *пибянь* — один из церемониальных (не траурных) головных уборов. Отправляясь в дом покойного *цина* или *дафу* с официальным визитом для выражения соболезнования, гун заменял *пибянь* траурным головным убором *бяньде*, который по форме напоминал парадную шапку *цзюэбянь*, но сделан был из пеньковой головной повязки с верхом из некрашеного шелка (ЛЦ 1936: 10).

⁸⁰ По каким-то другим делам (ЛЦ 1936: 10).

⁸¹ Комментаторы считают, что в этой и следующей фразах речь идет о тех, кто соблюдает траур *чжань-цуй*, потому что только глубокое уважение к самому строгому трауру, соблюдаемому по отцу, позволяет не снимать траурную повязку, даже находясь на аудиенции у *цзюнь* (ЛЦ 1936: 18, 10; ЛЦИЧ 1997: II, 991).

⁸² *Цзюнь-цзы* 君子 — «благородный муж, совершенный человек»; идеал человеческой личности в конфуцианстве, характеризуется высокими морально-нравственными качествами.

⁸³ Пять видов наказаний: *мо* 墨 — клеймение лица, *и* 劓 — отрезание носа, *фэй* 剕 — отрубание ног, *гун* 宮 — кастрация, *да би* 大辟 — смертная казнь (ЛЦИЧ 1997: I, 218).

⁸⁴ Виды и степени.

⁸⁵ Юаньский комментатор Чэнь Хао (陳澧), подготовивший редакцию трактата «Ли цзи цзи шо» 禮記集說 («Ли цзи со сборником рассуждений»), следующим образом комментировал эту фразу. «Серьезные злодеяния подлежат серьезным наказаниям, незначительные злодеяния подлежат незначительным наказаниям, пять видов наказаний — это и серьезные, и незначительные. Такие степени траура, как *дагун* и выше,

Глава 37

Описание различий

1

[Во время траура] *чжаньцуй* почему носят [одежду из ткани] *цзюй*⁸⁶?
Цзюй [символизирует] безобразную наружность⁸⁷:
 так проявляют свои внутренние [чувства] — показывая [их] во внешнем.
 [Во время траура] *чжаньцуй* наружность схожа [с] *цзюй*,
 [во время траура] *цзыцуй* наружность схожа [с] *си*⁸⁸,
 [во время траура] *дагун* наружность — будто застывшая,
 [во время траура] *сяогун*, *сыма* выражение лица может [быть обычным].
 Так скорбь проявляется в выражении лица и телесном облике.

2

Плач [во время траура] *чжаньцуй*: [из скорбящего] будто [дух] выходит и не возвращается,
 плач [во время траура] *цзыцуй*: [из скорбящего] будто [дух] выходит, но возвращается,
 плач [во время траура] *дагун*: [голос] неровный, но завывания [неторопливы],
 [при трауре] *сяогун*, *сыма*: достаточно скорби неторопливой [в голосе].
 Так скорбь проявляется в голосе.

3

[Соблюдая траур] *чжаньцуй*, [лишь] поддакивают, но не отвечают⁸⁹,
 [соблюдая траур] *цзыцуй*, отвечают, но не [ведут] беседу,
 [соблюдая траур] *дагун*, беседуют, но не обсуждают⁹⁰,
 [соблюдая траур] *сяогун*, *сыма*, обсуждают, но не касаются удовольствий.
 Так скорбь проявляется в речи.

4

[Соблюдая траур] *чжаньцуй*, три дня не едят,
 [соблюдая траур] *цзыцуй*, два дня не едят,
 [соблюдая траур] *дагун*, трижды не едят,

относятся к трауру по родственникам, т.е. серьезной степени; степени траура *сяогун* и ниже — незначительные степени. Пять степеней траурного платья — это и серьезные, и незначительные степени. Так по аналогии и проводят различие» (цит. по: ЛЦИЧ 1997: II, 992).

⁸⁶ *Цзюй* 苧 — здесь «матёрка, женское растение конопли». Ткань из волокон *цзюй* использовалась для изготовления траурной одежды.

⁸⁷ Волокна ткани *цзюй* — темного цвета, поэтому *цзюй* ассоциируется с безобразной наружностью. Когда случается беда, лицо чернеет от горя, одежды *цзюй*, изготовленные из матёрки, — такого же цвета (ЛЦИЧ 1997: II, 993–994).

⁸⁸ *Си* 桑 — «посконь, мужское растение конопли»; волокно из него получалось более тонкое, чем из *цзюй*. Траур *цзыцуй* являлся немногим более легким, чем траур *чжаньцуй*, поэтому для траурной одежды использовали полотно из волокон *си*, а не *цзюй*. Кроме того, волокна *си* — более светлые, чем *цзюй* (ЛЦИЧ 1995: III, 1364).

⁸⁹ Соблюдая траур *чжаньцуй*, лишь почтительно поддакивают, вроде: «Да, да!», но не отвечают просто на слова собеседника.

⁹⁰ Не обсуждают то, что не имеет отношения к трауру (ЛЦИЧ 1997: II, 995).

[соблюдая траур] *сяогун, сыма*, дважды не едят,
 [если] *иш* участвует в положении [умершего] в гроб, тогда единожды не ест.
 Поэтому [соблюдая] траур [по] отцу [и] матери,
 после погребения едят *чжоу*,
 утром — один *и*⁹¹ риса,
 вечером — один *и* риса.
 [При] трауре *цзыцуй* [едят] грубую пищу,
 пьют воду,
 не едят овощи [и] фрукты.
 [При] трауре *дагун* не едят *сицзян*⁹².
 [При трауре] *сяогун, сыма* не пьют *лицзю*⁹³.
 Так скорбь проявляется в напитках [и] еде.

5

[Держа] траур [по] отцу [и] матери,
 когда [совершены жертвоприношение] *юй*⁹⁴ [и] оплакивание,
 [едят] грубую пищу,
 пьют воду,
 не едят овощи и фрукты;
 [прошел] год и [совершили жертвоприношение] *сяосян* —
 едят овощи [и] фрукты;
 [прошел] еще год и [совершили жертвоприношение] *дасян*⁹⁵ —
 [в еде] появляется [кислый соус] *сицзян*;
 [прошел еще] месяц и [совершают жертвоприношение] *тань*⁹⁶,
 [совершают жертвоприношение] *тань* и пьют [вино] *лицзю*.
 Начинаящий пить вино сначала пьет *лицзю*,
 начинающий есть мясо сначала ест сушеное мясо.

6

[Держа] траур [по] отцу [и] матери,
 живут в хижине рядом⁹⁷,
 спят [на циновке] *шань*, подушка — ком [земли],

⁹¹ *И* (溢 вместо 鎰) — старая весовая единица, равная $\frac{1}{16}$ части *цзиня*, кит. фунта, равного примерно 0,5 кг (БКРС 1983–1984: II, 316).

⁹² *Сицзян* 醃醬 — «кислый мясной соус, маринад» (БКРС 1983–1984: II, 297).

⁹³ *Лицзю* 醴酒 — «сладкое (слабое, молодое) вино» (БКРС 1983–1984: II, 259).

⁹⁴ *Юй* 虞 — «поминальное жертвоприношение». Совершалось в доме покойника после похорон.

⁹⁵ *Дасян* 大祥 — «великое жертвоприношение». Отмечало 25-й месяц со дня смерти родителя.

⁹⁶ *Тань* 禫 — «жертвоприношение в день снятия траура по родителю». Отмечало начало 27-го месяца со дня смерти. Срок трехлетнего траура на самом деле подразумевал не три целых года, а два года и начало, «верхушку», третьего. Жертву *дасян* приносили на 25-й месяц со дня смерти, и это событие знаменовало наступление третьего года траура. Почтительный сын, продолжая соблюдать глубокий траур, мог теперь надеть головной убор все еще траурного белого цвета, но изготовленный из тонкого шелка. Когда наступал 27-й месяц после смерти родителя, совершали жертвоприношение *тань*. Приходило время снятия траура и возвращения к использованию черной ритуальной чиновничьей шапки, придворного платья. К 29-му месяцу полностью восстанавливался порядок ношения обычных одежд и привычная жизнь (ЛПЧ 1997: I, 82).

⁹⁷ См. примеч. 18.

не снимают траурного пояса *дедай*.

[Когда держат] траур *цзыцуй*,
живут [в] белёном жилище⁹⁸,

[спят на подстилке из] рогоза⁹⁹, обрезанной, [но] не прошитой.

[Когда держат] траур *дагун*,
спят на [циновке] *си*¹⁰⁰.

[Когда держат] траур *сяогун*, *сыма*,
можно [спать на] кровати.

Так скорбь проявляется в месте проживания.

7

[Держа] траур [по] отцу [и] матери,

когда [совершены жертвоприношение] *юй* [и] оплакивание,

[сооружают] колонну, [поддерживающую] поперечную балку *мэй*¹⁰¹,

обрезают заслоняющую [вход травяную циновку],

[спят на подстилке из] рогоза, обрезанной, [но] не прошитой;

[прошел] год и [совершили жертвоприношение] *сяосян* —

живут [в] белёном жилище,

спят на циновке *си*;

[прошел] еще год и [совершили жертвоприношение] *дасян* —

живут снова во внутренних покоях;

[прошел еще] месяц и [совершили жертвоприношение] *тань*,

[совершили] жертвоприношение *тань* и [тогда спят на] кровати.

8

[Для платья] *чжаньцуй* [берут материю плотностью] три *шэна*¹⁰².

[Для платья] *цзыцуй* — четыре, пять, шесть *шэнов*¹⁰³.

⁹⁸ *Эши* / *уши* 聖室 — белёное жилище для проживания во время глубокого траура. Представляло собой маленькое сооружение в виде хижины с кирпичным валом и соломенными стенами, не обмазанными глиной, лишь только оштукатуренными известняком, без каких-либо украшений (ЛЖИЧ 1997: II, 681).

⁹⁹ *Ся* 葦 — «рогоз»; травянистое растение для плетения циновок.

¹⁰⁰ *Си* 席 — «циновка, рогожка».

¹⁰¹ *Мэй* — см. примеч. 18. Т.е. траур постепенно смягчается, что находит выражение и в обустройстве траурного жилища.

¹⁰² См. примеч. 49.

¹⁰³ Такие типы траура, как *цзыцуй*, *дагун*, *сяогун*, имели три степени каждый: *цзянфу* 降服, *чжэнфу* 正服, *ифу* 義服, различавшиеся ношением ритуальной одежды из ткани соответствующей плотности. Степень определялась характером отношений с умершим. Именно поэтому в рассматриваемом фрагменте текста для одежды одного типа траура предлагаются три варианта ткани.

Цзянфу (букв. «понижать траур») — самая строгая степень, она указывает на то, что в силу определенной причины невозможно соблюдение траура (и в том числе ношение траурной одежды), который в точности соответствует родственным связям с умершим, поэтому тип траура понижен. Например, сын одинаково печалится по поводу смерти отца и матери, но по отцу он соблюдает траур *чжаньцуй* и носит платье из ткани плотностью 3 *шэна*. По матери сын не может держать такой же траур, поэтому соблюдает *цзыцуй* и надевает платье из материи 4 *шэна*.

Вторая степень — *чжэнфу* (букв. «чистый / прямой траур»). Она объединяет те траурные ситуации, для которых характерно точное соответствие соблюдаемого траура родственным отношениям с умершим.

Третья степень — *ифу* (букв. «траур [из чувства] долга»). Это траур, который держат по тому, с кем нет родственных связей, но требуется проявление должного уважения. Из трех степеней эта — наиболее легкая. Например, именно такой траур держали по своему господину подданные *цинов*, *дафу* (ЛЖИЧ 1997: II, 997–998).

[Для платья] *дагун* — семь, восемь, девять *шэнов*.

[Для платья] *сяогун* — десять, одиннадцать, двенадцать *шэнов*.

[Для платья] *сыма* — пятнадцать *шэнов*, [но] отнимая половину нитей¹⁰⁴, обрабатывая нити ткани, [будто шелковые],

не выбеливая ткань,

[такая ткань] называется *сы*¹⁰⁵.

Так скорбь проявляется в одежде.

9

[Для платья] *чжаньцуй* [берут материю плотностью] три *шэна*,

когда [совершены жертвоприношение] *юй* [и] оплакивание,

берут для [платья] пригодную материю¹⁰⁶ шесть *шэнов*,

[для] головного убора — семь *шэнов*¹⁰⁷.

Траурное одеяние по матери — четыре *шэна*,

затем берут для [платья] пригодную материю семь *шэнов*,

[для] головного убора — восемь *шэнов*.

[После] снимают *ма*, надевают *гэ*, [пояс] *гэдай* в три жгута¹⁰⁸.

[Прошел] год и [совершают жертвоприношение] *сяосян*,

[надевают] *ляньгуань*, [платье] со светло-коричневой каймой,

[пояс] *яоде* не снимают.

Мужчины снимают с [головы] повязку,

женщины снимают с [одежды] пояс.

Мужчины почему снимают с [головы] повязку?

Женщины почему снимают с [одежды] пояс?

[Для] мужчин важное — повязка,

¹⁰⁴ Пятнадцать *шэнов* — это плотность ткани, использовавшейся для изготовления придворного ритуального платья. Если убрать половину нитей, то получалась плотность семь с половиной *шэнов*. При этом по качеству ткань для траура *сыма* оставалась такой же тонкой, как и для ритуального придворного платья, а вот степень разреженности нитей в плетении ткани составляла всего лишь половину от того, что характеризовало ритуальное придворное платье. Если 1 *шэн* — 80 нитей основы, то 15 *шэнов* — 1200 нитей, половина этого — 600 нитей: т.е. получалась тонкая и неплотная материя, из которой делали платье для самого легкого траура (ЛЦИЧ 1997: II, 997).

¹⁰⁵ *Сы* 縵 — «тонкая ткань, тонкая нить». *Сы* — см. примеч. 25.

¹⁰⁶ *Чэн бу* 成布 — «пригодная материя». Так называется ткань плотностью 6 *шэнов* и выше. Ткань плотностью ниже 6 *шэнов* толста и груба и не годится для изготовления одежды. А из ткани разреженностью нитей 6 *шэнов* и выше вполне можно сделать одежду. Поэтому такая ткань и называется «пригодная материя» (ЛЦИЧ 1997: II, 999).

¹⁰⁷ На разных этапах траура по мере ослабления скорби и совершения положенных действий (похороны, жертвоприношение *лянь*, жертвоприношение *дасян*) меняется траурное платье: ткань становится все тоньше, все больше появляется декоративных элементов. При трауре *чжаньцуй* сначала надевают платье, изготовленное из ткани плотностью 3 *шэна*, головной убор — из ткани 6 *шэнов*. После погребения умершего сразу надевают траурное платье из ткани 6 *шэнов* (т.е. такой же плотности, как и ткань головного убора в предшествующем комплекте траурной одежды), а головной убор — из ткани плотностью 7 *шэнов*. После жертвоприношения *сяосян* ткань для платья становится еще чуть тоньше и плотнее (такой же, как в предыдущем случае с головным убором) — 7 *шэнов*, а головной убор — 8 *шэнов* и т.д.

При траурах *цзыцуй* и *дагун* принцип точно такой же. В начале траура *цзыцуй* надевают платье плотностью 4 *шэна*, головной убор — 7 *шэнов*. Сразу после совершения погребения платье — 7 *шэнов*, головной убор — 8 *шэнов*. В начале траура *дагун* платье — 7 *шэнов*, головной убор — 10 *шэнов*; сразу после похорон надевают платье плотностью 10 *шэнов*, а головной убор — 11 *шэнов* (ЛЦИЧ 1997: II, 999).

¹⁰⁸ Пояс из волокон *гэ*, сплетенных в три жгута. Первый жгут состоял из одного пучка волокон, второй — из двух, третий — из четырех (ЛЦ 2001: II, 771).

[для] женщин важное — пояс.

Снимающий траур сначала [снимает] важное, меняющий траур заменяет легкий [траур строгим]¹⁰⁹.

[Прошел] еще год и [совершают жертвоприношение] *дасян*, [после чего носят шапку из] некрашеного тонкого шелка¹¹⁰, [платье] *маи*¹¹¹.

[Прошел еще] месяц и [совершают жертвоприношение] *тань*,

[совершено] *тань* — [надевают шапку] *сянь*¹¹², —

[и больше] нет того, что нельзя было бы надевать.

10

[Тот, кто] меняет траур, почему заменяет [строгой] легкую [степень траура]¹¹³?

[При трауре] *чжаньцуй* [после жертвоприношения] *юй*, оплакивания:

[если] случается траур *цзыцуй*,

[тогда] легкий [траур] поглощается [новым строгим]¹¹⁴,

строгий [траур] специально [сохраняют]¹¹⁵.

11

[При трауре *чжаньцуй* после жертвоприношения] *лянь*:

[если] случается траур *дагун* —

[тогда надевают строгий] *ма*, [потом] — строгий *гэ*¹¹⁶.

¹⁰⁹ При соблюдении строгого траура (например, *чжаньцуй*) после жертвоприношения *лянь* и оплакивания мужской пояс *маяоде*, женскую головную повязку *машоуде* заменяли атрибутами более легкого траура — *гэде*. Но, если в это время в случае еще одной смерти наступала необходимость одновременно держать другой траур (например, *цзыцуй*), следовало уже надетые траурные принадлежности *гэде* вновь менять и завязывать вместо них предметы строгого траура (ЛЦИЧ 1997: II, 1000).

¹¹⁰ Или шапку с каймой белого цвета (ЛЦИЧ 1997: II, 999).

¹¹¹ *Маи* 麻衣 — «холщовое платье»; траурная одежда, которую надевали при смягчении траура, изготавливалась из ткани плотностью 15 *шэнов*, без какой-либо цветной отделки. В траурном гардеробе платье *маи* считалось парадной одеждой.

¹¹² *Сянь* 纈 — «пестрый головной убор», изготовлен из пестрой ткани с черной нитью в основе, белой — в утке.

¹¹³ См. примеч. 109.

¹¹⁴ Тот, кто носил траурную одежду *чжаньцуй*, после жертвоприношения *юй* и оплакивания менял траурный пояс *маяоде* на *гэоде*. В это время в случае еще одной смерти кого-либо из родственников могло потребоваться соблюдение траура *цзыцуй*, тогда *гэоде* следовало поменять на *маде* траура *цзыцуй*. Поскольку пояс *гэоде* — атрибут более легкой степени траура, он мог быть «поглощен» *маде* траура *цзыцуй* — так легкий траур «поглощается» новым строгим трауром. То же самое касалось предметов женской траурной одежды (ЛЦИЧ 1997: II, 1000).

¹¹⁵ Т.е. мужчины сохраняли ношение строгой головной повязки (как при трауре *чжаньцуй*); женщины — строгого пояса (как при трауре *чжаньцуй*) (ЛЦИЧ 1997: II, 1000).

¹¹⁶ После жертвоприношения *лянь* при трауре *чжаньцуй* мужчина обходился без головного убора, лишь на одежде завязывался пояс из ткани *гэ*, женщины снимали пояс, повязывали только головную повязку *гэде* — это простой степени *гэ*. Но, если в этот период времени необходимо было держать еще и траур *дагун*, тогда мужчина, в соответствии с требованиями начального периода соблюдения траура *дагун*, добавлял еще головную повязку *ма* — *маде*, прежняя поясная повязка *гэде* также менялась на пояс из ткани *ма*. Таким образом, и на голове, и на теле были повязки *маде* — это строгой степени *ма*. Женщина поступала подобным образом.

После жертвоприношения *юй* и оплакивания, положенных при трауре *дагун*, следовало головную повязку *маде* заменить на головную повязку *гэде*. Что касается пояса, то восстанавливали ношение прежнего *гэде*. Таким образом, и на голове, и на теле — всюду носили *гэде*, так называемый *гэ* строгой степени. Женщины поступали подобным образом (ЛЦИЧ 1997: II, 1001).

12

[При] трауре *цзыцуй* совершив жертвоприношение *юй*, оплакивание,
[если] случается траур *дагун*,
[тогда] совмещают ношение *ма* и *гэ*¹¹⁷.

13

[Плотность материи] *гэ* [траура] *чжаньцуй* схожа [с] *ма* [траура] *цзыцуй*;
гэ [траура] *цзыцуй* схожа [с] *ма* [траура] *дагун*;
гэ [траура] *дагун* схожа [с] *ма* [траура] *сяогун*;
гэ [траура] *сяогун* схожа [с] *ма* [траура] *сыма*.
[Если плотность *гэ* предшествующего траура и] *ма* [последующего] схожи,
тогда совмещают ношение¹¹⁸.
Совмещающая ношение, строгим заменяют легкое¹¹⁹.

Литература

- БКРС 1983–1984 — Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / Под рук. и ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983–1984.
- ИЛЧШ 1997 — Ли ли чжу шу. 儀禮注疏 («И ли» с комментариями и пояснениями к комментариям) // Ши сань цзин чжу шу (Цюань эр цэ). 十三經注疏(全二冊) («Ши сань цзин» с комментариями и пояснениями к комментариям). В 2 т. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1997. Т. 1. С. 941–1220.
- Кейдун 2015 — Кейдун И.Б. Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи») // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 13. Вып. 4. С. 84–92.
- ЛЦ 1936 — Ли цзи / Чжэн Ши чжу. 禮記 / 鄭氏註 (Ли цзи / Коммент. Чжэн Ши). Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1936. Цз. 1–20.
- ЛЦ 2001 — Ли цзи (Шан, ся) / Цянь Синци чжу и. 禮記 (上、下) / 钱兴奇注译 (Ли цзи / Примеч. и пер. Цянь Синци). В 2 т. Чанша: Юэлу шушэ, 2001.
- ЛЦИЧ 1997 — Ли цзи и чжу (Цюань эр цэ) / Ян Тяньюй чжуань. 禮記譯註(全二冊). 楊天宇撰 («Ли цзи» с переводом и комментариями / Сост. Ян Тяньюй). В 2 т. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1997.
- ЛЦЦЦ 1995 — Ли цзи цзи цзе (Цюань сань цэ) / (Цин) Сунь Сидань чжуань. 禮記集解(全三冊). (清)孫希旦撰 («Ли цзи» со сборником толкований / Сост. (Цин) Сунь Сидань). В 3 т. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1995.
- Майкова 2010 — Майкова Н.В. Традиционный текстиль Японии: «каппу» — ткань из волокон пуэрарии // Кюнеровский сборник [Текст]: материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований / Отв. ред. Е.В. Иванова, Д.А. Самсонов. Вып. 6: Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение, 2008–2010. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 278–285.

¹¹⁷ Соблюдающий траур *цзыцуй* носил на голове повязку *гэде*, пояс *маде*. После жертвоприношения *юй* и оплакивания, пояс меняли на *гэде*, а если в это время необходимо было еще и придерживаться траура *дагун*, тогда пояс *гэде* меняли на *маде* траура *дагун*, а головную повязку не меняли, по-прежнему нося *гэде*. Таким образом, человек совмещал на себе ношение двух видов *де* — *ма* и *гэ*, это и есть «совмещение ношения *ма* и *гэ*» (ЛЦИЧ 1997: II, 1001).

¹¹⁸ Траурной атрибутики, относящейся к предшествующей и последующей степеням траура.

¹¹⁹ Атрибутика *маде* строже, чем *гэде*, поэтому при совмещении ношения *гэяде* предшествующего траура заменяют на *маяде* последующего траура.

- Пэн Линь 2005 — *Пэн Линь. Zhongguo gudai liyi wenming.中国古代礼仪文明*. 彭林 (Культура древних китайских ритуалов). Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 2005.
- СЦЧШ 1997 — Сяо цзин чжу шу. 孝經注疏 («Сяо цзин» с комментариями и пояснениями к комментариям) // Ши сань цзин чжу шу (Цюань эр цэ). 十三經注疏(全二册 («Ши сань цзин» с комментариями и пояснениями к комментариям). В 2 т. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1997. Т. 2. С. 2537–2562.
- Феокистов 2005 — *Феокистов В.Ф.* Философские взгляды Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаевода / Сост. Е.В. Якимова. М.: Наталис, 2005.
- Юркевич 2006 — *Юркевич А.Г.* Шэн // Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 т. М.: Восточная литература, 2006. Т. 1: Философия. С. 628.

References

- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Comprehensive Chinese-Russian dictionary]. In 4 vols. Ed. by I.M. Oshanin. Moscow: Nauka, 1983–1984 (in Russian and Chinese).
- Feoktistov V.F. *Filosofskie vzgliady Siun'-tszy. Issledovanie. Perevod. Razmyshleniia kitaaveda* [Philosophical views of Xunzi. Research. Translation. A Sinologist's thoughts]. Compiled by E.V. Iakimov. Moscow: Natalis Publ., 2005 (in Russian).
- Iurkevich A.G. "Sheng". In: *Dukhovnaia kultura Kitaia, t. 1. Philosophiia* [Spiritual Culture of China, vol. 1. Philosophy]. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2011, pp. 628 (in Russian).
- Keidun I.B. "Poriadok nosheniia traura v kanonicheskikh ustanovleniakh konfutsianstva (po materialam traktata "Li tszi")" [Mourning in the Canonical Confucian Regulations (according to "Li ji" canonical treatise)]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of St. Petersburg State University], 2015, Ser. 13, No. 4, pp. 84–92 (in Russian).
- Li ji. Qian Xingqi zhu yi (*Shang, xia*) 礼记. 钱兴奇注译(上,下) [Li ji. Notes and translation by Tsyan' Sinti]. In 2 vols. Changsha: Yuelu shushe, 2001 (in Chinese).
- Li ji ji jie. (Qin) Sun Xidan zhuan (*Quan san ce*) 禮記集解. (清)孫希旦撰(全三册) ["Li ji" with a collection of interpretations. Comp. by (Tsin) Sun Sidan]. In 3 vols. Beijing: Zhonghua shuju, 1995 (in Chinese).
- Li ji yi zhu. Yang Tianyu zhuan (*Quan er ce*) 禮記譯注. 楊天宇撰(全二册) ["Li ji" with translation and commentary. Comp. by Yang Tianyu]. In 2 vols. Shanghai: Guji chubanshe, 1997 (in Chinese).
- Li ji. Zheng Shi zhu 禮記. 鄭氏註 ["Li ji"]. Comment. by Chzhen Shi]. Shanghai: Zhonghua shuju, 1936 (in Chinese).
- Maikova N.V. "Traditsionnyi tekstil' Iaponii: "kappu" — tkan' iz volokon puerarii" [Traditional Japanese "kappu" textiles — a fabric made of kudzu fibers]. In: *Kiuneroskii sbornik: Materialy Vostochnoaziatskikh i Iugo-Vostochnoaziatskikh issledovanii. Etnografiia, fol'klor, iskusstvo, istoriia, arkhologiiia, muzevedenie, 2008–2010* [Kiuner's Collection: East and South-East Asian Studies material. Ethnography, folklore, art, history, archeology, museology]. No. 6. St. Petersburg: MAE RAS, 2010, pp. 278–285 (in Russian).
- Peng Lin 彭林. *Zhongguo gudai liyi wenming* 中国古代礼仪文明 [The culture of ancient Chinese rites]. Beijing: Zhonghua shuju, 2005 (in Chinese).
- "Xiao jing zhu shu" 孝經注疏 ["Xiao jing" with commentary and explanatory notes]. In: *Shi san jing zhu shu. Xia ce* 十三經注疏(下册) ["Shi san jing" with commentary and explanatory notes, vol. 2]. Shanghai: Guji chubanshe, 1997, pp. 2537–2562 (in Chinese).
- "Yi li zhu shu" 儀禮注疏 ["Yi li" with commentary and explanatory notes]. In: *Shi san jing zhu shu. Shang ce* 十三經注疏(上册) ["Shi san jing" with commentary and explanatory notes, vol. 1]. Shanghai: Guji chubanshe, 1997, pp. 941–1220 (in Chinese).

“Li ji” (“Records of Rites”). Chapters 35–37*Introduction, Translation from Chinese, Commentary by Irina B. Keidun*

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 5–25)

Received 17.02.2016.

Irina B. Keidun

Amur State University; Ignatievskoe shosse 21, Blagoveschensk, Amurskaya oblast',
675027 Russian Federation.

The publication contains translation of three chapters of the canonical Confucian treatise *Li ji* (“Record of rites”), composed in the 1st century BC. It consists of various standards related to *li* — the key concept of Confucian culture. The publication presents the following chapters of the treatise: “Inquiries [about] mourning” (“*Wen sang*”), “Guidelines [on] wearing [the willow]” (“*Fu wen*”), “Description [of] differences” (“*Jian zhuan*”). These chapters deal with various mourning-related issues — a respectful son’s behavior after his parents’ death, usage of mourning attributes (clothes, hat, staff), ways of conveying sorrow (through facial expression, body language, voice, words, in beverages and food, clothes, or place of living), main types of mourning (*zhancui*, *zicui*, *dagong*, *xiaogong*, *sima*) and their regulation, mourning rules for high nobility, etc.

Key words: Confucian canon, “Li ji”, rite-*li*, mourning rite, mourning clothes.

About the author:

Irina B. Keidun, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Chinese Studies Department, Amur State University (ikeidun@mail.ru).

Хронограммы в ранней паштоязычной историографии

М.С. Пелевин

Восточный факультет СПбГУ

В статье рассматриваются особенности формы и содержания, а также функциональное назначение стихотворных хронограмм (*tārīḫ*), включенных в прозаический текст «Хатакской хроники» (закончена в 1724 г.), оригинальной части компилятивного историографического сочинения на пашто «*Tārīḫ-i muraṣṣa*». Вследствие особенностей ранней паштунской графики и орфографии афганские авторы для составления хронограмм со сложной шифровкой дат по системе *абджада*, т.н. «смысловых датировок» (*tārīḫ-i ma'navī*), предпочитали пользоваться персидским языком. Большинство цитируемых в «Хронике» хронограмм по форме представляют собой короткие фрагменты (*кап 'а*), преимущественно четверостишия, а их основное назначение — фиксация дат рождения и смерти хатакских князей. Немногочисленные хронограммы на пашто частично сохранились в искаженной графической передаче, но в ряде случаев контекст позволяет реконструировать их первоначальный вид. Хронограммы «Хатакской хроники», с одной стороны, представляют интерес как уникальные документальные источники, с другой — иллюстрируют процесс адаптации традиций персоязычной литературы к национальной письменности пашто в период ее становления.

Ключевые слова: литература пашто, историография афганских племен, функциональность литературного текста.

Статья поступила в редакцию 22.03.2016.

Пелевин Михаил Сергеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранской филологии Восточного факультета СПбГУ, РФ; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11 (pelevin@mp2276.spb.edu).

© Пелевин М.С., 2016

В персидской классической литературе термин «хронограмма» (*tārīḫ*, араб. *ta'rīḫ* «число, дата») применялся для обозначения как собственно датировок, включенных в текст художественных, прежде всего поэтических произведений, так и целевых стихотворений, писавшихся специально для фиксации дат каких-либо событий (Рурка 1968: 97, 282, 298; Bruijn 1992; Blois 2000). Второе значение термина распространилось, вероятно, уже в послемонгольское время, примерно с XV в., когда на волне возросшего интереса к формальной стороне поэтического творчества хронограммы стали самостоятельным литературным жанром.

Независимо от семантики термина главным техническим элементом хронограммы является сама дата, которая может обозначаться или обычным способом, посредством числительных (для годов и чисел) и названий месяцев, или с помощью *абджада* — системы числовых значений арабских букв¹. При использовании *абджада*

¹ Детальное исследование техники буквенного счета и составления хронограмм в персидской литературной традиции см. в книге иранского ученого М. Садри: (Садри 1999) (благодарю А.А. Хисматулина за предоставленную мне возможность ознакомиться с этой работой).

применялись разные графические и лексико-грамматические приемы шифровки чисел. Упрощенная шифровка даты с использованием *абджада* представляла собой механическое сочетание букв, не имеющее лексического значения. Именно такой прием обозначения даты чаще других встречается в хронограммах ранних афганских поэтов, что обусловлено главным образом особенностями паштунского письма и орфографии на начальном этапе их развития (об эволюции афганского алфавита см.: Кушев 1980: 102–113; 2008: 116–126; Mackenzie 1997). Сложные шифровки, требовавшие не только разных арифметических действий, но и решения логических заданий, делались в форме логогрифов (примеры см. в Buijn 1992). Классический тип хронограммы, получивший название *tārīḫ-i ma'navī* (букв. «смысловая дата»), предполагал шифровку даты (в основном года) в слове, словосочетании или законченной фразе. Сложность такой хронограммы, естественно, зависела от количества букв, из которых складывалась требуемая дата. Именно этот способ датировки, одновременно являющийся художественным приемом, в персидской литературной традиции соотносился с исходным, узкоспециальным значением термина «хронограмма».

Широкое распространение жанр стихотворной хронограммы получил в персоязычной литературе могольской Индии. Особенно популярными хронограммы стали во времена правления императора Хумайюна (прав. 1530–1540, 1555–1556). Эти стихи, имевшие, как правило, форму *kit'ā*, фиксировали прежде всего даты рождения или смерти высоких персон, а также хронологию крупных исторических событий ('Abdu'l Ghani 1930: 2–4). Популярность жанра объяснялась не только исключительным вниманием могольской элиты к историографии, но и общей литературной модой на разного рода технические приемы, в том числе связанные с графическим оформлением стихотворного текста².

В литературе пашто хронограммы начинают спорадически появляться у рошанитских поэтов-мистиков в первой половине XVII в. (о рошанитской поэзии см.: Пелевин 2005; Маннанов 2006). Частично к жанру хронограммы, например, можно отнести очень любопытную, необычную по риторике газель Мйрзā-хāна Ансārī (ум. 1630–31), где упоминаются региональные войны в Могольской империи в 1630–31 г. Прямая датировка описываемых событий (1040 г.х./1630–31 г.) содержится в первом бейте стихотворения: «Говорю эти слова в году тысяча сорок[овом], / когда в Декане и Гуджарате случились жестокости» (Мйрзā 1975: 72). Примером хронограммы с применением *абджада* является газель Давлата Лохāная (ум. после 1658 г.), написанная в 1648 г. по случаю смерти лидера рошанитской общины Индии Рашīд-хāна. Датировка здесь включена в предпоследний, седьмой бейт: «Если хочешь подсчитать дату этого [события] по *абджаду*, / будь терпелив к этим буквам: *ḡayn*, *nūn*, *ḡa*»³ (Давлат 1975: 223).

Регулярное использование стихотворных хронограмм в литературе пашто начинается с творчества Хўшхāl-хāна Хатака (1613–1689) второй половины XVII в. Можно

² Среди таких приемов особенно популярными были *ṣan'at-i iḥmāl* ('искусство упущения') и *ṣan'at-i duḡarfi* ('искусство двух букв'): для написания стихотворения в первом случае использовались только слова с буквами без точек, во втором — только слова, состоящие из двухбуквенных сочетаний. Прибегая к этим приемам, поэты решали в большей степени технические, нежели идейно-художественные задачи. Подобные стихотворения на пашто есть в *divāne* Хўшхāl-хāна (Хўшхāl 1952: 927–929). В могольской литературе самыми известными произведениями, написанными с использованием приема *ṣan'at-i iḥmāl*, были дидактическая поэма «*Мавāрид ал-калām*» («Источники речи») и комментарий к Корану «*Савāти' ал-илхām*» («Вспышки вдохновения»), принадлежащие перу крупного придворного поэта Абў 'л-Файда Файдī (ум. 1592). Недоброжелатели поэта утверждали, что свой «бесточечный» комментарий к Корану он написал в нетрезвом состоянии (Bazmee Ansari 1991).

³ Год «*ḡayn*, *nūn*, *ḡa*» (1000, 50, 8) — 1058 г.х./1648 г.

утверждать, что возникновение самого жанра стихотворной хронограммы в паштунской книжной словесности относится к числу творческих заслуг именно Хушхала, который внес самый значительный вклад в развитие письменного языка и литературы пашто, включающий новаторское расширение функциональности и жанрового спектра литературных произведений. Немалая часть литературного наследия Хушхал-хана является прямым отражением реальной исторической действительности. Не случайно в его произведениях встречается много разных по форме и назначению датировок. Собственно стихи-хронограммы Хушхала по содержанию могут считаться своеобразными дневниковыми записями, в совокупности образующими пеструю мозаику жизни самого автора и его окружения. Среди хронограмм Хушхала, включенных в его *дйвāн*, есть и отклики на крупные исторические события, и заметки о повседневных событиях его частной жизни, например (см. также: Пелевин 2001: 44–45, 77, 86):

Четверостишие-*қит'а* о большой битве в Хайберских горах весной 1672 г. между восставшими афганскими племенами и могольским имперским войском:

«Второго *мухәррама* в субботу, в году *зафадж*⁴,
Моголы не спаслись ни стрелами и ни клинками.
Шинвāраи, афрйдаи, нищие моманды из Даки⁵
Унесли рупии в мешках, золотые монеты — в ситах» (Хушхал 1952: 922).

Фрагмент-*қит'а* о наблюдении кометы в Дели в 1664 г.:

«Такая звезда взошла в это дурное время,
Что на целый *газ*⁶ торчал из ее пасти огненный язык.
Люди говорят, что это знак голода или холеры,
Я же утверждаю, что нет, это примета Судного дня.
Если это не Судный день, так что же,
Когда сын правит, а отец сидит в темнице⁷?
Год был таков, если сложить '*айн*, *зайн* и *хай*⁸;
Разумный человек сам поймет, что к чему» (Там же: 827–828).

Фрагмент-*қит'а* о приезде летом 1674 г. в афрйдайское селение Майдāн, расположенное в горах Тйрāха:

«Был месяц Первой Сестры, / когда я приехал в Майдāн.
Какой был год? Был *хафаз*, / начался Сараṭān⁹,
Немного холодило, / как мягкой зимой.
Жали красный ячмень, / колосилась пшеница» (Там же: 899–900).

Четверостишие-*қит'а* об излечении от желудочно-кишечного заболевания весной 1671 г.:

«Благодаря молитвам, покаянию или лекарствам,
Господь исцелил-таки Хушхала Хатака.

⁴ Год «*зафадж*» (1000, 80, 3) — 1083 г.х.; дата события: 02.01.1083 г.х./30.04.1672 г.

⁵ Дака — населенный пункт на въезде в Хайберский проход с его восточной стороны.

⁶ Газ — мера длины, равная приблизительно одному метру.

⁷ Намек на заключение в тюрьму Агры бывшего могольского императора Шāхджахāна (прав. 1628–1658) по приказу его сына и престолонаследника Аурангзеба (прав. 1659–1707).

⁸ Год «'*айн*, *зайн* и *хай*» (70, 1000, 5) — 1075 г.х./1664–65 г.

⁹ «Первая Сестра» (*лўмрāй хор*) — афганское название для *рабй' ал-аввал*, третьего месяца мусульманского лунного календаря; Сараṭān (Рак) — четвертый месяц солнечного календаря (22.05–21.06); год «*ха-фаз*» (5, 80, 1000) — 1085 г.х./1674–75 г. По данным «Хатакской хроники», Хушхал-хāн прибыл в Тйрāх 01.03.1085 г.х./05.06.1674 г.

Два года он мучился расстройствами желудка,
А излечился в [месяце] зу-л-хиджжа [года] *зафā*»¹⁰ (Там же: 918).

Включенные в *dīwān* Хушхāла хронограммы и другие его стихотворные произведения, содержащие историко-биографические сведения и датировки, формально относятся к лирике, однако все они, являясь документальными историческими источниками, могут рассматриваться и в рамках собственно историографического жанра. Не случайно ссылки на эти произведения и цитаты из них присутствуют в тексте «Хатакской хроники» (закончена в 1724 г.), первом дошедшем до нас аутентичном историографическом сочинении на языке пашто (Афдал 1974: 254–513)¹¹. «Хатакская хроника» — это сборник разнородных по жанровым признакам и полностью оригинальных (непереводных) текстов, составляющих почти половину компилятивной книги по истории афганцев «*Tārīḫ-i muraṣṣaʿ*» («Украшенная драгоценностями история»). Ее автор — хатакский племенной правитель Афдал-хāн Хатак (ок. 1665–66/1740–41), внук Хушхāл-хāна¹². Начальные разделы «Хатакской хроники» (хатакские генеалогии и события племенной истории до середины 1670-х годов) основаны на записях Хушхāла, из которых в оригинале сохранился только один фрагмент (с. 298–327)¹³. По существу сама идея написания развернутой истории афганцев принадлежала Хушхāл-хāну, а Афдал продолжил работу, начатую его дедом.

В текстах «Хатакской хроники» помимо многочисленных дат, составляющих обычную фактологию прозаического историко-документального повествования, содержатся также стихотворные хронограммы, не известные из других источников. Автор подавляющего большинства хронограмм (16 из 22) является Хушхāл-хāн. Эти стихотворения были извлечены Афдал-хāном из не дошедших до нас дневниковых записей Хушхāла. Авторство других стихотворных *tārīḫov* принадлежит сыновьям Хушхāла — Ашрафу, Гавхару, Азāду, ‘Аджабу, а также самому Афдалу.

Цитируемые в «Хронике» хронограммы в основной массе написаны на персидском языке, по форме являются короткими фрагментами-*қитʿа*, преимущественно четверостишиями, а их основное целевое назначение — фиксация дат рождения и смерти родственников. В большинстве хронограмм годы зашифрованы с помощью *абджада* в словосочетаниях и фразах, т.е. датировки здесь относятся к типу *tārīḫ-i maʿnavī*.

Более половины хронограмм — стихи с датами рождения членов семьи Хушхāл-хāна: его отца Шахбāза, его старших сыновей и его самого. Эти хронограммы собраны Афдалом в первом разделе хроники, где приведены родословные хатакских князей (с. 257–260). Кроме четверостиший среди этих стихотворений есть также фрагменты из четырех и трех бейтов, один стих-*фард* (один бейт) и один стих-*мисраʿ* (половина бейта). Уникальные данные этих хронограмм являются ценным материалом

¹⁰ Год «*зафā*» (1000, 80, 1) — 1081 г.х.; дата события: 12.1081 г.х. (11.04–09.05.1671).

¹¹ По имеющимся сведениям, старейшие, но не сохранившиеся произведения на пашто, созданные во второй трети XVI в., тоже частично представляли собой племенные хроники. Впервые сведения о существовании этих книг сообщил Х.Дж. Раверти в предисловии к своей грамматике афганского языка (Raverty 1860: 32). Одна из первых хроник, вероятно, легла в основу более позднего сочинения «*Tavārīḫ-i Ḥāfizraḥmatkhānī*» («Исторические записи Хāфиза Раḥмат-хāна») (1767 г.), написанного для афганских князей Рампура (Кушев 1980: 66–67; Хевāдмал 1984: 157–162, 284–286). К жанру историографии, возможно, относится также сочинение под названием «*Сулḡ ал-ғазāt*» («Путь священной войны»), приписываемое некоему Мулла Масту Дзаманду (Хевāдмал 2000: 125). Единственный список этого сочинения, условно датированного второй половиной XVII в., отмечен в каталоге рукописей Афганистана (Beaugresueil 1964: 296), однако точные сведения о его содержании в доступной мне литературе отсутствуют.

¹² О корпусе текстов, авторстве и функциях «Хатакской хроники» см. (Пелевин 2013; Pelevin 2014).

¹³ Здесь и далее ссылки на «Хронику» приводятся только с указанием страниц.

для изучения не только собственно хатакских родословных, но также общей истории и культуры паштунских племен.

Из текстов хронограмм восстанавливаются следующие даты рождения: Шахбāз-хāн — 1000 г.х./1591–92 г.; Хўшхāл-хāн — 04.1022 г.х./21.05–18.06.1613 г.; Ашраф-хāн — 17.09.1044 г.х./06.03.1635 г.; Са‘адат-хāн — 06.01.1052 г.х./06.04.1642 г.; Бах-рāм-хāн — 11.03.1053 г.х./30.05.1643 г.; ‘Абид-хāн — 10.02.1059 г.х./23.02.1649 г.; Низām-хāн — 04.01.1060 г.х./07.01.1650 г.; Камāl-хāн — 03.05.1062 г.х./12.04.1652 г.; Йахйā-хāн — 1063 г.х./1652–53 г.(?); Азād-хāн — 1063 г.х./1652–53 г.(?); Абд ал-Қадир-хāн — 25.12.1063 г.х./16.11.1653 г.; Джалāl-хāн — 1064 г.х./1653–54 г.; ‘Адил-хāн — 09.06.1064 г.х./27.04.1654 г.; Джа‘фар-хāн — 01.07.1064 г.х./18.05.1654 г.; Нусрат-хāн — 11–12.1070 г.х./07–08.1660 г.; Зафар-хāн — 13.02.1071 г.х./18.10.1660 г.

Несмотря на малые объемы текстов и узкую функциональную задачу, хронограммы с датами рождения достаточно разнообразны в содержательном отношении. Например, в этих стихах встречаются:

Простая констатация факта рождения:

«Было [число] *алиф* и *джīm* месяца *мухаррам*,
Когда появился на свет мой Низām.
Год его [рождения] я спросил у разума,
Тот ответил мне: „Низām — это все, что есть“»¹⁴ (с. 258).

Восхваление:

«Шахбāз-хāн, [сын] Йахйā[-хāна], этот бесподобный хан,
В сражении — второй Рустам¹⁵, даже больше!
Когда дату его рождения я спросил у разума,
Тот честно ответил: „Шахбāз-хāн — славнейший“»¹⁶ (с. 257).

Упоминание каких-либо обстоятельств рождения:

«В [число] *зā* и *йā* месяца поста, в первую четверть ночи
Родился Ашраф и заснул под боком у кормилицы.
Так как было время весны и цветения цветов,
Год его [рождения] был сложен из [слов]: „Весна семьи расцвела“»¹⁷ (с. 258).

Сообщение о других сопутствующих событиях:

«В [число] *йā* [месяца] *сафар* в счастливый год
Люди избавились от засухи и холеры.
Дата рождения ‘Абида такой оказалась:
„Абид достиг положения хана“»¹⁸ (с. 259).

Расшифровка числового значения букв:

«В [число] *алиф* и *йā* месяца *рабī‘ ал-аввал*
Родился Бахрām с сияющим ликом, подобным луне.

¹⁴ Число «*алиф* и *джīm*» (1, 3) — 4; год «Низām — это все, что есть» (*низām кулл-и вуджūd*) (50, 900, 1, 40, 20, 30, 6, 3, 6, 4) — 1060 г.х./1650 г.

¹⁵ Рустам — знаменитый персонаж героико-эпической части «Шахнаме» Фирдоуси.

¹⁶ Год «Шахбāз-хāн — славнейший» (*шахбāз-хāн-и аджалл*) (300, 5, 2, 1, 7, 600, 1, 50, 1, 3, 30) — 1000 г.х./1591–92 г.

¹⁷ Число «*зā* и *йā*» (7, 10) — 17; «месяц поста» — *рамадāн*; год «Весна семьи расцвела» (*бахār-и ахл шигуфт*) (2, 5, 1, 200, 1, 5, 30, 300, 20, 80, 400) — 1044 г.х./1634–35 г.

¹⁸ Число «*йā*» — 10; год «Абид достиг положения хана» (*абид хāнйāлī расīд*) (70, 1, 2, 4, 600, 1, 50, 10, 6, 1, 30, 10, 200, 60, 10, 4) — 1059 г.х./1649 г.

Датой его [рождения] стали [слова]: „*Пришло счастье отца*“¹⁹;
Вместе из этого получится тысяча пятьдесят три» (с. 258).

В шести хронограммах хроники содержатся даты смерти Шахбāз-хāна (04.10.1050 г.х./17.01.1641 г.) (автор Хўшхāl-хāн) (с. 270), Хўшхāl-хāна (28.04.1100 г.х./19.02.1689 г.) (авторы Ашраф-хāн и Гавхар-хāн) (с. 481–482), Ашраф-хāна (1106 г.х./1694–95 г.) (автор Āзād-хāн) (с. 487); Бахрām-хāна (1124 г.х./1712 г.) и некоего Ёйр-хāна Халїла(?) (автор Афдал-хāн) (с. 407, 489). Четыре стихотворения написаны на персидском языке в форме газели (6 бейтов), фрагментов-*қит‘а* (по 4 бейта) и четверостишия-*рубā‘ӣ*. Короткие хронограммы на смерть Ашраф-хāна и Ёйр-хāна написаны на пашто в форме *фарда* и *мисра‘*.

В хронограмме Хўшхāла дата смерти его отца Шахбāза имеет обычный вид:

«В пятницу, в конце *рамадāна*,
Наш хан погнал [своего] Рахша²⁰ на поле брани.
Одержал он победу над проклятым врагом,
Но осталась у него рана от стрелы.
В четверг, в начале *шаввāла*,
Господь позвал его в рай.
Год его гибели сложился в уме:
В тысяча пятидесятом он погнал коня [в бой]»²¹.

В других стихах числа годов зашифрованы по *абджаду*, причем в двух случаях ключевые фразы являются достаточно сложными, требующими сложения семнадцати и двадцати шести числовых значений букв: *зи мā рафт зайн-и джахāн пидар-ам* («Ушел от нас мой отец, украшение мира») (7, 40, 1, 200, 80, 400, 7, 10, 50, 3, 5, 1, 50, 2, 4, 200, 40) — 1100 г.х. (год смерти Хўшхāла в *қит‘а* Гавхара); *бахрām-и шāдйх-рām ба бад хāl дй бимурд* («Злосчастный Бахрām умер вчера в дурном состоянии») (2, 5, 200, 1, 40, 300, 1, 4, 10, 8, 200, 1, 40, 2, 5, 2, 4, 8, 1, 30, 4, 10, 2, 40, 200, 4) — 1124 г.х. (год смерти Бахрāма в *қит‘а* Афдала).

Три хронограммы датируют другие, очень разноплановые события. Две из них взяты из дневниковых записей Хўшхāl-хāна. В одной (*қит‘а*) Хўшхāl сообщает о своем освобождении из могольской тюрьмы-крепости Рантамбхор 05.11.1076 г.х./09.05.1666 г. (с. 292), в другой (*фард*) — о большом урожае зерновых весной 1081 г.х./1671 г. (с. 295). Третью хронограмму сочинил сын Хўшхāла ‘Аджаб-хāн по случаю изгнания его брата Бахрām-хāна из родовых владений хатакских князей осенью 1104 г.х./1692 г. (с. 485). Все три стихотворения написаны на пашто.

Поскольку в XVII–XVIII вв. в афганском языке еще отсутствовали строгие орфографические нормы и даже единообразный алфавит, применение в паштоязычных хронограммах метода шифровки дат по *абджаду* путем составления словосочетаний и предложений вызывало естественные затруднения. Один и тот же текст мог иметь разный графический вид; другую проблему представляли собственно афганские буквы, отсутствующие в арабском алфавите и не имеющие числовых значений. Не случайно Хўшхāl-хāн в стихотворениях на пашто избегал сложно зашифрованных дат

¹⁹ Число «алиф и йā» (1, 10) — 11; год «Пришло счастье отца» (*бахт-и бāбā āмад*) (2, 600, 400, 2, 1, 2, 1, 1, 40, 4) — 1053 г.х./1643–44 г.

²⁰ Легендарный конь героя-богатыря Рустама.

²¹ Шахбāз-хāн был ранен в бою 28.09.1050 г.х./11.01.1641 г., а скончался, как сказано в тексте хроники, «через пять дней после того, как он был ранен в конце *рамадāна*, — пятого *шаввāла*» (с. 270), т.е. 05.10.1050 г.х./18.01.1641 г. Однако из слов Хўшхāла в хронограмме следует, что Шахбāз-хāн умер на день раньше.

и в случае использования *абджада* предпочитал метод простого механического сочетания арабских букв. Только одна его паштоязычная хронограмма в хронике содержит сложную шифровку даты:

«В середине [месяца] Четвертой Сестры я был пленен,
В [месяце] *раджаб* следующего года попал в крепость,
Пятого [числа месяца] *зу-л-ка‘да* вышел из крепости:
Вместе это будет два года пять месяцев.
Хорошая дата освобождения пришла мне [на ум]:
„Закатился [в лунку] *Сайида Мйра*²² камешек матери“»²³ (с. 292).

Очевидно, именно по названным выше причинам оригинальные тексты двух паштоязычных хронограмм со сложной шифровкой дат по *абджаду* (*tārīḫ-i ma‘navī*) дошли до нас в испорченном виде²⁴. В хронограмме Афдал-хана с датировкой смерти Йār-хана — *шар-кандӯ дэ заро мāt иу(?)* (букв. «Сломался злобный ларь золота») — требуемое число 1106 (1106 г.х./1694–95 г.), вытекающее из прозаического контекста, никак не просматривается. Ясно, что в этот текст нужно вносить лексические исправления, но какие именно, сказать сложно. Для получения нужной даты в хронограмме ‘Аджаб-хана об изгнании Бахрāма можно предложить следующие небольшие корректировки во втором полустииши *иукәр вукāжа дэ Даджжāl вахт-дәй* («Поблагодари [Господа], это время Даджжāла»): 1) восстановить историческую орфографию слова ‘время’ *вақт* (вм. *вахт*), 2) устойчивое словосочетание «время Даджжāла» (т.е. «время всемирного зла») передать в персидском варианте *вақт-и Даджжāl* (вм. *дэ Даджжāl вахт*), 3) заменить глагольную связку настоящего времени *дәй* на форму прошедшего времени глагола ‘быть’ *ву* (3sg). С этими изменениями все второе полустииши хронограммы становится ключевой фразой с зашифрованной датой (1104 г.х.):

«За то, что ты не был введен в заблуждение его жребием,
Поблагодари [Господа], ведь это было время Даджжāла»²⁵ (с. 485).

За пределы жанра стихотворной хронограммы выходит ироничный *tārīḫ*, придуманный кем-то из соратников Афдал-хана по случаю поражения Бахрām-хана, его дяди и главного политического соперника, в 1698–99 г. в одном из внутривосемьплеменных вооруженных столкновений между хатакскими группировками: «Кабан бросился в бегство»²⁶ (с. 354). Как рассказывает в хронике Афдал, во время беспорядочного бегства противника из камышей выбежал испуганный сражением кабан, который пом-

²² Саййид Мйр — управляющий Кабульской провинцией Амир-хан, по приказу которого Хушхал был арестован в январе 1664 г. в Пешаваре. Метафорический смысл фразы, где зашифрована требуемая дата, не совсем ясен, но явно как-то связан с правилами детской игры в камешки. Возможно, выражение *лапар нэ коз лār* (букв. «камешек скатился вниз») является идиомой.

²³ «Четвертая Сестра» (*цалорāма хор*) — афганское название для *джумād-л-āхира*, шестого месяца мусульманского лунного календаря; год «Скатился вниз камешек матери Сайида Мйра» (*лār нэ кӯз дэ Саййид Мйр дэ мор лапар*) (30, 1, 200, 2, 20, 6, 7, 4, 60, 10, 4, 40, 10, 200, 4, 40, 6, 200, 30, 2, 200) — 1076 г.х./1665–66 г.х. Хушхал-хан был помещен в тюрьму Рантамбохор в месяце *раджаб* 1075 г.х./18.01–16.02.1665, а освобожден из нее 05.11.1076 г.х./09.05.1666 г.

²⁴ Издатель «*Tārīḫ-i muraṣṣa‘a*» Д.М. Кāмил оставил обе хронограммы без каких-либо комментариев.

²⁵ Год «Поблагодари [Господа], ведь это было время Даджжāла» (*иукәр вукāжа вақт-и Даджжāl ву*) (300, 20, 200, 6, 20, 1, 7, 6, 100, 400, 4, 3, 1, 30, 6) — 1104 г.х./1692–93 г. Прошедшее время вместо настоящего в этой фразе является предпочтительным также в соответствии с логическим смыслом хронограммы: ‘Аджаб-хан называет «временем Даджжāла» период правления Бахрām-хана, завершившийся его изгнанием.

²⁶ Год «Кабан бросился в бегство» (*ханзйр нэ дав лār*) (600, 50, 7, 10, 200, 2, 4, 6, 30, 1, 200) — 1110 г.х./1698–99 г.

чался вслед за Бахрāмом: «Когда враги были разгромлены, некоторые из них в страхе за жизнь скрылись в камышах в леске Бўстāн. Испугавшись их, из камышей выбежал кабан. Вместе с Бахрāмом одновременно он так и помчался...» (Там же). Метафорический смысл хронограммы безымянного автора вполне очевиден: под «кабаном» в ней имеется в виду Бахрāм-хāн.

Хронограммы, содержащиеся в «Хатакской хронике», с одной стороны, представляют интерес как уникальные документальные источники, важные не только для изучения истории и культуры восточных паштунских племен в эпоху, предшествовавшую образованию афганской государственности в середине XVIII в., но и для всей паштунской историографии в целом. Достаточно заметить, что именно в этих хронограммах зафиксированы точные даты жизни крупных паштунских поэтов-классиков, таких как Хўшхāl-хāн, Ашраф-хāн, ‘Абд ал-Қāдир-хāн. С другой стороны, являясь отражением повседневной культурной жизни просвещенной военно-административной элиты афганского племенного общества на рубеже нового времени, эти стихотворные миниатюры иллюстрируют процесс адаптации богатых традиций персоязычной литературы к национальной письменности пашто в период ее становления.

Литература

- Афдал 1974 — *Афдал-хāн Хатак*. Тāрїх-и мурасса‘ (Украшенная драгоценностями история) / Подготовка текста, предисл., примеч. Д.М. Кāмил. Пешавар: University Book Agency, 1974.
- Давлат 1975 — *Давлат Лавāнай*. Дївāн. Предисл. ‘А. Рашād. Кабул: Пашто толāна (Pashto Academy), 1975.
- Кушев 1980 — *Кушев В.В.* Афганская рукописная книга (очерки афганской письменной культуры). М.: Наука; ГРВЛ, 1980.
- Кушев 2008 — *Кушев В.В.* Афганский язык (пашто) XVI–XIX веков. Пути становления и развития литературного языка. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
- Маннанов 2006 — *Маннанов А.М.* Рошанийская литература (источники и проблемы реконструкции). Ташкент: Изд-во ФАН АН РУ, 2006.
- Мїрзā 1975 — *Мїрзā-хāн Ансārї*. Дївāн. Подгот. текста, предисл., коммент. Дост. Кабул: Пашто толāна (Pashto Academy), 1975.
- Пелевин 2001 — *Пелевин М.С.* Хўшхāl-хан Хаттак (1613–1689). Начало афганской национальной поэзии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Пелевин 2005 — *Пелевин М.С.* Афганская поэзия в первой половине — середине XVII в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.
- Пелевин 2013 — *Пелевин М.С.* Племенная хроника хатаков: текст и автор // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица / Под ред. С.Р. Тохтасьева, П.Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 552–564.
- Садрї 1999 — *Садрї Мехдї*. Хесāб-е джоммал дар ше‘р-е фāрсї ва фарханг-е та‘бїрāt-е рамзї (Буквенный счет в персидской поэзии и терминологический словарь хронограмм). Тегеран: Марказ-е наشر-е дāнешгāхї, 1999.
- Хўшхāl 1952 — *Хўшхāl-хāн Хатак*. Куллийāt (Собрание сочинений) / Предисл. и примеч. Д.М. Кāмил Моманд. Пешавар: Идāра-їи ишā‘ат-и сархāдд-и Пешāвар, 1952.
- Хевāдмал 1984 — *Хевāдмал Залмай*. Дā Хинд дā китāбхāно пашто хātтї нусхе (Рукописи на пашто в библиотеках Индии). Кабул: Пашто толāна (Pashto Academy), 1984.
- Хевāдмал 2000 — *Хевāдмал Залмай*. Дā пашто адабийātо тāрїх (ларгўне ав мēндзанēй давре) (История литературы пашто: начальный и средний периоды). Пешавар: Дāниш-хпарандойа толāна, 2000.
- ‘Abdul Ghanī 1930 — ‘*Abdul Ghanī, Muhammad*. A History of Persian Language and Literature at the Mughal Court, with a Brief Survey of the Growth of Urdu language. P. II. Humāyūn. Allaha-bad: Indian Press, 1930.

- Bazmee Ansari 1991 — *Bazmee Ansari, Abd al-Samad. Fayḍī* // The Encyclopaedia of Islam. New ed., vol. II. Leiden: Brill, 1991. P. 870–872.
- Blois 2000 — *Blois, François de. Ta'rikh. III. In the sense of "Chronogram"* // The Encyclopaedia of Islam. New ed., vol. X. Leiden: Brill, 2000. P. 302.
- Beaurecueil 1964 — *Beaurecueil, Serge de Laugier de. Manuscrits d'Afghanistan*. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale, 1964.
- Bruijn 1992 — *Bruijn, Johannes Thomas Pieter de. Chronograms* // Encyclopaedia Iranica. Ed. by E. Yarshater, vol. V, fasc. 5. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1992. P. 550–551.
- Mackenzie 1997 — *Mackenzie, David Neil. The Development of the Pashto Script* // Languages and Scripts of Central Asia. Ed. by Sh. Akiner and N. Sims-Williams. London: School of Oriental and African Studies, 1997. P. 137–143.
- Pelevin 2014 — *Pelevin, Mikhail. The Khattaks' Tribal Chronicle (XVII–XVIII): Extraliterary Text Functions* // Iran and the Caucasus. Vol. 18/3. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 201–212.
- Raverty 1860 — *Raverty, Henry George. A Grammar of the Puk'hto, Pus'hto, or Language of the Afghans*. 2nd ed. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1860.
- Rypka 1968 — *Rypka, Jan. History of Iranian Literature*. Written in collaboration with O. Klíma, V. Kubičková, F. Tauer, J. Bečka, J. Cejpek, J. Marek, I. Hrbek, J.T.P. De Bruijn / Ed. by K. Jahn. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1968.

References

- ‘Abdul Ghanī, Muhammad. *A History of Persian Language and Literature at the Mughal Court, with a Brief Survey of the Growth of Urdu Language. P. II. Humāyūn*. Allahabad: Indian Press, 1930 (in English).
- Afzal Khan Khattak. *Tarikh-i murassa* [The Ornamented History]. Ed. with pref. and notes by D.M. Kamil. Peshawar: University Book Agency (in Pashto), 1974.
- Bazmee Ansari 1991 — *Bazmee Ansari, Abd al-Samad. "Fayḍī"*. In: *The Encyclopaedia of Islam. New ed., vol. II*. Leiden: Brill, 1991, pp. 870–872 (in English).
- de Beaurecueil, Serge de Laugier. *Manuscrits d'Afghanistan*. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale, 1964 (in French).
- de Blois, François. "Ta'rikh. III. In the sense of "Chronogram". In: *The Encyclopaedia of Islam. New ed., vol. X*. Leiden: Brill, 2000, p. 302 (in English).
- de Bruijn, Johannes Thomas Pieter. "Chronograms". In: *Encyclopaedia Iranica*. Ed. by E. Yarshater, vol. V, fasc. 5. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1992, pp. 550–551 (in English).
- Davlat Lavanay. *Divan* [Collected poetry]. Preface by A. Rashad. Kabul: Pashto tolana (Pashto Academy), 1975 (in Pashto).
- Hewadmal Zalmay. *De hind de kitabkhano pashto khatti nuskhe* [Pashto manuscripts in the libraries of India]. Kabul: Pashto tolana (Pashto Academy), 1984 (in Pashto).
- Hewadmal Zalmay. *De pashto adabiato tarikh (larchune av mendzaney davre)* [History of Pashto literature (early and middle periods)]. Peshawar: Danish-khparandoia tolana, 2000 (in Pashto).
- Khushhal Khan Khattak. *Kulliat* [Collected works]. Preface and commentaries by D.M. Kamil Momand. Peshawar: Idara-i isha'at-i sarhadd-i Peshawar, 1952 (in Pashto).
- Kushev V.V. *Afganskaia rukopisnaia kniga (ocherki afganskoi pis'mennoi kul'tury)* [Afghan handwritten books (Essays on the recorded tradition of the Afghans)]. Moscow: Nauka, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1980 (in Russian).
- Kushev V.V. *Afganskii iazyk (pashto) XVI–XIX vekov. Puti stanovleniia i razvitiia literaturnogo iazyka* [The Afghan language (pashto) of the 16th–19th centuries. The process of the formation and development of the literary language]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008 (in Russian).
- Mackenzie 1997 — *Mackenzie, David Neil. "The Development of the Pashto Script"*. In: *Languages and Scripts of Central Asia*. Ed. by Sh. Akiner and N. Sims-Williams. London: School of Oriental and African Studies, 1997, pp. 137–143 (in English).
- Mannanov A.M. *Roshaniiskaia literature (istochniki i problemy rekonstruktsii)* [The Roshani literature (sources and problems of reconstruction)]. Tashkent: FAN Publishing house, 2006 (in Russian).

- Mirza Khan Ansari. *Divan* [Collected poetry]. Edited, with preface and commentaries by Dost. Kabul: Pashto tolena (Pashto Academy), 1975 (in Pashto).
- Pelevin M.S. *Khushhal Khan Khattak (1613–1689). Nachalo afganskoi natsional'noi poezii* [Khushhal-Khan Khattak (1613–1689). The beginning of Afghan national poetry]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian).
- Pelevin M.S. *Afganskaia poezia v pervoi polovine — seredine XVII veka* [Afghan poetry in the first half and the middle of the 17th century]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005 (in Russian).
- Pelevin M.S. “Plemennaia khronika khatakov: tekst i avtor” [The tribal chronicle of the Khattaks: the text and the author]. In: *Commentationes Iranicae. Articles in honor of V.A. Livshits. Ed. by S.R. Tokhtasiev, P.B. Lurie*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2013, pp. 552–564 (in Russian).
- Pelevin 2014 — Pelevin, Mikhail. “The Khattaks’ Tribal Chronicle (XVII–XVIII): Extraliterary Text Functions”. *Iran and the Caucasus*, vol. 18/3. Leiden; Boston: Brill, 2014, pp. 201–212 (in English).
- Raverty, Henry George. *A Grammar of the Puk’hto, Pus’hto, or Language of the Afghans*. 2nd ed. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1860 (in English).
- Rypka, Jan. *History of Iranian Literature*. Written in collaboration with O. Klíma, V. Kubičková, F. Tauer, J. Bečka, J. Cejpek, J. Marek, I. Hrbek, J.T.P. De Bruijn. Ed. by K. Jahn. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1968 (in English).
- Sadri Mehdi. *Hesab-e djommal dar she’r-e farsi va farhang-e ta’birat-e ramzi* [Alphabetic calculation in Persian poetry and the terminological vocabulary of chronograms]. Tehran: Markaz-e nashr-e daneshgahi, 1999 (in Persian).

Chronograms in Early Pashto Historiography

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 26–35)

Received 22.03.2016.

Mikhail S. Pelevin

Department of Oriental Languages, St. Petersburg State University; Universitetskaia naberezhnaya 11, St. Petersburg, 199034 Russian Federation.

The article presents a brief study of formal characteristics, subjects and functions of the poetical chronograms (*tārīkh*) included in the texts of “The Khattaks’ Chronicle” (finished in 1724) which is the original part of the historiographical compilation in Pashto *Tārīkh-i Muraṣṣa‘* by Afzal Khān Khaṭak. On account of irregularities in the early Pashto alphabet and orthography, Pashtun poets preferred to use Persian for composing complicated, or “suggestive”, chronograms (*tārīkh-i ma’navī*) where dates are to be indicated in a disguised form by means of the *abjad* system. The majority of the chronograms quoted in “The Chronicle” are short fragments (*ki’a*), mostly quatrains, written to record the dates of birth and death of the Khattak tribal chiefs. Chronograms in Pashto are few and partly appear to have been graphically distorted; however, in some cases the context makes it possible to reconstruct their original form. On the one hand, the chronograms from “The Khattaks’ Chronicle” are of much interest as documentary records containing unique historical data, on the other, they illustrate the process of adaptation of the Persian literary traditions to the national Pashto literature at the early stages of its growth.

Key words: Pashto literature, historiography of Pashtun tribes, functionality of literary text.

About the author:

Mikhail S. Pelevin, Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department of Iranian Philology, Department of Oriental Languages, St. Petersburg State University (pelevin@mp2276.spb.edu).

А.Л.М. Николя в истории изучения бабизма**Ю.А. Иоаннесян**

Институт восточных рукописей РАН

Статья посвящена несколько забытому выдающемуся французскому исследователю бабизма и переводчику текстов Баба — А.Л.М. Николя (1864–1937). Последний стоял у истоков изучения данной проблематики и выполнил на высоком уровне первые и единственные до настоящего времени полные переводы на европейский (французский) язык ключевых писаний основателя бабизма. В статье цитируются среди прочего выдержки из работ и материалов самого Николя. В них он отстаивает важные положения, которые необходимо учитывать любому специалисту, работающему в данной области знания. В статье также воздается дань как самому Николя, так и его великому наследию, которое редко оказывается сегодня в центре внимания исследователей.

Ключевые слова: Баб, бабизм, религия, вероучение, религиоведение.

Статья поступила в редакцию 22.03.2016.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 {youli19@gmail.com}.

© Иоаннесян Ю.А., 2016

«Ни один европейский ученый не способствовал столь существенным образом формированию наших знаний о жизни и учении Баба как Николя. Его исследования жизни Баба и его переводы некоторых наиболее важных книг Баба остаются непревзойденными по значимости» — так оценил вклад Николя в изучение бабизма британский исследователь Можан Момен (Momen 1981: 36). Николя был и остается поныне единственным из европейских исследователей, кто осуществил полные переводы писаний Баба на другой (французский) язык, если не считать де Гобино (de Gobineau), предпринявшего до Николя крайне неудачную попытку в этом отношении. Переводы же Николя вполне адекватны и снабжены обширным комментарием.

Отец Николя — Ж.Б. Николя, служил во Французской дипломатической миссии в Персии, и сам будущий исследователь и переводчик родился в г. Реште Гилянкой провинции в 1864 г. По сообщению Николя, он мог говорить по-персидски и по-русски еще раньше, чем научился говорить на своем родном французском (см.: Momen 1981: 36). Эти выдающиеся способности к языкам и особенно прекрасное владение персидским в сочетании со знанием культуры Персии и ее обычаев, очевидно, сыграли не последнюю роль в его исследовательской и переводческой деятельности в области бабизма, а также добавили ему смелости, помогавшей браться за то, на что не хватало дерзновения у других исследователей и переводчиков. Пойдя по стопам отца, Николя поступил на службу во Французскую дипломатическую миссию и связал большую часть своей карьеры с Персией (см.: Там же).

Как и знаменитый британский исследователь бабизма Э.Г. Браун (E.G. Browne), Николя заинтересовался этим предметом благодаря книге де Гобино “*Les Religions et les philosophies dans l’Asie centrale*” (De Gobineau, 1900). Но отношение к ее автору у Николя сформировалось прямо противоположное тому, что характеризовало Брауна. В отличие от британца, взиравшего на своего французского предшественника с почтением и даже с благоговением, Николя резко критиковал своего компатриота за безграмотный перевод и слабые познания предмета. Это критическое отношение, возможно, отчасти досталось ему «в наследство» от отца, у которого, по свидетельству самого Николя, был конфликт с де Гобино. Вот что сообщает Николя о де Гобино как о человеке: «Прибывший во Французское представительство Гобино был полон дипломатических предрассудков, презирал коллег, повздорил с моим отцом по поводу рукописи, приобретенной последним через посредника. Мой отец произнес на эту тему несколько фраз, которые направили мои помыслы на то, чтобы прояснить для себя природу вопроса. Среди своих бумаг отец оставил критические заметки о книге Гобино: “*Les Religions et les philosophies dans l’Asie centrale*”, которые побудили меня предпринять некоторое исследование и выявить содержащиеся в ней ошибки...» (Momen 1981: 37). Какими бы личностными факторами ни было обусловлено изначально критическое отношение Николя к де Гобино, его оценка творчества своего французского предшественника абсолютно справедлива, о чем еще будет сказано позже. Николя описывает, как возрастал его интерес к бабизму: «Я собирал свой материал в основном через секретаря (Дипломатической миссии. — Ю.И.), уроженца Тегерана — Мирзу Ибрахима, который оказался бахаи... В своей работе я прибегал к помощи молодого перса, с которым каждый день в полдень мы отправлялись на прогулку за город, проходя сквозь Шимранские ворота. Чистота воздуха, безмятежность, умеренная температура и по временам благоухание акаций располагали мою душу к покою и кротости. Мои размышления над необычной книгой (*Семь доказательств Баба*. — Ю.И.), которую я к тому времени перевел, наполняли меня каким-то упоением, и я постепенно становился бабидом всем своим существом. Чем больше я погружался в эти размышления, тем больше я восхищался величием гения того уроженца Шираза, который мечтал возвысить мусульманский мир...» (Momen 1981: 37).

В отличие от своего британского коллеги Брауна, который весьма широко использовал для своих штудий вторичные источники, включавшие грешащие неточностями и порой намеренными искажениями хроники, Николя делал особый упор на материалах, восходивших непосредственно к основателю бабизма, и уделял преимущественное внимание теологии. Помимо работ, относящихся к собственно Бабу, его перу принадлежит пространное исследование в области шейхизма — школы в шиитском исламе, подготовившей в определенном смысле почву для появления бабизма.

Браун, посвятивший большую часть своей деятельности исследованию *Персидско-го Байана* и других писаний Баба, изначально ставил перед собой задачу осуществить английский перевод этой основополагающей книги данного учения, о чем свидетельствует опубликованная нами недавно его переписка с бароном В.Р. Розеном, хранящаяся в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (см.: Ioannesyan 2013: 140, 154, 157, 159). Однако дальше сличения нескольких рукописей, составления подробного конспекта книги и тематического указателя, имеющих самостоятельную ценность, маститый британец не пошел. В письмах к Розену от 1894 г. он объясняет это решением отсутствием финансирования издания текста в случае подготовки его к публикации (см.: Там же: 185–186). Не подвергая сомнению искренность Брауна в обозначении причины отказа от своего замысла, рискнем предположить, что, возможно, у него появилось и иное основание для пересмотра своего намерения — не-

обычайная сложность текстов Баба при кажущейся простоте языка, в чем именитый ученый все больше убеждался по мере изучения его писаний. Разумеется, мы высказываем здесь лишь гипотезу. В любом случае, то, для чего не хватило возможностей или решимости у Брауна, сполна осилил Николя. Им был осуществлен качественный перевод на французский язык не только *Персидского Байана* (Seyyèd Ali Nohammed dit le Bâb 1911–1914) и *Арабского Байана* (Le Beyân arabe 1905), но и *Семи доказательств* Баба. Помимо переводов с персидского и арабского, перу Николя по данной теме принадлежат еще пространная монография “Seyyèd Ali Mohammed dit le Bâb” (Nicolas 1905) и около десятка публикаций, рассмотрение и критический анализ которых выходят за рамки настоящей статьи. Все переводы сопровождаются развернутыми вступительными очерками, имеющими самостоятельную ценность, и комментариями.

Персидский Байан — книга на персидском языке со значительными вкраплениями арабского текста, представляющая собой наиболее полное, целостное и системное изложение вероучения Баба. *Арабский Байан*, которому мы еще уделим внимание ниже, — меньшая по объему книга на арабском языке, тематика которой сходна с *Персидским Байаном*. *Семь доказательств* — сравнительно небольшая книга. В ней сам основатель бабизма излагает доводы в пользу своего вероучения.

Если в работе над переводом первой и последней в этом списке книг Николя выступал пионером, то применительно к *Арабскому Байану* у него, как уже отмечалось выше, был предшественник, правда, крайне неудачный — французский дипломат де Гобино. Последний в упомянутой уже монографии “Les Religions et les philosophies dans l’Asie centrale”, изданной им в 1866 г. и представляющей собой обзор религиозно-философской мысли Персии, уделил немалое место бабизму. В приложении же он опубликовал французский перевод *Арабского Байана* под названием “Le Livre des préceptes” («Книга заповедей») (см.: De Gobineau 1900: 461–543) как выполненный им самим. Николя крайне критически оценил и саму книгу де Гобино, и перевод: «Книга месье де Гобино изобилует ошибками (fourmille d’erreurs). Историческая часть его книги есть не что иное, как очень изящный, но почти всегда буквальный перевод *Насих ат-таварих* и *Раузат ас-сафа*¹. В ней не дается никаких сведений о происхождении бабизма, как и не предпринимается попытки объяснения выступлений приверженцев нового религиозного течения. Возникает вопрос, на который невозможно дать ответ, — что означают их восстания в Мазендаране? Зато все наветы мусульман на бабидов находят в книге позитивный отклик, а доктрина, верования и обычаи вновь обращенных полностью искажаются. Один из самых лучших [в истории] примеров взаимопомощи (solidarité), поданный людьми, которые погибли и знают об этом, преподносится в ней как попытка сектантов установить правление, основанное на обобществлении собственности и женщин!» (Le Livre des sept preuves de la mission du Bab 1902: V, n. 3, курсив наш). А вот какую характеристику дал самому де Гобино и его переводу Николя: «...позволю себе выразить недоверие оценке, высказанной нашим бывшим посланником в Тегеране, который не знал ни одного слова этого языка (т.е. арабского. — Ю.И.), как и персидского, что не мешало ему обыкновенно прибавлять к своему имени титул „ученого“, ученого дешевого, так как его работа “Religions et le philosophies dans l’Asie centrale”, которую по ошибке принимают за оригинальный труд, — не что иное, как блестящий, хотя порою и не

¹ *Насих ат-таварих* — история Ирана времен династии Каджаров, состоящая из 15 томов (ее автор известен под псевдонимом Сипихр/Сепехр и почетным прозвищем Лисан ал-мулк). *Раузат ас-сафа* (полное название: *Раузат ас-сафа фи сират ал-умана’ ва-л-мулк ва-л-хулафа*) — история по-перидски в 7 томах, составленная Хаванд-шахом ибн Махмудом, писавшим под псевдонимом «Мирхонд».

лишенный погрешностей перевод „Насих ат-таварих“, выполненный... одним евреем, немного знавшим французский, который называл себя „Лалезар“ и был преподавателем месье де Гобино. Что же касается перевода арабской книги Заповедей (Бийю, как называл ее месье де Гобино — одного этого достаточно, чтобы изобличить его в невежестве), то я предупреждаю читателя, что он на две трети непонятен и на три трети содержит полную противоположность тому, что говорится в тексте» (Le Beyân arabe 1905: 199–200, n. 145). К сожалению, такая характеристика не является преувеличением. Во фразах и частях этого перевода, которые мы пытались соотнести с оригиналом, не оказалось ни одного верно понятого или переданного по-французски предложения. Вместо этого текст изобилует собственными глубокомысленными философскими рассуждениями де Гобино, отражавшими исключительно его духовный поиск и религиозное мировоззрение. То же относится и к пространным примечаниям, никак не связанным с содержанием арабского оригинала. Николя выполнил собственный перевод этого писания Баба, который, как и другие его переводы, оказался весьма удачным. Данному обстоятельству немало поспособствовали его глубокие знания предмета и языков, особенно персидского, которым он владел как родным наряду с французским. В своих пространных вводных очерках, которыми он сопровождал переводы, Николя развенчивал заблуждения и домыслы, существовавшие уже в ту пору в Европе относительно бабизма и его основателя. Оценивая в целом духовное и литературное наследие Баба, этот искушенный исследователь в своем предисловии к переводу *Арабского Байана* отмечал: «Не следует забывать, что он (т.е. Баб. — Ю.И.) — Пророк (qu'il est Prophète), и нам не подобает оспаривать этот титул, так как он заплатил за него самой своей чистой кровью. Отнесемся к нему соответственно и не будем низводить его статус до уровня обычного философа» (Там же: 14). Николя указывал, что в Европе существовало три заблуждения относительно основателя бабизма и его учения. Первое состояло в том, что Баба причисляли к суфиям. Второе сводилось к тому, что ему приписывали учение о «воплощении» (l'incarnation). Третье заключалось в обвинении, что он якобы запрещал своим последователям изучать науки (Там же: 2). Отвечая на первое «обвинение», Николя обоснованно замечал, что из того, что многие тексты Баба носят мистический характер, а также из его мистических толкований богословских вопросов не следует, что он проповедовал суфизм или пантеизм. Так, французский исследователь пишет: «...из того, что он использует терминологию, наиболее часто встречающуюся в мистических книгах (т.е. в суфийских. — Ю.И.)..., ошибочно делать вывод, что данные термины идентичны по значению и заключают в себе одинаковый смысл у тех и у других (т.е. у бабидов и у суфиев. — Ю.И.)... Подобный вывод, несомненно, поверхностен и происходит от того, что люди поспешны в суждениях и их оценки опережают основательное ознакомление с предметом» (Там же: 3–4).

Опровергая второе заблуждение, связанное с тем, что Баб якобы проповедовал доктрину «воплощения», точнее, допускал идею о том, что Божество или Творец может совершать нисхождение со своего уровня и облекаться в одежды творения, Николя называл такие домыслы «нелепыми». «Почему нужно приписывать Бабу подобную идею, на каком основании?» — задается вопросом французский исследователь. «Разве не говорил Баб, что Бог — недостижим и никакой разум не способен Его постичь?..» — продолжает он (Там же: 16–17).

Переходя к третьему заблуждению — к приписываемому Бабу запрету заниматься науками, Николя отмечает: «Религия, которая вычерчивает на челе человечества (inscrit au front de l'humanité) слово „Прогресс“, основывает свое учение на [представлении о] неуклонно возрастающем восхождении человека к благу, то есть к Богу,

с одновременным достижением более полного постижения как себя самого, так и окружающей природы, не может запрещать научного поиска своим adeptам. В действительности бабизм его не запрещает...» (Там же: 29). Французский исследователь обращает внимание на необходимость вдуматься в значение слова «наука», сделав различие между тем, что понимается под ним в Персии и в Европе. Разумеется, Николя исходил прежде всего из условий Персии своей эпохи. Ученые Персии, *улемы*, отмечал исследователь, — это ученые в области религии или, если угодно, знатоки религии, никак не связанные с миром ученых в области физики, химии или геометрии. Они игнорируют все, относящееся к природе, а их науки ограничиваются знанием Корана и правил его чтения вслух, преданий, комментариев, истории зарождения ислама, теологии, основ изощренной философии, арабского языка и его грамматики, а также в незначительной степени — медицины, астрономии и талисманов. Баб считал некоторые из этих дисциплин лженауками, бесполезными и опасными. Их он и запрещал. Баб игнорировал все то, что в его среде было принято считать «науками», но, не ведая последних, он одновременно блистал как Пророк (*resplendit comme Prophète*) всеми гранями науки божественной, заключает Николя (Там же: 30–31).

Французский исследователь справедливо указывает на терминологию как на одну из причин появления многих ложных представлений о бабизме и его ассоциаций с тем, чем он никогда не был. Зародившись и существуя в персо-арабоязычной среде, бабизм не мог не оперировать присущим именно ей богословским и иным лексиконном, а следовательно, употреблять терминологию, свойственную многочисленным религиозным школам и толкам Ближнего и Среднего Востока, на котором издавна сосуществовали разные религиозные традиции, каждую из которых характеризовал свой, отличный от других, понятийный аппарат, даже если они использовали общую для всех лексику, предопределенную языками, на которых излагались их доктрины, — арабским или персидским. В этих условиях, несмотря на различия, порой принципиальные, между их учениями, используемая ими терминология могла частично совпадать. Эти лексические совпадения тем не менее не должны заслонять серьезных отличий между проповедуемыми ими доктринами в сути. Иными словами, без осмысления кроющегося за совпадающим термином понятия в контексте конкретного учения и его истолкования в рамках целостного и системного подхода на почве именно данного учения весьма вероятен поверхностный или ошибочный вывод, игнорирующий оригинальный характер и специфику того или иного понятия, принадлежащего конкретной религиозной системе. Невнимание к этому обстоятельству таило и таит в себе огромную опасность и при изучении бабизма.

Немало противоречивых суждений вызывал стиль и язык арабских писаний Баба. Его пытались обвинить в игнорировании правил арабской грамматики и др. Николя, который более других европейцев вчитался в тексты основателя бабизма и предпринял то, что до сих пор остается не под силу никому — перевод в полном объеме важнейших книг Баба, в корне возражал против такой точки зрения. В этой связи он писал: «Мне хорошо известно, что месье де Гобино также считал, что арабский язык Сайида Али Мухаммада — плохой арабский, но позволю себе выразить недоверие оценке, высказанной нашим бывшим посланником в Тегеране, который не знал ни одного слова этого языка, как и персидского... И, чтобы наконец покончить с этим вопросом, я, будучи не в состоянии самостоятельно оценить арабский Сайида Али Мухаммада [Баба] и сопоставить его с Кораном, независимо от того, будет ли сравнение в его пользу или нет, проконсультировался у одного высокоавторитетного арабиста, посла Блистательной Порты (т.е. Османской империи. — Ю.И.) в Тегеране — С.Е. Шамсуддин-бея, и попросил его, оставив в стороне все вопросы, связанные с

религией, любезно высказать мне свое мнение о языке Баба. Тот заявил мне с огромным пылом и искренностью, что находит его очень красивым, весьма возвышенным и, хотя и не лишенным некоторых погрешностей, высоко поэтичным и чрезвычайно выразительным². Такого же точно мнения и месье Хоуда, профессор разговорного арабского языка в Школе живых восточных языков» (Там же: 199–200, п. 145, 201–202). Николя полемизировал и с Розеном по этому поводу: «Прошу прощения у месье В. Розена за то, что я, возможно, проявил отчасти чрезмерную настойчивость в данном вопросе, но думаю, что он согласится со мной в том, что Баб был свободен говорить все, что считал истиной, равно как и мусульмане были свободны это отвергнуть. Думаю, не стоит так сильно поддаваться воздействию ненависти врагов новой доктрины, чтобы в итоге, солидаризируясь с теми, кто следует заблуждениям мусульманских авторов, не вызывающих доверия в этом вопросе, доходить в своих утверждениях до того, что у Баба — невыразительный, дурной и тяжелый стиль, сильно уступающий Корану. У других было иное мнение на сей счет, и они, возможно, были компетентны» (Там же: 60).

Отношение Николя к религии бахаи было «прохладным». Момен считает, что это было связано с представлением Николя о том, что бахаи «принимают роль» Баба в религиозной истории человечества, рассматривая его *исключительно* как «провозвестника Бахауллы» (см.: Momen 1981: 37–38). Такое понимание о месте Баба, которое отводится ему в учении бахаи, не соответствует объективной действительности, однако оно было характерно в то время и для Брауна, как явствует из его собственных слов в изданной им книге: “A Traveller’s Narrative Written to Illustrate the Episode of the Báb” (см.: A Traveller’s Narrative 1891: 230). К этому обстоятельству можно еще добавить тот факт, что Браун и Николя на момент выхода в свет своих трудов — изысканий и переводов — были гораздо лучше осведомлены об учении бабизма, углубленному исследованию которого они посвятили долгие годы, чем о религии бахаи, располагая весьма отрывочной информацией о ней. Серьезное ознакомление западных европейцев и американцев с этой верой неразрывно связано с путешествиями сына Бахауллы — Абдул-Баха по Западной Европе и Северной Америке в 1911–1912 гг. В России, в которой изучение религии бахаи на основе первичных источников опередило аналогичный процесс на Западе, оно было связано с деятельностью А.Г. Туманского и упоминавшегося уже барона Розена, усилиями которых были опубликованы и переведены некоторые ключевые писания бахаи.

Однако отношение Николя к религии бахаи к концу его жизни, очевидно (по крайней мере — отчасти), начало меняться. Как сообщает Момен, в это время ему были присланы две важные работы правнука Бахауллы, главы международной общины бахаи — Шоги Эффенди: «Повествование Набиля» и «Законоцарствие Бахауллы», в которых был четко обозначен статус Баба как независимого посланника Бога, равно по сути Бахауллы. Николя был несказанно обрадован, о чем красноречиво свидетельствуют его слова благодарности женщине, пославшей ему эти книги, мисс Э. Сандерсон:

«Не знаю, как благодарить Вас, чтобы выразить ту радость, что наполняет мое сердце. Итак, нужно не просто принимать, но любить Баба и восхищаться им. Бедный великий Пророк, родившийся в самом сердце Персии, лишенный средств для получения образования, одинокий в целом мире и окруженный врагами, который преуспел силою своего гения создать универсальную и мудрую религию. Что Баха-

² Cp.: “fort belle, fort élevée, quelquefois fautive, mais d’une grande poésie et d’une parfait éloquence” (Le Beyân arabe 1905: 202).

улла впоследствии его сменил — пусть и так, но мне хочется, чтобы восторгались возвышенностью Баба, который к тому же заплатил своею жизнью и кровью за проповедь преобразований, что обращал к людям. Приведите мне другой подобный пример. Наконец я могу спокойно умереть. Слава Шоги Эффенди, который успокоил меня, избавив от муки и волнений, слава тому, кто воздаст дань Сайиду Али Мухаммаду, именуемому Бабом. Я столь счастлив, что готов целовать Вам руки за то, что написали мой адрес на конверте, который заключает в себе послание Шоги [Эффенди] мне. Спасибо Вам, Мадемуазель, спасибо от всего сердца» (The Baha'i World: vol. 8, 625).

В заключение отметим, что имя Николая вписано золотыми буквами в историю изучения бабизма. К сожалению, по сравнению с его британским современником и коллегой Брауном, также оставившим немалый след в изысканиях по данной тематике, оно значительно реже упоминается, и на Николая заметно реже ссылаются, что не должно никак умалять его места в науке. Его глубокие и одновременно широкие познания охватывали тексты, вероучение, историю, язык, символизм писаний и т.п., а оставшиеся после него переводы и исследования сохранили значимость по сей день. Никто ни до Николая, ни после него не отважился предпринять столь амбициозных проектов как полный и весьма качественный перевод ключевых писаний Баба с персидского или арабского на европейские языки. Желающие познакомиться с этими текстами непосредственно еще долго будут обращаться к богатому наследию этого выдающегося и поистине отважного исследователя и переводчика.

Литература

- Набил-и А'зам 2005–2014 — *Набил-и А'зам*. Вестники рассвета. Повествование о ранних днях Откровения Бахаи. В 2-х томах. Пер. с англ. М.: Единение, 2005–2014.
- Петрушевский 1966 — *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). Л.: Изд. Ленинградского университета, 1966.
- The Baha'i World 1942–1956 — The Baha'i World. Vols. 8–12, 1942–1956. Wilmette; URL: http://bahai-library.com/pdf/bw/bahai_world_volume_8.pdf
- Le Beyân arabe 1905 — Le Beyân arabe, le Livre Sacre du bâbysme de Seyyèd Ali Mohamed dit le Bâb. Traduit de l'Arabe par A.-L.-M. Nicolas. Paris, 1905.
- Effendi 1991 — *Effendi, Shoghi*. The Dispensation of Bahá'u'lláh // The World Order of Bahá'u'lláh. Selected letters. Wilmette (IL), 1991.
- De Gobineau 1900 — *De Gobineau, Joseph Arthur, Compte*. Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale. Paris: Ernest Leroux, 1900.
- Ioannesyan 2013 — *Ioannesyan Youli*. The Development of the Babi/Baha'i Communities: Exploring Baron Rosen's Archives. Iranian Studies Series. London; New York: Routledge, 2013.
- Le Livre des Sept Preuves de la mission du Bab 1902 — Le Livre des sept preuves de la mission du Bab / Trad. par A.-L.-M. Nicholas. Paris, 1902.
- Momen 1981 — *Momen, Moojan*. The Bábí and Bahá'í Religions: Some Contemporary Western Accounts. Oxford: George Ronald, 1981.
- Nicolas 1905 — *Nicolas Louise A.D.* Seyyèd Ali Mohammed dit Le Bâb. Paris, 1905.
- Seyyèd Ali Mohammed 1911–1914 — *Seyyèd Ali Mohammed dit le Bâb*. Le Béyan Persan / Trad. du Persan par A.-L.-M. Nicolas. T. 1–4. Paris, 1911–1914.
- A Traveller's Narrative 1891 — A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Báb / Ed. in the Original Persian, and Transl. into English, with an Introd. and Explanatory Notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891.

References

- Nabil-i-A'zam. *Vestniki Rassveta. Povestvovaniye o Rannikh Dnyakh Otkroveniya Bahai* [The Dawn-Breakers. Nabil's Narrative of the Early Days of the Bahá'í Revelation]. In 2 volumes. Moscow: Yedineniye, 2005–2014 (in Russian).
- Petrushevskiy I.P. *Islam v Irane v 7–15 Vekakh (kurs lektsiy)* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries (a lecture course)]. Leningrad: Leningrad University, 1966 (in Russian).
- The Baha'i World*. Vols. 8–12, 1942–1956. Wilmette; Available at: http://bahai-library.com/pdf/bw/bahai_world_volume_8.pdf (in English).
- Le Beyân arabe le Livre Sacre du bâbysme de Seyyèd Ali Mohamed dit le Bâb*. Trad. de l'Arabe par A.-L.-M. Nicolas. Paris, 1905 (in French).
- Effendi, Shoghi. *The Dispensation of Bahá'u'lláh*. The World Order of Bahá'u'lláh. Selected Letters. Wilmette (IL), 1991 (in English).
- De Gobineau, Joseph Arthur, Compt. *Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale*. Paris: Ernest Leroux, 1900 (in French).
- Ioannesyan, Youli. *The Development of the Babi/Baha'i Communities: Exploring Baron Rosen's Archives*. Iranian Studies Series. London; New York: Routledge, 2013 (in English).
- Le Livre des Sept Preuves de la mission du Bab*. Traduction par A.-L.-M. Nicholas. Paris, 1902 (in French).
- Momen, Moojan. *The Bábí and Bahá'í Religions: Some Contemporary Western Accounts*. Oxford: George Ronald, 1981 (in English).
- Nicolas, Louise, A.D. *Seyyèd Ali Mohammed dit Le Bâb*. Paris, 1905 (in French).
- Seyyèd Ali Mohammed dit le Bab. *Le Béyan Persan*. Trad. du Persan par A.-L.-M. Nicolas. T. 1–4. Paris, 1911–1914 (in French).
- A Traveller's Narrative Written to Illustrate the Episode of the Bâb*. Ed. in the Original Persian, and Transl. into English, with an Introd. and Explanatory Notes, by E.G. Browne. Vol. 2. Cambridge, 1891 (in English).

A.L.M. Nicolas in the History of Babi Studies

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 36–43)

Received 22.03.2016.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article is devoted to A.L.M. Nicolas (1864–1937), the outstanding French scholar who studied the Babi Faith and translated Babi texts, and whose person is currently slightly forgotten. He was a pioneer of studies in the field and the one who accomplished high quality translations of some major Babi texts into French, which remain the first and unique complete translations of the Bab's writings into European languages up to the present day. The article includes, among other things, quotes from Nicolas' works and materials in which he articulated certain ideas and principles which are essential for every scholar specializing in Babi studies. The present author also pays tribute to Nicolas himself and his great heritage, unfortunately, often neglected by modern researchers.

Key words: the Bab, the Babi faith, religion, religious teaching, religious studies.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

О поэтике древнеиндийского эпоса «Махабхарата»

С.Л. Невелева

Институт восточных рукописей РАН

Композиция и образные средства эпоса, его художественный язык содержат ряд особенностей. В силу длительного существования в устной традиции «Махабхарата» вобрала в себя переложения древних мифов, легенд, различные истории. Благодаря таким сюжетам течение рассказа о событиях эпоса прерывается разной глубины «крюками» и «воронками» времени в возврате к прошлому. Содержание эпических средств создания образа — по большей части формульных эпитета, сравнения и метафоры, как и содержание эпоса в целом, является *многослойным*. Оно несет в себе архаические, классико-героические и религиозно-философские идеи. Разрушение формульности и появление в «Махабхарате» так называемого *синтетического* сравнения указывают на воздействие литературного стиля.

Ключевые слова: древнеиндийский эпос, «Махабхарата», дхарма, сюжет, композиция, мотив, сравнение, эпитет, метафора.

Статья поступила в редакцию 16.04.2016.

Невелева Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, советник ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (s.neveleva@gmail.com).

© Невелева С.Л., 2016

Терминами «поэтика» и «художественный язык» объединяются все без исключения способы отображения действительности в эпическом памятнике, т.е. три основные его характеристики — содержание, композиция и средства изобразительности предстают как единое целое.

«Махабхарата» и «Рамаяна», классические эпосы древней Индии, занимают особое место в мировом культурно-историческом контексте, являясь источником для изучения религии, мифологии, философии, законов, обычаев, политических и социальных институтов. Серьезное влияние эпос оказал на становление литературного процесса не только Индийского субконтинента, но и сопредельных стран. Литература черпала и продолжает черпать из эпоса темы, идеи и образы, а энциклопедичность его содержания и ныне стимулирует развитие мировой индологии¹.

При некотором сходстве стилистики и композиции обоих индийских эпосов они обладают существенными различиями. «Махабхарата», эпос с религиозно-философской доминантой, окончательно сложившаяся приблизительно к III–IV вв. н.э., демонстрирует тесную связанность своего *многослойного* содержания с «этнографическим субстратом» (в терминологии В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова), который определял мировосприятие древнего социума на протяжении многих веков существования эпоса в устной традиции. В то же время содержание «Рамаяны» тяготеет к волшебной сказке,

¹ Современные проблемы изучения древнеиндийского эпоса получили подробнейшее освещение в исследовании Я.В. Василькова (Васильков 2010).

а ее система изобразительных средств несет черты литературного стиля *кавья* (Гринцер 2006: 691–731).

Длительный период бытования «Махабхараты» в *устной* традиции, начиная примерно с середины II тыс. до н.э., периода сложения героических песен, и до письменной фиксации текста в первые века нашей эры, включил в себя процесс так называемого «брахманского редактирования», которое имело место на путях паломничества к тиртхам, древним святыням. За этим длительным, сложным процессом стояла широкая, разветвленная сказительская традиция, в сложении которой принимали участие не только брахманы.

Основу сюжета «Махабхараты» составляет борьба за престол между двоюродными братьями — Пандавами и Кауравами, тогда как содержание этого памятника неизмеримо глубже. Длительность периода сложения индийского эпоса и обстоятельства бытования способствовали *многослойности* его содержания. Понятие «слой» Я.В. Васильков раскрывает образно, сравнивая его с археологическим *смешанным* культурным слоем, пласты которого располагаются не один над другим, а попеременно (Васильков 2010: 35). Этот образ применительно к эпосу подчеркивает тесное переплетение в его содержании древнейших идей и зрелой эпики. В эпическом тексте присутствуют реликты архаических обрядов (таких, как полиандрия, левират) и в то же время сложившиеся индуистские представления о карме, мокше, сансаре и т.п. В своем исследовании «Миф, ритуал и история в Махабхарате» (2010) Я.В. Васильков обосновал строгую научную концепцию, уточняющую историческую типологию содержания «Махабхараты», в котором синтезированы архаика, классическая героика и поздние религиозно-философские доктрины (см. также: Vassilkov 1995: 249–255).

Поэтика традиционного, устного в своих истоках индийского эпоса в целом ряде отношений обнаруживает общность с памятниками мировой традиции Древности (Елизаренкова, Топоров 1979: 36–88). Так, песенная импровизационная основа исполнения под аккомпанемент простого струнного инструмента предоставляла сказителю готовые ритмические схемы для тем и образов, хранящихся в его памяти. Сказительское искусство передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну, причем дар сказителя воспринимался как чудо, ниспосланное свыше².

В *композиции* «Махабхараты» зафиксированы ее представления о пространстве и времени. *Пространственные* координаты эпоса соответствуют доминирующей в его мировоззрении троичной схеме Вселенной: земля — небо — подземный мир. События основного сюжета происходят преимущественно на земле, причем в конкретных географических точках, что делает «Махабхарату» важным источником для изучения реальной географии субконтинента. Небесный и подземные миры, куда изредка перемещается действие, представляют интерес прежде всего как мифологические конструкции, во многом повторяющие структуру человеческого мира. Событийное *время* центрального сюжета «Махабхараты» линейно и охватывает целиком всю жизнь героев и их антагонистов — от чудесного рождения и до конечного восхождения на небо. Метафора всеобщего примирения содержит важную для эпоса, особую религиозную тему.

Особенностью композиции «Махабхараты» является обилие «вставных» фабульных повествований, которые занимают более половины ее объема, причем их сюжеты не связаны напрямую с основным действием. Примером такого сюжета является всемирно известная история Наля и Дамаянти в книге «Лесной» (Махабхарата 1987: 119–169). Эпические переложения мифов, преданий часто имеют параллели в других

² Об особенностях сложения традиционного эпического текста см. (Гринцер 1974; Лорд 1994; Мелетинский 2004; Путилов 1997).

памятниках древнеиндийской словесности. В связи с большим количеством инкорпораций в тексте эпоса учеными «аналитической школы» предпринимались безуспешные попытки отделить «героическое ядро» эпоса от последующих наслоений³. «Вставные» эпизоды — будь то рассказ о прошлых событиях эпоса, предания о давно минувшем или вневременное действие мифа — обуславливают появление в тексте «крюков» времени. В связи с родословной героев можно говорить о «воронках» времени. К будущему обращаются в своих пророчествах риши: эти пророчества носят индивидуальный характер, когда мудрец предсказывает победу герою, или же вселенский, когда речь идет о мировых периодах, югах, и наступлении последней из юг — Калиюги, которая завершается пришествием мессии-воина, возрождающего мировой порядок после всемирной катастрофы-*прали* (Невелева 1987: 97–129).

Целью «вводных» историй является, согласно В. Пизани, заполнение «временных зияний», «растянутого времени», когда основной сюжет приостанавливается (Pisani 1934: 166–176). Например, в книге III, «Лесной», герои 13 лет находятся в изгнании, и время их заполнено паломничеством по лесным святыням и беседами с мудрецами-риши. В «Шантипарве» (книге XII), или «Книге об умиротворении», и в «Анушасанапарве» (XIII), «Книге наставлений», эпическое действие практически отсутствует: эти книги содержат адресованное царю Юдхиштхире поучение Бхишмы, героя старшего поколения, который лежит на смертном одре; в силу своей высочайшей праведности он обрел право назначить себе время кончины. Идеи и стиль «вставных» повествовательных эпизодов не слишком сходны с идеями и стилем рассказа о главных событиях эпоса, причем именно в этих эпизодах можно обнаружить воздействие традиционной *литературы* — художественной, философской, законодательной и т.д. Появление «вводных» текстов диктуется определенной целью — проиллюстрировать, уточнить, расширить смысловое поле того или иного сюжета. Так, мудрец-риши рассказывает «Сказание о Нале» в утешение героям, которые, как и Наль, лишились своего царства и оказались в изгнании⁴. Сама рамочная конструкция такого сюжетного ввода, ставшая с течением времени формальным приемом, благодаря индийской повествовательной литературе проникла на Ближний Восток и в Европу (Гринцер 1982: 3–20).

На сходство сюжетов и мотивов мировых памятников эпоса обращали внимание ученые прошлого. Так, В.М. Жирмунский на широком сопоставительном материале рассмотрел мотивы необычного рождения героя, его героического детства и первых подвигов, обретения оружия, побратимства, героического сватовства и т.д. (Жирмунский 1962). Эпические мотивы группируются вокруг важнейших вех жизненного пути героя, так что эти исходные слагаемые сюжета располагаются по принципу их последовательного «хронологического сцепления»: к основному мотиву, будь то чудесное рождение персонажа, героическое сватовство, похищение или оскорбление жены героя, «подверстываются» в строгом логическом порядке связанные с ним дополнительные мотивы. В композиции «Махабхараты», как подчеркнуто П.А. Гринцером, структурирующую роль играет не мотив похищения жены героя, как в других эпосах (в том числе и в «Рамаяне»), а ее оскорбление. Такова сцена в Собрании воинов-кшатриев, куда силой приводят царскую жену Драупади⁵.

³ Историю изучения «Махабхараты» см., в частности, (Невелева 1991: 3–97; Васильков 2010: 5–41).

⁴ О творчестве эпических риши см. (Невелева 2008а: 277–294; 2008б: 329–351). О ведийских риши см. (Елизаренкова 1993).

⁵ О содержании и структуре «Сабхапарвы» см. (Махабхарата 1962; Buitenen 1972: 68–84). Об истоках сюжета «Драупади в Собрании» см. (Vassilkov 1990: 387–398).

Особой чертой мировоззрения, отличающей эпос древней Индии, является его внимание к проблемам этики. Однако некоторые поступки героев иногда весьма противоречивы: так, в решающем поединке герой Арджуна, не зная о том, что Карна — его старший брат, вероломно убивает его, когда тот не может сражаться: его колесница увязла в трещине земли. Эпос пытается оправдать подобные поступки героев Пандавов тем, что на их стороне закон-*дхарма* и своими действиями они приближают ее торжество. Главным религиозным принципам индуизма посвящена знаменитая «Бхагавадгита», которую излагает Арджуне перед началом битвы бог-герой Кришна: для человека важнее всего исполнять свой долг, а когда речь идет о битве — воинский, не думая об обретении каких-либо благ.

Наряду с «классическим» подходом к изучению исторической типологии эпических мотивов, который ведет свое начало от А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского, существует структурно-типологическая теория, выдвинутая в 70-е годы XX в. российским исследователем Б.Н. Путиловым (Путилов 1975: 141–155). Эта теория представляется весьма плодотворной при анализе композиции «Махабхараты» (Невелева 1991: 147–202). Согласно этой концепции, эпический сюжет развивается через серии типовых мотивов, среди которых структурообразующими являются три: мотив-*ситуация*, мотив-*речь* и мотив-*действие*. В любом эпосе отмечаются и краткие, и развернутые формы этих мотивов.

Мотив-*ситуация* включает общую характеристику персонажей, осуществляемую путем использования традиционных эпитетов, сравнений и метафор⁶; действующие лица вводятся в повествование, описываются отношения между ними, определяется место и иногда — время действия. В изображении персонажей присутствуют как типовые черты (например, для героя — его воинские достоинства), так и те, которые свойственны героическому персонажу исключительно индийского эпоса (мудрость, верность *дхарме*, праведность и т.д.).

Соответствуя статической фазе сюжета, мотив-*речь* имеет особое значение для «Махабхараты»: так, в книгах III, XII и XIII мотив-*речь* полностью вытесняет динамику действия. В «Махабхарате», как и в любом эпосе, имеются ситуационные, т.е. краткие формы речи, такие как приказ, совет, известие и т.д., но отличает ее обилие развернутых, структурно оформленных видов речевых коммуникаций. Их «субстратные» корни наиболее очевидны тогда, когда партнером героя выступает персонаж мифологический — бог или святой мудрец-риши. Согласно ролевому распределению участников, в «Махабхарате» можно выделить три вида таких словесных контактов: это, во-первых, беседа, когда один из участников (обычно — царь) задает вопросы или подает реплики, тем самым направляя ход беседы; во-вторых, диалог, который подразумевает равноправное участие сторон, и, в-третьих, монолог-гимн, посвященный индуистским богам, выступающим нередко как персонажи эпоса (Невелева 1991: 157–176; 2010: 151–172).

Содержание этих коммуникаций, как и остальной текст «Махабхараты», также является *многослойным*: здесь можно обнаружить и элементы архаики, и черты классической героики, и построения зрелого индуизма. Реконструкция «субстратных» начал этих видов речевого общения показывает, что беседа царя и мудреца-риши — характерный жанр древнеиндийской словесности — носит черты религиозного посвящения; в диалоге с хтоническим партнером, происходящем под угрозой смерти, просматриваются следы архаической инициации; гимн, понимаемый как подношение богу, обращает ассоциации к древнейшему внеэкономическому обмену между двумя сторонами социума, построенного по дуальной модели (Невелева 1988: 128–160).

⁶ Подробно о мотиве-*описание* см. (Невелева 2014: 60–76).

Масштабное воплощение мотива-действие — великая всеиндийская битва на Курукшетре, Поле Куру, Поле дхармы. Вопрос об историчности событий «Махабхараты» был (и остается) предметом дискуссий. Тем не менее Я.В. Васильков убедительно показывает, что за этой битвой стоит не единичное событие, а долговременное этнокультурное противостояние между Мадхьядешей, Срединной землей, родиной эпоса, которая располагалась в Ямуно-Гангской долине, и «варварской» периферией Северо-Запада, Юга и Востока⁷.

Особенности композиции «Махабхараты» отчетливо выражает типовой мотив-перемещение, который, уже по причине обилия в ней «паломнических» текстов, никак не является просто «связкой». Особую ценность придают эпосу обширные паломнические путеводители по тиртхам, святым местам, многие из них почитаются и теперь (Васильков 2011: 157–197; Дандекар 2002: 172–194; Vassilkov 2002: 133–158). Эпические персонажи передвигаются не только по земле, основному месту действия, но также и по космической вертикали: таковы появление бога Индры перед героем Карной в книге «Лесной» (Махабхарата 1987: 586–588), восхождение героя Арджуны на небо Индры и его нисхождение в подземный мир (Там же: 105–118), а также видение Юдхиштхиры о том, как он попадает в ад (Махабхарата 2005: 106–111); в той же, последней книге эпоса описывается вознесение и героев, и антигероев на небеса (Там же: 111–113).

Серьезный поворот в исследовании «Махабхараты» связан с утверждением теории формульности. М. Пэрри (30-е годы XX в.) предложил рассматривать в качестве формул все типы лексических повторов, занимающих определенное место в стихе. А.Б. Лорд, развивший ряд положений М. Пэрри, в частности, уточнил определение темы, рассматривая ее как повторяющийся элемент повествования или описания (Лорд 1994). Одним из важнейших свидетельств устного происхождения эпоса считается формульность его **стиля**; в то же время разрушение формулы, как это часто происходит в «Рамаяне», говорит о влиянии стиля *литературного* (Гринцер 2006: 691–731). Аналогичное явление наблюдается и в «Махабхарате» (Невелева 2011: 20–40).

Поэтика отдельного приема изобразительности есть отражение как общих, так и особенных черт поэтики жанра. Согласно данным исторической типологии, не только содержание древнеиндийского эпоса, но и каждый элемент его формы является *многослойным*. Историко-типологическая стратификация содержания «Махабхараты», представленная Я.В. Васильковым, предполагает также и «расслоение ее художественной системы» (Васильков 2010: 36).

Эпитеты и сравнения, широко представленные в мировом эпосе, следует отнести к основным единицам системы изобразительных средств, формирующих эпические образы. К числу основных элементов поэтической техники «Махабхараты» принадлежат традиционные эпитет, сравнение и метафора, содержание которых имеет прямое отношение к семантике эпических образов, что позволяет сделать определенные выводы относительно одной из важнейших сторон идеологии памятника — его этических и эстетических установлений (Невелева 1979; 1991: 98–146; Vassilkov 2009: 107–119). Исследование стилистики древнеиндийского эпоса способствует выявлению типологических соответствий между «Махабхаратой» и эпосом других народов, а также установлению своеобразия ее поэтики.

Стилистическая функция *эпитета* состоит в экспрессии, выразительности признака, который подчеркивает самые существенные свойства «предмета». Сходство ха-

рактических, а точнее «равенство достоинств» борющихся между собой соперников, является специфической чертой мировосприятия индийского эпоса (Гринцер 1974: 26, 37, 38, 46; Невелева 1979: 34, 35; Васильков 2010: 17). Выраженные *постоянными* эпитетами, такие традиционные достоинства героя-воина, как могущество, отвага, стремительность, непобедимость и т.п., сочетаются в индийском эпосе с мудростью, знанием дхармы, верностью обетам, правдоречивостью, смирением и т.д. Высокие качества воина подчеркивают эпитеты, имеющие параллели в памятниках мирового эпоса. «Могучий» (balin, balavat, prabhu), «отважный», «герой» (śūra, vīra), «воистину отважный» (satyavikrama), «грозоотважный» (bhīmavikrama, bhīmaparākrāma), «славный» (śrīmān, yaśasvin), «многославленный» (mahāyaśas), «непобедимый» (ajita, anādhṛṣya, durāsada, aparājita), «быстрый» (mahāvega, mahājaya, tarasvin), «неистовый» (amarṣaṇa) — таковы характеристики эпических героев, причем, и это стоит еще раз подчеркнуть, свойственные представителям обоих соперничающих станов.

Вместе с тем воин «Махабхараты» «мудр» (prajña, medhavin, dhīmān, vidvān, mahāmāti), он «знаток и блюститель дхармы», что означает «добродетелен, справедлив, верен долгу» (dharmañña, dharmavid, dharmacārin, dharmasīla), «верен (великому) обету» (saṁśītaṁvratā, dhṛtāvratā, mahāvratā, suvratā), «велик (безмерен) духом» (mahātman, amītātman, ameyātman), «скромен, сдержан, смирен» (dānta, vaśin, sātātman), «честен, правдоречив» (satya, satyavādīn), «искусен в беседе» (vāgmin), «чист, безгрешен» (śuci, akalmaṣa, pavitra), «милосерден» (śaraṇya, dayāvan), «велик (грозен) в подвижничестве» (mahātapaṣ, ugratapaṣ, tīvratapaṣ), «пылает подвижничеством» (dīptatapaṣ). Именно эта группа характеристик отражает особенности морально-этической оценки эпического героя-воина, главного для «Махабхараты» образа.

Двойственным характером определений персонажа, среди которых, с одной стороны, воинские достоинства (мужество, отвага, мощь, слава), с другой — черты, с героикой не связанные (мудрость, благочестие, искусность в беседе и т.д.), подтверждается многомерность содержания «Махабхараты», объединяющего героический и религиозно-философский уровни. Отсутствие резкого противопоставления мира людей мирам богов и демонов — столь же уникальная черта эпического мировосприятия — дополнительно иллюстрируется сходством их описания: небожители и даже демоны могут быть, подобно земным героям, могучими, отважными, мудрыми и т.д.

Важнейшей особенностью, также отличающей эпитеты «Махабхараты» от используемых в эпических памятниках мировой традиции, является связь их содержания с мифологией⁸. В этом отношении показательны *цветовые* эпитеты (Невелева 1979: 10–13). В «Повести о Раме» (Махабхарата 1987: 518–553) «белый» (śveta) — цвет зонта и венка одного из сподвижников Рамы, а также название священной горы — противопоставлен красному (lohita, rakta), цвету атрибутов соперника героя, демона Раваны (венки, мазь на теле). Это противопоставление выходит за рамки оппозиции «добро–зло», расширяясь до оппозиции «жизнь–смерть»: Раване суждено погибнуть от рук Рамы, освободившего похищенную тем свою супругу Ситу. Как знак трагического наряду с красным цветом выступает нагота: Равана — «обритый наголо» (vikāsa), его спутники «нагие» (nagnāḥ), «с выпавшими волосами» (patitamūrdhajāḥ). В этом же ряду стоит постоянный эпитет яростного брахмана Дурвасаса, инкарнации Шивы, — «одетый в стороны света» (digvāsa), т.е. «обнаженный». В случае, когда Кауравы в Собрании пытаются обнажить Драупади во время ее нечистоты, сочетание «нагое» — «красное» также имплицитно соответствует цветовой символике трагического наполнения, тем более что гибель Кауравов мотивируется в эпосе именно тем, что они подвергли унижению супругу Пандавов.

⁸ Данные о мифологии «Махабхараты» см. (Васильков 2010: 42–95; Невелева 1975; 2014а: 100–113).

Цвет Кришны как бога Вселенной изменяется соответственно космическим периодам: белый (*śveta*) соответствует Критаюге, желтый (*pṛta*) — Третаюге, красный (*rakta*) — Двапараюге, а черный (*kṛṣṇa*) — Калиюге. Эти изменения отражают связь цветовой символики с этико-мифологическими критериями: белый цвет ассоциируется с Золотым веком, когда дхарма всеильна, желтый — с периодом, когда закон ущербен на четверть, красный — с тем временем, когда дхарма иссякла наполовину, а черный цвет символизирует тот космический период, когда торжествует зло в канун гибели Вселенной⁹.

Красный цвет может быть реальной цветовой характеристикой: «красный» (*rakta*) — об уголке глаза, «красно-коричневый» (*aruṇa*) — о горных склонах, «ярко-медный» (*atītāma*) — о пасти змея. И все же это цветовое определение чаще всего осложнено мифологизмом. Важное место занимает красный цвет в мифологии Сканды, бога войны. Кровавое пламя конца света, солнце, взошедшее среди алых туч, солнце на восходе, пылающее солнце, кроваво-красный океан — таковы образы, используемые в описании Сканды. Здесь прослеживается также связь определения «золотой» (*hiraṇya*) с красным цветом: бог — «златоокий» (*hiraṇyākṣa*), «златокожий» (*hiraṇyavarṇa*), на нем пурпурное одеяние (*lohītāmbara*), на голове — «золотая тиа́ра» (*hiraṇyācūḍāmukuta*), у него — «золотой панцирь и венок» (*hiraṇyakavacasraja*). О Сканде говорится: «одетый в красные одежды, в красном венке и убранстве», «с красным ртом... в золотых доспехах» (*lohītāmbarasamvīto lohitasragvibhūṣaṇaḥ lohītāsyo... hiraṇyakavacaḥ*). Основная характеристика атрибутов Сканды *lohita* означает даже не просто «красный», но «кроваво-красный». «Цвет войны» насквозь пронизывает описание этого мифологического образа.

Эпитет «черный» (*kṛṣṇa*, *śyāma*, *nīla*) нередко получает эмоционально-мифологическое освещение: таково одеяние Ситы, томящейся в плену у Раваны, окраска птицы — знамения беды, рот Ямы, бога смерти, бедра бога Огня, сине-черная шея бога Шивы¹⁰. Черный цвет в этих случаях связан с чувством страха, ощущением угрозы. Между тем черный цвет Огня соответствует зрительному восприятию «черного» как «сгоревшего», хотя и в этом случае нельзя полностью исключить ассоциацию «черного» с огнем как источником опасности.

Иногда «черное» понимается как «красивое»: темнокожие красавицы служанки Юдхиштхиры — один из атрибутов утраченного им величия; Кришна (Черный) — одно из имен Арджуны, данное ему в детстве, согласно позднему толкованию, за красоту; красота Драупади (другое ее имя — Кришна) постоянно подчеркивается в эпосе. Однако в понимании имен бога-героя Кришны и Драупади эстетический критерий отнюдь не является важнейшим.

Определения, содержащие указание на материал: «золотой», «железный», «шелковый», — соответствуют реальной вещи признака: «железное» (*āyasa*) — оружие демонов; «сделанная из железа» (*ayasmaya*), «щеликом из железа» (*sarvāyāsī*), «щеликом из дамасской стали» (*sarvaśaikuṇḍayāsī*) — палица; «созданная из сока камня», т.е. из железа (*adrisāramaya*), — стрела; «шелковое» (*kauśeya*, *kauśika*) — одеяние Вишну, одежда Драупади. И все же нельзя игнорировать дополнительный, идеализирующий характер этих характеристик: «железное» как мощное, «шелковое» как красивое.

Иными словами, содержание рассмотренных эпитетов осложнено разного рода связями с идеологией эпоса, с его мифологическим, этическим, эстетическим и эмоциональным уровнями.

⁹ Подробное описание юг см., например, (Махабхарата 1987: 302–304, 382–394; Невелева 1987: 97–129).

¹⁰ Когда Шива выпил смертельный яд, появившийся из Молочного океана при пахтании его богами и демонами, шея бога посинела, поэтому он зовется Синешеем.

Мифологическим *сравнениям* героического слоя эпического содержания, слоя, стадияльно и типологически предшествующего религиозно-философской дидактике, свойствен исключительный *консерватизм*, который способствует сохранению в сравнениях весьма древних идей. Подавляющее большинство таких сравнений индийского эпоса представляет собой один из самых ранних художественных приемов словесности, не представленных в древнеевропейской традиции, однако широко используемых, как подчеркивает Я.В. Васильков, в «Махабхарате», что увеличивает значение исследования ее поэтики¹¹. «Батальные» сравнения «Махабхараты» содержат в свернутом виде сюжет основного мифа; для Индии — это миф о победе Индры над Вритрой. Индра не входит в число крупнейших богов индийского эпоса, однако является одним из самых важных, наряду с Агни, в древнейшей мифологии «Ригведы»¹². Хотя Индра в послеведийской традиции утрачивает свою значительную роль, эпические сравнения широко апеллируют к ригведийскому мифу.

Центральное действие «Махабхараты» — восемнадцатидневная битва племен и народов субконтинента — уподобляется битве богов с демонами-асурами: Кауравы и Пандавы истребляют друг друга — «так некогда бились асуры с первыми среди богов»; грозная битва «подобна битве богов и асуров». Сражающийся с недругами герой сравнивается с богом Индрой, который бьется с наступающей ратью асуров, а оружие воина — с ваджрой, оружием этого бога. Однако достойным противником героя¹³ может быть также предводитель демонов Вритра (или его «дублиеры» — демоны Шамбара, Намучи, Бала и т.п.). В сравнениях «Махабхараты» сохраняется память об асурах как старших братьях богов, что придает батальным сравнениям эпоса дополнительный оттенок: старшие братья Кауравы, которые ассоциируются с демонской «фратрией», борются против младших — Пандавов, сыновей богов и их частичных воплощений. В более поздних индуистских мифах о демоноборчестве Вишну, Шивы и Сканды лишь варьируется содержание основного мифа — о битве Индры и Вритры или же о космической битве богов и асуров.

Отдельную группу составляют сравнения, образная часть которых связана с мифологией позднего, религиозно-философского слоя эпического содержания — с концепцией мировых периодов, когда с наступлением конца юга (*yugānte*, *yugakṣāye*) погибает Вселенная: воин в ярости подобен грозному пламени конца юги, палящему солнцу конца юги и т.п. Такие «эсхатологические» сравнения несут исключительно художественную нагрузку, оттеняя фаталистический смысл происходящего, что свойственно мировоззрению далеких от архаики классических форм героического эпоса¹⁴.

Характерной чертой метафоры «Махабхараты»¹⁵ является преодоление мифологического тождества ее компонентов, которое было определяющим для метафорики «Ригведы». Традиционная для эпоса метафора-бином включает в себя и «означаемое», и «означающее», т.е. субъект и объект уподобления; такая метафора формульна, т.е. занимает определенное место в стихе. Едва ли возможно говорить о времени

¹¹ О сравнениях «Махабхараты» см. (Невелева 1979: 37–115; 1991: 110–123; Васильков, Невелева 1988: 152–175; Vassilkov 2001: 13–31).

¹² О ригведийской мифологии см. (Ригведа 1989: 493–506).

¹³ Представление о «равенстве достоинств» сражающихся воинов — как героев, так и их противников — стирается с утверждением дхармы как универсального закона, и преимущество отдается тем, на чьей стороне дхарма.

¹⁴ Вывод о чисто художественной функции «эсхатологических» сравнений обоснован Я.В. Васильковым, см. (Васильков, Невелева 1988: 152–175). Об эпической эсхатологии как о метафоре сюжета «Махабхараты» см. (Hiltebeitel 1976: 312).

¹⁵ Подробно о метафоре в «Махабхарате» см. (Невелева 1991: 124–146; 2011: 20–40).

возникновения того или иного типа метафоры в древнеиндийском эпосе с его синтезом «эпики» и «дидактики». С большей или меньшей степенью достоверности можно, по-видимому, судить о древности содержания этого приема и общей тенденции его развития. Показателем укорененности этого приема в тексте выступает его связь с другими компонентами эпической поэтики — сравнением, эпитетом, синонимией и звукописью (Невелева 1987: 97–129).

К одной из самых ранних по содержанию следует, очевидно, отнести «животную» метафору-бином, уподобляющую воина *быку* (*ṛṣabha*, *puṅgava*). Такая метафора мифологического происхождения встречается в древнейших традициях словесности. По той же самой модели строятся выражения, сопоставляющие героя с *тигром* (*vyāghra*, *śārdūla*) или со *львом* (*siṅha*, *kuṅjara*). При этом уподобление воина дикому животному далеко от отождествления: между субъектом и объектом здесь просматривается отчетливый зазор. По-видимому, не менее древним является содержание метафоры, использующей имя *Индры*: она несет в себе идею «вождества», «главенства», первенства, соответствующую представлению об Индре как о царе богов в древней мифологии: «Индрой людей» называют царя, «Индрой богов» — царя над богами, «Индрой асуров» — предводителя демонов-асуров, «Индрой гор» — Гималаи, царя гор.

«Метафора смерти» представлена в эпосе как в мифологическом, так и в религиозно-философском аспекте. Ее смысл передается многочисленными синонимами, что немаловажно и для стиля текста, который избегает слова «умирать». Существует большое разнообразие способов выражения этого понятия. Наряду с мифологическими образами бога Ямы и Мритью, воплощенной Смерти («отправиться в обиталище Ямы», «угодить в пасть Смерти», т.е. погибнуть), в «Махабхарате» используется понятие движения, «образ пути»: «удалиться на небо», «отправиться гостем к Индре», «ступить на высочайший путь». Следующими выражениями зафиксирован ряд религиозно-философских идей: «отринуть тело», «соединиться с Атманом», «растаться с пранами» (т.е. жизненными дыханиями), «распасться на пять великих элементов». По сравнению с «животной» и «Индровой» метафорой такие в основном неформульные конструкции, судя по заключенным в них идеям, являются типологически более поздними.

Центральное действие «Махабхараты» — восемнадцатидневная битва племен и народов субконтинента — трактуется с помощью «ритуальной» метафоры как жертвоприношение, которое обеспечивает воину-кшатрию путь на небеса. Метафорический смысл мифологемы «битва-жертвоприношение» (*raṇayajña*, *śastrayajña*) проявляется, если помнить, что «фоном эпического действия и прежде всего — эпической битвы служил агонистический ритуал разных видов» (Васильков 2010: 252, 270–289). Иногда поединок сопоставляется с ритуалом агонистического приема гостя. Соперник героя, представляясь «гостем», вызывает «хозяина» выйти, как тому подобает, на бой (Махабхарата 1990: 45) — такова практика «божественного гостеприимства», если в поединке сходятся воины-кшатрии. Соперничество брахманов получает свое выражение в словесном состязании — агоне (Васильков 2010: 108–109). Ритуальная игра в кости, которая представляет собой обрядовый агон, описывается как битва¹⁶. «Если не желаешь ты (сыграть) в эту игру, то пусть состоится игра-битва, и в колесничном бою либо ты примешь смерть, либо я» (Махабхарата 1987: 165) — так вызывает один соперник другого на поединок; о стрелах говорится как о броске играль-ных костей, о луке — как ящичке для них, о колеснице — как об игровой доске (Махабхарата 1990: 183).

Особого рода стилистическая конструкция, которая состоит из цепочек метафор-биномов, определяется как *синтетическое сравнение*; точнее было бы сказать, что это синтетическая метафора, особенно широко представленная в «Рамаяне» (Гринцер 1974: 344–347)¹⁷. Последовательное сопоставление отдельных фрагментов изображаемой картины путем нанизывания двухсоставных образований способствует созданию ее двойного видения. Фигура эпического воина или поле битвы — главные темы эпической метафоры — сопоставляются в этом случае с грозными явлениями природы, имеющими явный эсхатологический оттенок. Например, герой Карна на поле брани — это огонь, стрелы его — языки пламени, удары тетивы — треск, пыль над ратным полем — дым, оружие — жар; раздуваемый ветром-Дурьодханой, он, подобно огню конца мирового периода, юги, исторгнутому Калой-Временем, губит сушняк — неприятельскую рать. И далее: Кришной-ветром гонимая туча-Арджуна с журавлями — белыми конями, с (луком)-Гандивой, сверкающим подобно луку Индры, способна погасить потоками стрел огонь-Карну (Махабхарата 1987: 203). В других случаях также указывается на один из «образов пралаи» (М. Бьярдо) — палящее солнце: Арджуна, солнце конца юги, пронзающими лучами-стрелами осушил неиссушимый океан поклявшихся убить его воинов (Махабхарата 1990: 46); недруги не в силах смотреть на Арджуну, пылом подобного солнцу конца юги, стрелы которого — это лучи, а диск — лук-Гандива (Там же: 198). Как и эпическая эсхатология в целом, представляющая собой не основу сюжета «Махабхараты», а художественный фон ее событий, такие неформульные синтетические образования принадлежат, очевидно, к поздним явлениям метафорического стиля, тяготеющего к литературному.

Анализ древнеиндийской эпической метафоры показывает, что этот прием образительности, подобно другим, как и само содержание «Махабхараты», отмечен *многослойностью*. Вписанная в повествовательный ряд эпоса, метафора сохраняет память о мифе и ритуальных установлениях глубокой древности, но при этом утрачивает сравнимую с отождествлением слитность входящих в ее состав образов. В этом и заключается ее «переходный» к литературному художественному приему характер.

Сокращения

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук

ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы

ИЛИ РАН — Институт лингвистических исследований Российской академии наук

Литература

- Васильков 2010 — *Васильков Я.В.* Миф, ритуал и история в Махабхарате. СПб.: Европейский дом, 2010.
- Васильков 2011 — *Васильков Я.В.* «Махабхарата» и индийская практика паломничества в свете новых эпиграфических данных // Зографский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 157–197.
- Васильков, Невелева 1988 — *Васильков Я.В., Невелева С.Л.* Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги «Махабхараты») // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. С. 152–175.
- Гринцер 1974 — *Гринцер П.А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Наука; ГРВЛ, 1974.

¹⁷ О синтетических сравнениях «Махабхараты» см. (Васильков 2010: 272–278; Невелева 1991: 111, 112).

- Гринцер 2006 — *Гринцер П.А.* «Первая поэма» древней Индии // Рамаяна. Книга первая. Балаканда («Книга о детстве»). Книга вторая. Айодхьяканда («Книга об Айодхье») / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006. С. 691–731.
- Гринцер 1982 — *Гринцер П.А.* Санскритская обрамленная повесть // Индийская средневековая повествовательная проза. М.: Художественная литература, 1982. С. 3–20.
- Дандекар 2002 — *Дандекар Р.Н.* Махабхарата: ее происхождение и развитие // От Вед к индуизму. Эволюционирующая мифология. М.: Наука; Восточная литература, 2002. С. 172–194.
- Елизаренкова 1993 — *Елизаренкова Т.Я.* Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука; Восточная литература, 1993.
- Елизаренкова, Топоров 1979 — *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука; ГРВЛ, 1979. С. 36–88.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1962.
- Лорд 1994 — *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послесловие Б.Н. Путилова. М.: Наука; Восточная литература, 1994.
- Махабхарата 1962 — Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или Книга о Собрании / Пер. с санскр. и коммент. В.И. Кальянова. М.; Л.: Наука, 1962 (Литературные памятники).
- Махабхарата 1987 — Махабхарата. Книга третья. Араньякапарва (Лесная) / Пер. с санскр., предисл., коммент. и толк. словари Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука; ГРВЛ, 1987 (Памятники письменности Востока. LXXX).
- Махабхарата 1990 — Махабхарата. Книга восьмая. Карнапарва (О Карне) / Пер. с санскр., предисл. и коммент. Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М.: Наука; ГРВЛ, 1990 (Памятники письменности Востока. XCI).
- Махабхарата 2005 — Махабхарата. Заключительные книги. XV–XVIII / Пер. с санскр., коммент. и статьи / Изд. подгот. С.Л. Невелева и Я.В. Васильков. СПб.: Наука, 2005 (Литературные памятники).
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М.: Наука; Восточная литература, 2004.
- Невелева 1975 — *Невелева С.Л.* Мифология древнеиндийского эпоса. Пантеон. М.: Наука; ГРВЛ, 1975.
- Невелева 1979 — *Невелева С.Л.* Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М.: Наука; ГРВЛ, 1979.
- Невелева 1987 — *Невелева С.Л.* Контекстные связи эпической шлоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука; ГРВЛ, 1987. С. 97–129.
- Невелева 1988 — *Невелева С.Л.* О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука; ГРВЛ, 1988. С. 128–160.
- Невелева 1991 — *Невелева С.Л.* Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М.: Наука; ГРВЛ, 1991.
- Невелева 2008a — *Невелева С.Л.* Эпические риши (по данным «Махабхараты») // *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XX. *Indologica*. Сб. статей памяти Т.Я. Елизаренковой. Кн. I. М.: РГГУ, 2008. С. 329–351.
- Невелева 2008b — *Невелева С.Л.* Мудрец-сказитель в Махабхарате (к проблеме эпического текстосложения) // Классическая филология и индоевропейское языкознание — IV / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2008 (*Acta Linguistica Petropolitana*. Труды ИЛИ РАН. Т. IV, ч. 1). С. 277–294.
- Невелева 2010 — *Невелева С.Л.* «Моление о даре» (типология эпического гимна) // Махабхарата: Художественный язык древнеиндийского эпоса (Исследование). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 151–172.
- Невелева 2011 — *Невелева С.Л.* Древнеиндийская эпическая метафора (по данным «Махабхараты») // Зографский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 20–40.

- Невелева 2014 — Невелева С.Л. Природа в «Махабхарате» (типовой мотив-«описание») // Зографский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 60–76.
- Путилов 1975 — Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа. М.: Наука; ГРВЛ, 1975. С. 141–155.
- Путилов 1997 — Путилов Б.Н. Эпическое сказительство. М.: Наука; Восточная литература, 1997.
- Рамаяна 2006 — Рамаяна. Книга первая. Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая Айодхьяканда (книга об Айодхье) / Изд. подгот. П.А. Гринцер. М.: Ладомир; Наука, 2006.
- Buitenen 1972 — Buitenen J.A. van. On the Structure of the Sabhāparvan in the Mahābhārata // Ensink J., Gaeffke P. (eds). *India Maior. Congratulatory Volume Presented to Jan Gonda*. Leiden: Brill, 1972. P. 68–84.
- Hiltebeitel 1976 — Hiltebeitel A. The Ritual of Battle. Krishna in the Mahābhārata. Ithaca; London: Cornell University Press, 1976.
- Pisani 1934 — Pisani V. The Rise of the Mahābhārata // A Volume of Eastern and Indian Studies. Present. to Prof. F.W. Thomas. London, 1934. P. 166–176.
- Vassilkov 1990 — Vassilkov Ya.V. Draupadī in the Assembly Hall, Gandharva-husbands and the Origin of the Gaṇikās // *Indologica Taurinensia*. 1989–1990. Vol. XV–XVI. Proceedings of the Seventh World Sanskrit Conference (Leiden, August 23–29, 1987). Torino, 1990. P. 387–398.
- Vassilkov 1995 — Vassilkov Ya.V. The Mahābhārata's Typological Definition Reconsidered // *Indo-Iranian Journal*. 1995. Vol. 38. No. 3. P. 249–255.
- Vassilkov 2001 — Vassilkov Ya. The Mahābhārata Similes and Their Significance for Comparative Epic Studies // *Rocznik orientalistyczny*. 2001. T. LIV. Z. 1. P. 13–31.
- Vassilkov 2002 — Vassilkov Ya. Indian Practice of Pilgrimage and the Growth of the Mahābhārata in the Light of New Epigraphical Sources // Stages and Transitions: Temporal and Historical Frameworks in Epic and Purāṇic Literature. Proceedings of the Second Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 1999). Zagreb, 2002. P. 133–158.
- Vassilkov 2009 — Vassilkov Ya. An Epithet in the Mahābhārata: mahābhāga // Parallels and Comparisons. Proceedings of the Fourth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas / Ed. by P. Koskikallio / Gen. editor M. Ježić. Zagreb, 2009. P. 107–119.

References

- Van Buitenen, Johannes A.B. “On the Structure of the Sabhāparvan in the Mahābhārata”. In: Ensink J., Gaeffke P. (eds). *India Maior. Congratulatory Volume Presented to Jan Gonda*. Leiden: Brill, 1972, pp. 68–84 (in English).
- Dandekar R.N. “Mahabharata: ee proiskhozhdenie i razvitie” [Mahābhārata: its genesis and evolution]. In: *Ot Ved k induizmu. Evoliutsioniruiushchaia mifologiya* [From the Vedas to Hinduism. Developing mythology]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002, pp. 172–194 (in Russian).
- Elizarenkova T.Ia. *Iazyk i stil' vediiskikh rishi* [The language and style of Vedic rishis]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1993 (in Russian).
- Elizarenkova T.Ia., Toporov V.N. “Drevneindiiskaia poetika i ee indoeuropeiskie istoki” [Ancient Indian poetics and its Indo-European origins]. In: *Literatura i kul'tura drevnei i srednevekovoi Indii* [The literature and culture of ancient and medieval India]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1979, pp. 36–88 (in Russian).
- Grintser P.A. *Drevneindiiskii epos. Genesis i tipologiya* [Ancient Indian epic. Genesis and typology]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1974 (in Russian).
- Grintser P.A. “Sanskritskaia obramlennaia povest” [Sanskrit framed short novel]. In: *Indiiskaia srednevekovaiia povestvovatel'naia proza* [Indian medieval narrative]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982, pp. 3–20 (in Russian).
- Grintser P.A. “‘Pervaia poema’ drevnei Indii” [The first poem of ancient India]. In: *Ramayana. Kniga pervaiia. Balakanda* (“Kniga o detstve”). *Kniga vtoraiia. Ayodhyakanda* (“Kniga ob Ayodh'e”) 55

- [Ramayana. The 1st book. Childhood (Balakanda). The 2nd book. Ayodhya (Ayodhyakanda)]. Ed. by P.A. Grintser. Moscow: Lodomir; Nauka, 2006, pp. 691–731 (in Russian).
- Hiltebeitel, Alf. *The Ritual of Battle. Krishna in the Mahābhārata*. Cornell University Press, Ithaca; London, 1976 (in English).
- Lord A.B. *Skazitel'* [The singer of tales]. Per. s angl. i komm. Iu.A. Kleiner i G.A. Levintona. Posleslovie B.N. Putilova [Transl. from English and comm. by Yu.A. Kleiner and G.A. Levinton]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1994 (in Russian).
- Mahābhārata. Kniga vtorai. Sabhāparva, ili Kniga o Sobranii* [Mahābhārata. The 2nd book. Assembly (Sabhāparva)]. Per. s sanskr. i komm. V.I. Kalianova [Transl. from Sanskrit and comm. by V.I. Kalyanov]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962 (Literaturnye pamiatniki [Literary works]) (in Russian).
- Mahābhārata. Kniga tretia. Āraṇyakaparva (Lesnaia)* [Mahābhārata. The 3rd book. Forest (Āraṇyakaparva)]. Per. s sanskr., predisl., komm. i tolk. slovari Ya.V. Vassilkova i S.L. Nevelevoi [Transl. from Sanskr., introd. and comm. by Vasilkov Ya.V. and Neveleva S.L.]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1987 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, LXXX [Literary works of the Orient]) (in Russian).
- Mahābhārata. Kniga vos'maia. Karna-parva (O Karne)* [Mahābhārata. The 8th book. Karna (Karna-parva)]. Per. s sanskr., predisl. i komm. Ia.V. Vassilkova i S.L. Nevelevoi [Transl. from Sanskrit, introd. and comm. by Vasilkov Ya.V. and Neveleva S.L.]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1990 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka, XCI [Literary works of the Orient]) (in Russian).
- Mahābhārata. Zakliuchitel'nye knigi. XV–XVIII* [Mahābhārata. The last books XV–XVIII]. Per. s sanskr., komm. i stat'i. Izd. podg. S.L. Neveleva i Ia.V. Vassilkov [Transl. from Sanskrit, comm. and articles by Vasilkov Ya.V. and Neveleva S.L.]. St. Petersburg: Nauka, 2005 (Literaturnye pamiatniki [Literary works]) (in Russian).
- Meletinskii E.M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa* [The genesis of heroic epos]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 2004 (in Russian).
- Neveleva S.L. *Mifologiya drevneindiiskogo eposa. Panteon* [The mythology of ancient Indian epos. Pantheon]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975 (in Russian).
- Neveleva S.L. *Voprosy poetiki drevneindiiskogo eposa. Epitet i sravnenie* [Problems of poetics of ancient Indian epos]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1979 (in Russian).
- Neveleva S.L. "Kontekstnye svyazi epicheskoi shloki" [Context ties of the epic shloka]. In: *Literatura i kul'tura drevnei i srednevekovoi Indii* [The literature and culture of ancient and medieval India]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1987, pp. 97–129 (in Russian).
- Neveleva S.L. "O kompozitsii drevneindiiskogo epicheskogo teksta v svyazi s arkhaiskimi obriadovymi predstavleniiami" [On the composition of the ancient Indian epos in connection with archaic ritual beliefs]. In: *Arkhaiskii ritual v fol'klornykh i ranneliteraturnykh pamiatnikakh* [Archaic ritual in folkloric and early literary works]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1988, pp. 128–160 (in Russian).
- Neveleva S.L. *Mahabharata. Izuchenie drevneindiiskogo eposa* [Mahābhārata. Study of ancient Indian epos]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1991 (in Russian).
- Neveleva S.L. "Mudrets-skazitel v Mahabharate (k probleme epicheskogo tekstoslozheniia)" [Sage singer of tales in Mahābhārata (On the problem of epic text composition)]. In: *Klassicheskaia filologiya i indoevropskoe iazykoznanie* [Classical philology and Indo-European linguistics], IV. Ed. by N. N. Kazansky. St. Petersburg: Nauka, 2008, pp. 277–294 (Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. T. IV, ch. 1) (in Russian).
- Neveleva S.L. "Epicheskie rishi (po dannym 'Mahabharaty')" [Epic Ṛṣis (according to Mahābhārata)]. *Orientalia et Classica. Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti, XX. Indologica. Sbornik statei pamiati T.Ia. Elizarenkovoi. kn. I* [Orientalia et Classica. Proceedings of the Institute of oriental cultures and antiquity, XX. Indologica. Collection of articles in memory of T.Ia. Elizarenkova, book I]. M.: RGGU, 2008, pp. 329–351 (in Russian).

- Neveleva S.L. "Molenie o dare (tipologiya epicheskogo gimna)" [Praying for gift (typology of epic hymn)]. In: *Mahabharata: Khudozhestvennyi iazyk drevneindiiskogo eposa (Issledovanie)* [Mahābhārata. Literary language of ancient Indian epic (Research work)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2010, pp. 151–172 (in Russian).
- Neveleva S.L. "Drevneindiiskaia epicheskaia metafora (po dannym 'Mahabharaty')" [The ancient Indian epic metaphor (according to Mahābhārata)]. *Zografskii sbornik*, vyp. 2 [Proceedings of the Zograph readings, issue 2]. Ed. by Ya.V. Vassilkov. St. Petersburg: MAE RAN, 2011, pp. 20–40 (in Russian).
- Neveleva S.L. "Priroda v 'Mahabharate' (tipovoi motiv-'opisanie')" [Nature in the Mahābhārata (typical motive-description)]. *Zografskii sbornik*, vyp. 4 [Proceedings of the Zograph readings, issue 4]. Ed. by M.F. Albedil, Ya.V. Vassilkov. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, pp. 60–76 (in Russian).
- Pisani, Vittore. "The Rise of the Mahābhārata". In: *A Volume of Eastern and Indian Studies. Present. to prof. F.W. Thomas*. London, 1934, pp. 166–176 (in English).
- Putilov B.N. "Motiv kak suzhetoobrazuiushchii element" [Motive as a constitutive part]. In: *Tipologicheskie issledovaniia po fol'kloru*. Sb. statei pamiati V.Ia. Proppa [Typological papers on folklore. Collection of articles in memory of V.Ya. Propp]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975, pp. 141–155 (in Russian).
- Putilov B.N. *Epicheskoe skazitel'stvo*. [Epic chanting]. Moscow: Nauka; Vostochnaia literatura, 1997 (in Russian).
- Ramayana. *Kniga pervaiia. Balakanda (Kniga o detstve). Kniga vtoraiia Aiodkh'iakanda (kniga ob Aiodkh'e)* [Ramayana. The 1st book. Childhood (Balakanda). The 2nd book. Ayodhya (Ayodhya-kanda)]. Ed. by P.A. Grintser. Moscow: Ladomir; Nauka, 2006 (in Russian).
- Vassilkov Ya.V. "Draupadī in the Assembly Hall, Gandharva-husbands and the Origin of the Gaṇikās". *Indologica Taurinensia*, XV–XVI, 1989–1990. Proceedings of the Seventh World Sanskrit Conference (Leiden, August 23–29, 1987). Torino, 1990, pp. 387–398 (in English).
- Vassilkov Ya.V. "The Mahābhārata's typological definition reconsidered". *Indo-Iranian Journal*, 1995, July, 38, no. 3, pp. 249–255 (in English).
- Vassilkov, Yaroslav. "The Mahābhārata similes and their significance for comparative Epic studies". *Rocznik orientalistyczny*, 2001, T. LIV. Z. 1, pp. 13–31 (in English).
- Vassilkov, Yaroslav. "Indian practice of pilgrimage and the growth of the Mahābhārata in the light of new epigraphical sources". *Stages and Transitions: Temporal and historical frameworks in epic and purāṇic literature*. Proceedings of the Second Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 1999). Zagreb, 2002, pp. 133–158 (in English).
- Vassilkov, Yaroslav. "An Epithet in the Mahābhārata: mahābhāga". In: *Parallels and Comparisons*. Proceedings of the Fourth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas. Ed. by P. Koskikallio. Gen. editor M. Ježić. Zagreb, 2009, pp. 107–119 (in English).
- Vassilkov Ya.V. *Mif, ritual i istoriia v Mahabharate* [Myth, ritual and history in the Mahābhārata]. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2010 (in Russian).
- Vassilkov Ya.V. "'Mahabharata' i indiiskaia praktika palomnichestva v svete novykh epigraficheskikh dannykh" [The Mahābhārata and Indian pilgrimage in relation to new epigraphical data]. *Zografskii sbornik*, vyp. 2 [Proceedings of the Zograph readings, issue 2]. Ed. by Ya.V. Vassilkov. St. Petersburg: MAE RAN, 2011, pp. 157–197.
- Vassilkov Ya.V., Neveleva S.L. "Ranniaia istoriia epicheskogo sravneniia (na materiale VIII knigi 'Mahabharaty')" [Early history of epic comparison (a case study of the VIIIth book of 'Mahābhārata')]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki literatur Vostoka* [Problems of historical poetics of the literatures of the Orient]. Moscow: Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1988, pp. 152–175 (in Russian).
- Zhirmunskii V.M. *Narodnyi geroicheskii epos* [The folk heroic epos]. Moscow; Leningrad, 1962 (in Russian).

About the Poetics of the Ancient Indian Epic *Mahābhārata*

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, volume 13, no. 3, pp. 44–58)

Received 04.04.2016.

Svetlana L. Neveleva

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The composition and figurative devices of the epic, which form its artistic language, contain a number of different peculiarities. Due to its long existence in oral tradition, the *Mahābhārata* incorporated many ancient myths, legends, stories. Thanks to these inclusions, the course of the epic narrative is interrupted by various temporal “hooks” and “craters” that refer us to the past. The content of the image creation devices — mostly formulaic epithets, similes and metaphors — as well as the content of the epic as a whole, is multi-layered. It carries the archaic, classical-heroic, religious and philosophical ideas. The destruction of the formulas and the appearance in the *Mahābhārata* of the so-called *synthetic* comparison (or the metaphor) attest to the impact of literary style on the epic.

Key words: the *Mahābhārata*, dharma, plot, composition, style, comparison, epithet, metaphor.

About the author:

Svetlana L. Neveleva, Dr. Sci. (Philology), IOM RAS, Prof. Emeritus (s.neveleva@gmail.com).

Неопубликованный манихейский фрагмент из коллекции А.И. Кохановского

О.М. Чунакова

Институт восточных рукописей РАН

Статья содержит первое издание манихейского фрагмента из Центральноазиатского фонда ИВР РАН, который представляет собой согдийскую транскрипцию двух текстов: парфянского на стороне Verso и среднеперсидского на стороне Recto, — написанных разными почерками. Их содержание позволяет предположить, что оба текста литургические, второй является гимном Мани.

Ключевые слова: манихейская религия, парфянский язык, среднеперсидский язык, согдийский язык.

Статья поступила в редакцию 21.03.2016.

Чунакова Ольга Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ochunakova@inbox.ru).

© Чунакова О.М., 2016

Коллекция среднеиранских документов из Центральноазиатского фонда ИВР РАН (бывшего Азиатского музея) составлена в основном из материалов, полученных в начале XX в. от российских должностных лиц, работавших в Восточном Туркестане. Большая часть рукописей была подарена Азиатскому музею генеральным консулом в Урумчи Н.Н. Кротковым, но небольшое собрание древностей было передано в музей другими дарителями, в том числе врачом русского консульства А.И. Кохановским. О том, что рукопись SI 4909b, о которой пойдет речь, происходит из коллекции Кохановского, свидетельствует ее старый шифр — К 25. В Азиатском музее редко проводилось описание коллекций, поэтому часто невозможно даже сказать, когда рукопись оказалась в Музее, а тем более узнать место ее происхождения (Рагоза 1972: 246–247). В этом смысле собрание Кохановского представляет собой исключение — о нем хотя бы известно, что оно было передано в Азиатский музей Географическим обществом в 1907 г. (Там же: 253–254).

Фрагмент размером 14,6×12 см представляет собой часть свитка с написанными на стороне Recto 9 столбцами китайского буддийского сочинения. Бумага темно-желтая, плотная, грубая, черная тушь. На чистой стороне свитка — Verso — красивым согдийским курсивным письмом, так называемым «письмом сутр», на неполных 11 строках написан первый текст, высота букв которого 0,5 см, расстояние между строками 1 см. Позже была заполнена и сторона Recto — между столбцами китайских иероглифов другим согдийским почерком написан второй текст, содержащий 7 неполных строк, с высотой букв 0,4 см и расстоянием между строками 1,2 см.

Тот факт, что первый текст был написан на оборотной стороне китайского свитка, уже говорит о том, что это текст манихейский — буддисты использовали для записи своих сочинений чистые свитки.

Прочтение фрагмента показало, что данные тексты представляют собой согдийскую транскрипцию двух разных сочинений, написанных на двух разных языках — парфянском и среднеперсидском.

Известно некоторое количество рукописей, содержащих согдийскую транскрипцию парфянского или среднеперсидского манихейского текста: так, в ИВР имеется фрагмент SI 5396 с транскрипцией двух парфянских псалмов. Дело в том, что манихейские рукописи из Восточного Туркестана, датируемые VII–IX вв., переписывались согдийцами, населявшими регион в это время, и потому тексты на парфянском и среднеперсидском, которые были языками литургии, транскрибировались согдийскими буквами, чтобы быть понятными населению.

Парфянский и среднеперсидский — языки западноиранские, тогда как согдийский — восточноиранский, отличающийся от первых не только более сложной грамматикой, но и характерной фонетикой, которая невольно находит отражение в передаче западноиранских слов. Так, глухие и звонкие смычные передаются, в зависимости от позиции — начальной, поствокальной или интервокальной, — глухими или звонкими смычными или щелевыми (т.е. парфянские начальные звуки [t] и [d] могут передаваться согдийскими буквами [t] или [d], а поствокальный и интервокальный [d] — щелевым [δ]), фарингальный щелевой звук передается увулярной щелевой ([h]–[x]) и т.д. Правда, знание этих соответствий не всегда помогает расшифровать подобные согдийские тексты: надо еще правильно разделить написанные слитно слова, чтобы определить, в каком положении — в начале слова, в поствокальной или интервокальной позиции — находится тот или иной согласный звук, для чего нужно выделить соответствующие морфологические грамматические категории. Учитывая, что согдийское письмо сложнее манихейского, которым написаны оригинальные парфянские и среднеперсидские тексты, и что для согдийского курсива характерно совпадение начертаний некоторых знаков и соединение почти всех букв между собой, читать согдийские рукописи вообще непросто.

Грамматические особенности рассматриваемых текстов показывают, что в тексте на стороне Verso зафиксированы имена с парфянским суффиксом абстрактного существительного *-yft* (в транскрипции *-ypt*, *-yft*) и парфянское относительное местоимение *су* (в транскрипции также *су*), во втором тексте — имена со среднеперсидским суффиксом абстрактного существительного *-yh* (в транскрипции *-у*) и среднеперсидское относительное местоимение *‘у* (в транскрипции *‘у*). Не все слова в этих текстах читаются, что объясняется не только сложным неоднозначным почерком и особенностями передачи восточноиранским языком западноиранских звуков, но и тем, что фрагменты разорваны, в результате чего отсутствуют значительные части четырех начальных строк и конец предпоследней строки парфянского текста, начало пятой и шестой строк, а также практически всей седьмой строки среднеперсидского текста. Эти лакуны не дают возможности воссоздать полный смысл представленных сочинений.

Тем не менее можно с уверенностью сказать, что тексты манихейские. Парфянский текст, в котором добродетельный противопоставляется грешнику, праведный — неправедному, представляет собой обращение к «благодетелю» (*nywgr*, в согдийской транскрипции *nywyr*), призывает его правдиво ответить и констатирует, что ответ получен. В тексте имеется указание на обращение «ты», выраженное энклитическим

местоимением 2-го лица единственного числа, а также вспомогательным глаголом 2-го лица единственного числа 'уу (в транскрипции 'у), образующим с пассивным причастием переходного глагола w'xtn «говорить, сказать; заявлять; создавать словом» объектную или эргативную конструкцию: w'xt 'уу — «(тебя) призвали» (букв. «ты заявлен»), т.е. текст явно носит литургический характер. Можно предположить, что он обращен к Мани: во всяком случае, оба эпитета, «благодетель» (*nywgr*) и «благородный» (*'rg'w*), по отношению к Мани употреблены в парфянском тексте М 7 II V I 195–196 (Henning 1934: 874). Правда, эти эпитеты носят общий характер и поэтому могут употребляться и по отношению к другим богам: так, имя *nywgr* применено к Богу Солнца Нарисафу в парфянском гимне М 77 (Ibid.: 887), а *'rg'w* — к Иисусу в гимне М 104 (Ibid.: 881).

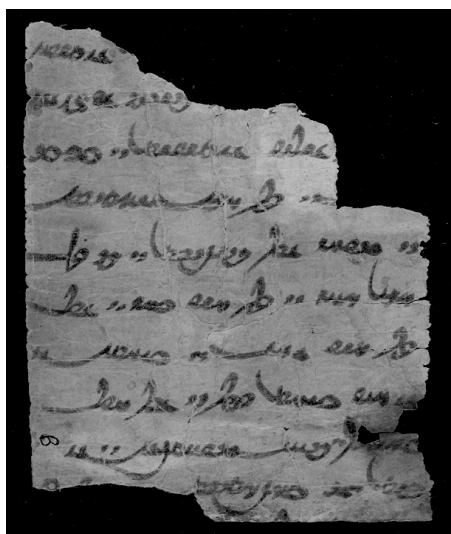
Это текст прозаический и не является распространенным в парфянской гимнографии абecedарием (акростихом), в котором первые буквы строфы следуют в порядке алфавита. Однако особый знак в виде двух запятых выделяет лексические и грамматические сочетания, что свидетельствует о том, что текст зачитывался вслух.

В этом фрагменте только одна лексема, а именно возвратное местоимение *xwd* «сам», представленное в среднеперсидской форме, не вписывается в парфянскую систему: соответствующая парфянская форма местоимения — *wxd*, с метатезой начальных согласных. Однако смешение парфянских и среднеперсидских слов в одном манихейском тексте, переписанном согдийцем, не особенно различавшим слова двух сходных западноиранских языков, — не редкость, и в своем словаре манихейских среднеперсидского и парфянского языков Д. Деркин-Майстерэрнст отмечает несколько случаев употребления среднеперсидской формы *xwd* в парфянских текстах (Durkin-Meisterernst 2004: 366).

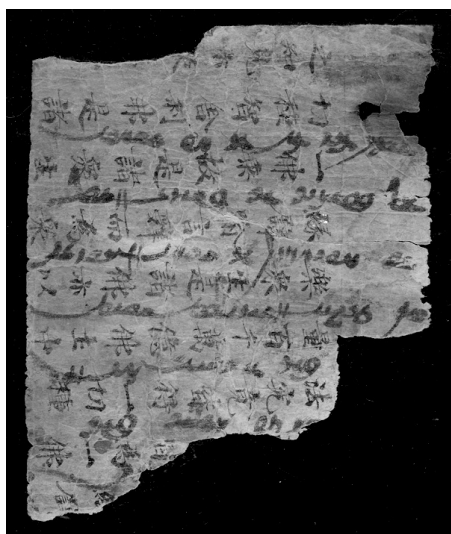
Что касается среднеперсидского текста, то, благодаря имеющемуся в первой строке обращению — Мар Мани, ясно, что это начало гимна, обращенного к основателю религии. На второй и третьей строках хорошо читаются эпитеты пророка — «сияющая полная луна» (*pwrw'h 'y br'z'g*, в согдийской транскрипции *pwrw'y 'y pr'z'*) и «солнце нового дня» (*xwrxšyδ 'y nwg' rwc'g*, в согдийской версии — *xwrxšyδ 'y nw(γ)' rwz'-*); почти такие же эпитеты (*pwrw'h 'y br'z'g* и *xwrxšyδ 'y rwšnygr*) обращены к Мани в среднеперсидском Гимне радости (Henning 1936: 31). Упоминание «нового дня», т.е. «нового года», позволяет предположить, что гимн мог исполняться во время Бемы, главного манихейского праздника. Следующие строки читаются плохо, но можно полагать, что пятая строка, как и первая, с формой императива 2-го лица единственного числа — *gw* «скажи» — содержат призыв к Мани — «защити» (*p'y*). Имена «наши души» (*gy'n'n-m'n*, в согдийской версии (*ky')nn-m'n*) и «радость» (*š'dyh*, в транскрипции *š'dy*) также входят в состав распространенных манихейских понятий.

В тексте встречается характерный для гимнов ['] «алеф восклицания»: в первой строке он присоединен к последнему слову — «о, благородный!» (*'gr'w*, согдийское *'rγw*), в третьей встречается в середине строки: «новый» (*nwg*, согдийское *nw(γ)*), показывая, что слово, как, очевидно, и весь текст, произносилось нараспев. В этом тексте лексические сочетания также отделяются особым знаком — двумя короткими вертикальными чертами, лишь в первой строке — одной.

Встречающееся и в этом тексте имя прилагательное *'rg'w* является парфянской формой имени (с метатезой), заменившей среднеперсидское *'gr'w*: т.е. и в этом тексте смешаны имена двух западноиранских языков.

Илл. 1

Илл. 2

SI 4909b V (илл. 1)

Транслитерация и перевод¹

1] 'z trwγ	1] от лжи,
'c drwg	
2] kyrβkr 'z pz-'(kr)	2] добродетельный от грешного,
kyrbkr 'c bzkkr	
3] 'rδ'w 'ztrwnt // wywr	3] праведный от неправедного. Ответь
'rd'w 'c drwnd // wy'wr	
4] (1) // pδ xm' r'stypt	4] со всей правдивостью,
] // pd hm'g r'styft	
5 // nywγr 'wδ kyrkyβt // ky pδ	5 // благодетель. Благочестивые
nywgr 'wd kyrbgyft // ky pd	
6 xm' šxr // pδ xrw wxr // 'wδ	6 всех стран, всех языков и
hm'g šhr // pd hrw wxr // 'wd	
7 pδ xrw z-(m)n // w'xt 'y //	7 всех времен (тебя) призвали.
pd hrw zm'n // w'xt 'y //	
8 (r)-γ'w w'xt pωδ // 'wδ xwδ	8 Благородный был призван, и воистину
'rg'w w'xt bwd // 'wd xwd	
9 wš(mn')δ // kyn'n zyw'ntk'n // 'z	9 обрадованы души живых.
wyšmn'd gy'n'n jywndg'n // 'c	
10 (k)wt cy wzr-k štypt [	10 Откуда ты, большая радость [
kw-t cy wzrg š'dyft	
11 [	11 [

¹ Под транслитерацией согдийской строки здесь и далее приводится восстановленная парфянская или, для стороны Recto, среднеперсидская транслитерация. В согдийской транслитерации дефис означает, что в рукописи буква написана раздельно от следующей, в парфянской и среднеперсидской дефис выделяет соответствующие грамматические форманты. В круглые скобки в согдийской транслитерации и переводе заключены предполагаемые восполнения.

Примечания²

3 — Возможно, парфянский глагол *wy'wr* употреблен в значении «спаси», ср. синонимичный глагол *pdw'c-* в других манихейских гимнах, обращенных к Мани, в которых призыв к освобождению и милости сочетается с ожиданием ответа (Reck 2004: 34, Anm. Zu (661)).

5 — За абстрактным именем с суффиксом *-yft*, употребленным в значении собирательности, следует относительное местоимение в функции относительной частицы в атрибутивном сочетании (Boyse 1964: 34–35).

7 — Глагол *w'xt 'yu* — так называемый перфект II с объектным согласованием глагола-связки (Асатрян 1989: 36).

10 — Приложение присоединено к местоименной энклитике *-t* относительным местоимением *su*, выступающим в функции относительной частицы (Boyse, 1964, p. 34–35).

SI 4909b R (илл. 2).

1 'wm mr m'ny γw 'rγw' / 'w-m mr m'ny gw 'rg'w'	1 Мне, Мар Мани, скажи, о благородный,
2 'wδ pwrn'y 'y pr'z' // 'wδ 'wd pwrn'h 'y br'z'g // 'wd	2 сияющая полная луна,
3 (c)w xwrxšyδ 'y nw(γ)'// rwz-' cwn xwrxšyd 'y nwg' rwc'g	3 (подобный) солнцу нового дня.
4 (wyn) tyl'n //('z)'δwt (r)wnt wyn dyl'n ''z'd 'w-t rwnt	4 (Смотри), (благородные) сердца идут к тебе,
5] p'y ('y) (ky)'nm'n // '(w)δ p'y 'y gy'n'n-m'n 'wd	5] защитник наших душ, и
6] (r) tw š'δy p'y tw š'dyh p'y	6] ты радость защиты
7] (δ)	7]

Примечания

1 — Возможно, и в этом случае под императивом *gw* «скажи» подразумевается ожидаемый ответ Мани на просьбу о спасении, см. примечание к третьей строке парфянского текста.

2 — При переводе опущен соединительный союз *'wd* «и», который в среднеперсидском может не только соединять предложения, но и указывать на начало фразы или синтаксической группы (Brunner 1977: 227).

4 — Чтение первого слова строки предположительное: можно думать, что, по аналогии с первой строкой, это императив 2-го лица единственного числа.

Существительное *dyl'n* «сердца», пожалуй, самое надежное слово в строке. Надо полагать, что с ним соотносится последнее слово, глагол 3-го лица множественного числа: после *n* согласный звук в согдийской транскрипции не озвончается, см. согдийское *'xunt* для парфянского *'hynd* «они суть» (Durkin-Meisterernst, Morano 2010: 116). Перед глаголом хорошо читаются буквы *δwt*, однако две последние не могут означать соединительный союз, который выписывается как *'wδ*, а могут передавать местоименную энклитику 2-го лица единственного числа, присоединенную к предлогу направления *'w-*: *'w-t*, ср. ошибочную передачу среднеперсидского конъюнктива 3-го лица множественного числа с местоименной энклитикой 2-го лица единственно-

² В Примечаниях здесь и далее цифра означает номер строки.

го числа *r'myn'ndwt* «пусть они обрадуют тебя» как *r'myn'nd'wt* «пусть они обрадуют и» (Henning 1936: 31, § 455). Согдийский согласный *δ* свидетельствует о том, что предшествующий ему звук должен быть гласным. Это слово может быть определением к имени *dyl'n* «сердца», хотя присоединено без изафета (но см., например, *xwrxšyd rwšnygr* «яркое солнце» (Ibid.: § 429, 438 и др.) и не согласуется в числе (но см. сочетание *wcydd'dystn'n rwšn* «светлые мудрые судьи» в тексте М 9 II R 2–4 (Henning 1933: 299).

К сожалению, пока не удалось найти манихейские рукописи, с которыми можно было бы идентифицировать или соединить этот документ, что могло бы уточнить его чтение. Тем не менее новый манихейский фрагмент, представляющий согдийскую транскрипцию разноязычных литургических текстов, заслуживает внимания.

Литература

- Асатрян 1989 — *Асатрян Г.С.* Отглагольные имена в среднеперсидском и парфянском (на материале турфанских текстов). Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1989.
- Рагоза 1972 — *Рагоза А.Н.* К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. 1969. М.: Наука, 1972. С. 244–261.
- Boyce 1964 — *Boyce Mary.* The Use of Relative Particles in Western Middle Iranian // *Indo-Iranica. Mélanges présents à G. Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire.* Wiesbaden: Harrassowitz, 1964. P. 28–47.
- Brunner 1977 — *Brunner Christopher J.* A Syntax of Western Middle Iranian. Delmar, New York: Caravan Books, 1977 (Persian Studies Series, No. 3).
- Durkin-Meisterernst 2004 — *Durkin-Meisterernst Desmond.* Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout: Brepols, 2004 (Corpus Fontium Manichaeorum: Subsidia. Dictionary of Manichaean Texts, vol. III: Texts from Central Asia and China, ed. by N. Sims-Williams, Part 1).
- Durkin-Meisterernst & Morano 2010 — *Durkin-Meisterernst Desmond & Morano Enrico.* Mani's Psalms. Middle Persian, Parthian and Sogdian Texts in the Turfan Collection. Berlin, 2010 (Berliner Turfantexte. XXVII).
- Henning 1933 — *Henning Walter Bruno.* Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, II // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1933. S. 294–363 (repr. in: *Henning W.B. Selected Papers I.* Leiden; Téhéran; Liège, 1977. P. 191–260) (Acta Iranica. 14).
- Henning 1934 — *Henning Walter Bruno.* Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, III // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1934. S. 846–912 (repr. in: *Henning W.B. Selected Papers I.* Leiden; Téhéran; Liège, 1977. P. 275–339) (Acta Iranica. 14).
- Henning 1936 — *Henning Walter Bruno.* Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1936. S. 1–143 (repr. in: *Henning W.B. Selected Papers I.* Leiden; Téhéran; Liège, 1977. P. 417–557) (Acta Iranica. 14).
- Reck 2004 — *Reck Christiane.* Gesegnet sei dieser Tag. Manichäische Festtagshymnen — Edition der mittelpersischen und parthischen Sonntags-, Montags- und Bemahymnen. Berlin, 2004 (Berliner Turfantexte. XXII).

References

- Asatryan G.S. *Otglagol'nye imena v srednepersidskom i parfianskom (na materiale turfanskikh tekstov)* [Middle Persian and Parthian Verbal Nouns (in Turfan Texts)]. Erevan: Izdatel'stvo AN Armianskoi SSR, 1989 (in Russian).
- Ragoza A.N. “K istorii slozheniia kolleksiis rukopisei na sredneiranskikh iazykakh iz Vostochnogo Turkestana, khраниashchikhsia v rukopisnom otdel'e LO IVAN” [On the History of the Collection of Middle Iranian Manuscripts from East Turkestan which are Stored at the Manuscript Depart-

- ment of LO IVAN]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniia* [Written Monuments of the Orient. Historical and Philological Studies], 1969. Moscow: Nauka, 1972, pp. 244–261 (in Russian).
- Boyce, Mary. “The use of relative particles in Western Middle Iranian”. In: *Indo-Iranica. Mélanges presents à G. Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1964, pp. 28–47 (in English).
- Brunner, Christopher J. *A Syntax of Western Middle Iranian*. Delmar, New York: Caravan Books (Persian Studies Series, No. 3), 1977 (in English).
- Durkin-Meisterernst, Desmond. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian*. Turnhout (Corpus Fontium Manichaeorum: Subsidia. Dictionary of Manichaean Texts, vol. III: Texts from Central Asia and China, ed. by N. Sims-Williams, Part 1), 2004 (in English).
- Durkin-Meisterernst, Desmond & Morano, Enrico. *Mani's Psalms. Middle Persian, Parthian and Sogdian Texts in the Turfan Collection*. Berlin (Berliner Turfantexte XXVII), 2010 (in English).
- Henning, Walter Bruno. “Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, II”. In: *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1933, SS. 294–363 (Repr. in: Henning W.B. *Selected Papers* I. Leiden-Téhéran-Liège, 1977, pp. 191–260) (Acta Iranica. 14) (in German).
- Henning, Walter Bruno. “Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, III”. In: *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1934, SS. 846–912 (Repr. in: Henning W.B. *Selected Papers* I. Leiden-Téhéran-Liège, 1977, pp. 275–339) (Acta Iranica. 14) (in German).
- Henning, Walter Bruno. “Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch”. In: *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1936, SS. 1–143 (Repr. in: Henning W.B. *Selected Papers* I. Leiden-Téhéran-Liège, 1977, pp. 417–557) (Acta Iranica. 14) (in German).
- Reck, Christiane. *Gesegnet sei dieser Tag. Manichäische Festtagshymnen — Edition der mittelpersischen und parthischen Sonntags-, Montags- und Bemahymnen*. Berlin (Berliner Turfantexte XXII), 2004 (in German).

An Unpublished Manichaean Fragment from the Kohanovskii Collection

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 59–65)

Received 21.03.2016.

Olga M. Chunakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The article contains the first edition of the Manichaean fragment SI 4909b from the Central Fund of IOM. The document contains a Sogdian transcription of two texts: Parthian (Verso side) and Middle Persian (Recto side), written by different hands. Their content suggests that the texts are liturgical, the second one being a hymn to Mani.

Key words: Manichaean religion, Parthian, Middle Persian, Sogdian.

About the author:

Olga M. Chunakova, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (ochunakova@inbox.ru).

Сведения о древнем «государстве» *Чин гук* 辰國 и владениях *Хан* 韓 в китайских исторических сочинениях (опыт анализа текста)

А.Ф. Троцевич

Институт восточных рукописей РАН

В китайских источниках «Хань шу», «Сань го чжи», «Хоу Хань шу» содержится информация о древнем корейском «государстве» *Чин гук* 辰國. Оно было расположено на востоке Корейского полуострова, и в период династии Западная (Ранняя) Хань 西(前) 漢 его ван управлял землями *Хан*. В 108 г. до н.э. династия Хань завоевала *Чосон* 朝鮮, и тогда *Чин гук* стало одним из восточных владений *Хан* 韓, получив название *Чин Хан* 辰韓. В середине III в. китайская карательная экспедиция уничтожила это владение. Название *Хан* 韓 имели владения, расположенные в южной части полуострова. Их северные границы проходили по реке *Ханган* 漢江. Слово «хан» в древнекорейском языке имело значение «большой», «высокий (значимый)». Слово записывалось разными иероглифами. Для названия большой реки выбрали иероглиф с ключом «вода» — 漢. Но этим иероглифом в Китае записывалось название древней династии Хань, и естественно, что «восточных иноземцев» 東夷, т.е. *ханов*, населявших территорию у «большой реки», невозможно было обозначить тем же иероглифом. Для них выбрали знак 韓. Иероглифы 韓 и 漢 здесь разные фонетические знаки для записи корейского слова «хан» — «большой, (значимый)». «Большая (значимая) река» — 漢 *Хан*, «владение, связанное с Большой (значимой) рекой», — 韓 *Хан*, а «народ, [который живет] у Большой (значимой) реки», — 韓 *ханы*.

Ключевые слова: «государство» *Чин гук*, владение *Хан*, река *Ханган*, *Чин Хан*, *Ма Хан*, *Пён-чжин*, *Чосон*, китайские исторические сочинения, династия Хань, китайские округа, древнекорейский язык, слово «хан».

Статья поступила в редакцию 24.03.2016.

Троцевич Аделаида Федоровна, доктор филологических наук; РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (krolru@gmail.com).

© Троцевич А.Ф., 2016

Известно, что информация о «корейских древностях» содержится в ранних китайских династийных историях. Китайские историки записывали сведения о восточных окраинных территориях, населенных племенами, с которыми приходилось иметь дело китайским властям. Если посмотреть на китайские исторические карты (ЧЛДЦ 1982), можно увидеть, как начиная с периода «Воюющих царств» (Чжаньго 戰國, 475–221 гг. до н.э.) и далее — в эпоху империи Цинь 秦 (221–207 гг. до н.э.)¹, двух династий Хань 漢 (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) и Троецарствия (Сань го 三國, 220–280 гг.) — Китай постепенно «знакомился» с землями «восточных иноземцев» 東夷.

Названия *Когурё* 高句麗 (владение, расположенное на карте к северу от современной реки *Амнокган*) и *Чосон* 朝鮮 (на карте — северная часть Корейского полуостро-

¹ Все даты приведены по книге: Концевич 2010.

ва, южнее реки *Амнокган*) впервые появляются на исторической карте империи Цинь (ЧЛДЦ 1982: II, № 3–4). Затем в периоды правления двух династий Хань и Троецарствия карты северной части полуострова приобретают «цвет» (на исторических картах, как правило, земли, подвластные империи, закрашены одним цветом с метрополией), появились названия городов и административных округов — северные территории полуострова постепенно оказывались под властью империи. На картах чем дальше от ее границ, тем больше «бесцветных» территорий и «непонятных» народов.

«Бесцветным» и «непонятным» выглядит на картах юг полуострова — земли, расположенные южнее 38-й параллели и реки *Ханган* 漢江. Здесь обозначены только названия «трех Хан» 三韓 (трех древних племенных объединений/?/), но нет никаких городов, не обозначены даже границы трех владений Хан. Два известных южных государства, *Пэкче* 百濟 и *Силла* 新羅, появились только на карте времени правления династии Восточная Цзинь 東晉 (317–420). Получается, что владения Хан были неподвластны китайским округам, созданным на территории полуострова севернее 38-й параллели. Земли Хан были расположены слишком далеко от метрополии?

А как описывают владения ханов китайские историки в ранних династийных источниках?

Здесь я предлагаю рассмотреть тексты из трех ранних исторических сочинений: «Хань шу» 漢書, «Сань го чжи» 三國志 и «Хоу Хань шу» 後漢書. Тексты были переведены на русский язык (это будет отмечено ниже, для каждого конкретного случая). В работе я пользуюсь собственными выборочными переводами, в которых будет дана современная транскрипция имен и названий, а также приведены иероглифы. Переводы снабжены комментариями и сопровождаются пояснениями. В пояснениях обсуждается информация о владениях Хан и «государстве» Чин, которая содержится в предложенном тексте из китайского сочинения.

Название «Хан» 韓 впервые упоминается в «Истории Западной (Ранней) Хань» 西(前)漢 — Хань шу 漢書² (автор Бань Гу (32–92), составлена в 58–82 гг.), в разделе *Лечжуань* (漢書九十五. 列傳第六十五), главе *西南夷兩粵朝鮮傳* «Повествование о западных и южных иноземцах, обоих Юэ и Чосон» в комментариях историка Янь Ши-гу 顏師古 (581–645). Текст был переведен на русский язык Н.Я. Бичуриным (о. Иакинф) (Бичурин 1950: II).

«Хань шу» 漢書

Мань Мэн³, государь Чосон 朝鮮王, был родом из [царства] Янь 燕⁴. Еще прежде Янь подчинило Чинбон 眞番⁵ и Чосон 朝鮮 (Ши-гу 師古⁶ говорит: еще во времена воюющих царств 戰國時⁷ Янь покорило эти земли), поставило [там] чиновников и

² Династия Западная (Ранняя) Хань правила в 206 г. до н.э. — 8 г. н.э.

³ Мань Мэн, Вэй Мань 衛滿 (кор. Ви Ман, ок. 194 г. до н.э.?) — правитель царства Чосон, родом из китайского царства Янь.

⁴ Янь 燕 (854–222 г. до н.э.) — царство, занимавшее северо-восточную часть территории современной провинции Хэбэй и часть провинции Ляонин (ЧЛДЦ 1982: I, № 41–42).

⁵ Чинбон 眞番 — одно из корейских древних «государств» (племенных объединений?), которое положительно находилось к юго-востоку от Ляодуна и охватывало территорию юго-восточной части современной китайской провинции Ляонин, а также земли, расположенные по течению рек *Амнокган* и *Чунчонган* (ЧЛДЦ 1982: II, № 27–28). Впоследствии, когда при ханьском императоре У-ди 武帝 (140–87/86 г. до н.э.) покорили Чосон, в 108 г. до н.э. его разделили на четыре округа: Чинбон (кит. Чжэньпань) 眞番, Лимдун (кит. Линьтунь) 臨屯, Нанган (кит. Лэлан) 樂浪 и Хэнтхо (кит. Сюаньту) 玄菟 (Бичурин 1953: II, 71; Географический трактат 2005: 114).

⁶ Ши-гу 師古, Янь Ши-гу 顏師古 (581–645) — комментатор «Хань шу».

⁷ «Времена воюющих царств» 戰國時 — период Чжаньго, 475–221 гг. до н.э.

построило укрепления (Ши-гу говорит: укрепления, чтобы самого себя защитить). Когда [царство] *Цинь* 秦⁸ покорило *Янь*, эти пограничные укрепления остались за пределами присоединенного 外 *Ляодуна* 屬遼東⁹. Династия Хань 漢¹⁰, возвысившись, [решила], что из-за отдаленности [эти земли] трудно охранять. Тогда починили старые укрепления *Ляодуна*, а реку *Пхэсу* 溟水¹¹ сделали границей (Ши-гу говорит: река *Пхэсу* находится в округе *Лэлан* 樂浪¹² и читается как 普蓋 *пай*). [Эти земли] принадлежали *Янь*.

Яньский правитель Лу Вань 盧綰¹³ изменил и ушел к *сюнну* 匈奴¹⁴. [Тогда] Мань 滿, спасаясь бегством, собрал тысячу с лишним человек, [они] волосы небрежно связали пучком и в одежде [иноземцев] *мань* 蠻 и *и* 夷¹⁵ на востоке вышли за [пределы] укреплений. Перейдя реку *Пхэсу*, обосновались в укреплениях, расположенных на высоких и низких местах древних пустошей [владений] *Цинь* 秦. Постепенно подчинив [владения] *Чинбон* 眞番 и *Чосон* 朝鮮, [иноземцев] *мань* 蠻 и *и* 夷, а также тех, кто в прошлом бежал из *Янь* 燕 и *Ци* 齊¹⁶, [Мань 滿] стал править ими (Ши-гу говорит: люди из *Янь* и *Ци* бежали и поселились на этих землях, а также *Чинбон* и *Чосон*, *мань* и *и* — все покорились Маню). Столицей сделал Вангом 王儉¹⁷ (Ли Ци 李奇¹⁸ говорит: название земли).

В годы правления [императора] Сяо-Хуй 孝惠¹⁹ и [императрицы] Гао-Хоу 高后 в Поднебесной установился [порядок]. Тогда правитель *Ляодуна* заключил договор с Манем, чтобы [тот] стал внешним подданным 外臣 и не позволял [иноземцам] *мань* и *и*, [обитавшим] за пределами укреплений, разбойничать в пограничных [областях]. А когда вожди *мань* и *и* захотят явиться к Сыну Неба, не чинил им препятствий. [Правитель *Ляодуна*] испросил [на это] согласие императора и [получил] разрешение.

⁸ Царство *Цинь* 秦 — одно из царств периода Чжаньго. Впоследствии объединило воюющие царства и создало централизованную империю под управлением династии *Цинь* (221–207 гг. до н.э.).

⁹ Округ *Ляодун* 遼東 занимал юго-восточную часть территории современной китайской провинции Ляонин. Был округом царства *Янь*, царство *Цинь* захватило его и в 225 г. до н.э. учредило *циньский* округ *Ляодун* (Географический трактат 2005: 111).

¹⁰ Династия Хань 漢 — имеется в виду Западная Хань.

¹¹ Река *Пхэсу* 溟水 — китайские источники отождествляют эту реку с современными *Тэдонган*, *Чхончхонган*, *Йесонган*, *Амноккан*. На китайских исторических картах династий Западная и Восточная Хань 西漢, 東漢 название *Пхэсу* соотносено с современной рекой *Чхончхонган*, а на карте эпохи Троецарствия — с рекой *Тэдонган* (ЧЛДЦ 1982: II, № 27–28, 61–62; III, № 13–14, 41–42). Если же обратить внимание на замечание Бань Гу «Тогда починили старые укрепления *Ляодуна*, а реку *Пхэсу* сделали границей. [Эти земли] принадлежали *Янь*», то река *Пхэсу* никак не могла находиться на территории Корейского полуострова. Исследователи до сих пор не решили этот вопрос (Географический трактат 2005: 117–118).

¹² Округ *Лэлан* 樂浪 был расположен на территории современных корейских провинций *Пхёнан*, *Хванхэ*, *Кёнги*. Ханьский император У-ди, в 108 г. до н.э. покорив царство *Чосон*, разделил его на четыре округа (см. выше, примеч. 5). Затем в 82 г. до н.э. к этому округу был присоединен *Линьтунь* 臨屯 (Бичурин 1950: II, 15; Географический трактат 2005: 83, 116; ЧЛДЦ 1982: II, № 27–28).

¹³ Лу Вань 盧綰 — соратник в создании империи Гао-цзу 高祖 (Лю Бана 劉邦), основателя династии Хань (прав. 206–195 гг. до н.э.). За свои заслуги получил в 202 г. до н.э. в управление княжество *Янь*, но когда Гао-цзу состарился и власть взяла в руки императрица Люй-хоу, Лу Вань, опасаясь за свою жизнь, в 195 г. до н.э. вместе с семьей и соратниками бежал к *сюнну* (Сыма Цянь 2002: 134–136).

¹⁴ *Сюнну* 匈奴 — союз племен, постоянно угрожавший Китаю, был создан на рубеже III–II вв. до н.э. у северных границ империи Хань.

¹⁵ *Мань* 蠻 и *и* 夷 — народы, которые в древности жили к югу (*мань* 蠻) и к востоку (*и* 夷) от границ Китая.

¹⁶ *Ци* 齊 (850–221 г. до н.э.) — царство, занимавшее территорию современной провинции *Шаньдун*.

¹⁷ *Вангом* 王儉 — древняя столица корейского царства *Чосон*. Исследователи до сих пор не пришли к общему мнению, где она была расположена (Географический трактат 2005: 116–117).

¹⁸ Ли Ци 李奇 (ок. 200-х годов) — комментатор «Истории Хань».

¹⁹ Сяо-Хуй 孝惠 — второй император династии Западная Хань. Правил в 194–188 гг. до н.э.

Вот почему Мань получил [возможность], запугивая войском и [с помощью] богатых вещей, подчинить себе соседние малые владения. *Чинбон* (кит. *Чжэньфань*) 眞番 и *Лимдун* (кит. *Линьдунь*) 臨屯²⁰ — все пришли и покорились. Его [Маня] владения исчислялись тысячами *ли*. Он передал [дела правления] сыну, а когда [стал править] внук Уго 右渠 (Ши-гу говорит: Мань умер, и [престол] перешел к сыну; сын умер, и [престол] перешел к внуку Уго. (Так звали его внука²¹). [Он] привлёк к себе бежавших из *Хань* 漢, которые множились (Ши-гу говорит: прибывали). Также он [Уго] перестал являться ко двору (Ши-гу говорит: не являлся ко двору Сына Неба). *Чинбон* 眞番 и «государство» *Чин* 辰國 хотели подать письмо, чтобы попасть на прием к Сыну Неба, но [их] остановили *雍* и не позволили (Ши-гу говорит: [что касается] *Чин* 辰, [то так] называют государство *Чин Хан* 辰韓. *雍* прочитайте как 壘). Во втором году [правления под девизом] Юань-фэн 元封²² Хань 漢 послало Шэ Хэ 涉何 сделать внушение Уго 右渠) (ХШ 1958: II, 2362[1154]; Бичурин 1950: II, 16–17; Сыма Цянь 2010: 80–81).

Комментарий

Приведенный текст с некоторыми изменениями переписан из «Исторических записок» («Ши цзи») 史記 (составлены в 104–92 гг. до н.э.) Сыма Цяня 司馬遷 (145–87/86? гг. до н.э.), глава 115 *Чаосянь лечжуань* 朝鮮列傳 («Описание *Чаосяни*») (ШЦ 1958: 1073[1073]; Бичурин 1950: II, 10–114; Сыма Цянь 2010: 80–81). Изменена, в частности, строка, ради которой здесь приведен текст из «Хань шу».

Сравним:

«Ши цзи»: 眞番旁衆國欲上書見天子又擁闕不通 — «*Чинбон* 眞番 и многие соседние „государства“ хотели подать письмо, чтобы попасть на прием к Сыну Неба, но [их] остановили и не позволили».

«Хань шу»: 眞番辰國欲上書見天子又雍闕弗通 — «*Чинбон* и „государство“ *Чин* хотели подать письмо, чтобы попасть на прием к Сыну Неба, но [их] остановили и не позволили».

В «Ши цзи» названо только владение *Чинбон* (кит. *Чжэньфань*), в «Хань шу» на месте «многих соседних „государств“» появилось название — «„государство“ *Чин* (кит. *Чэнь*)».

Комментатор Янь Ши-гу 顏師古 (581–645) пояснил это «новое название»: 辰謂辰韓之國也 «[Что касается] *Чин* 辰, [то так] называют „государство“ *Чин Хан* 辰韓». Но среди земель, о которых идет речь в «Истории Хань», нет названия *Хан* 韓. В приведенном тексте «организованные» владения (княжества, племенные союзы) обозначены либо иероглифом 國 «государство» (*Чин гук* 辰國), либо не имеют никакого знака статуса, как, например, корейские *Чинбон* 眞番, *Лимдун* 臨屯 и *Чосон* 朝鮮. В «Истории Хань» *Чин* 辰, в отличие от других упомянутых владений, получило знак 國. В китайских исторических сочинениях, как правило, этим знаком помечают небольшие владения, которые входят в состав более крупных. Таких 國 во владениях, например *Хан* 韓, насчитывали до 70 (об этом см. ниже). Поэтому слово «государство» взято здесь в кавычки.

²⁰ *Лимдун* (кит. *Линьдунь*) 臨屯 — область, которая находилась приблизительно на территории современной корейской провинции *Канвон* (см.: Географический трактат 2005: 116; Бичурин 1950: III, 26, 34, 74).

²¹ Видимо, имя *Уго* 右渠 (правил ок. 110 — 108 г. до н.э.) не было китайским, поэтому комментатор счел необходимым дать пояснение.

²² Юань-фэн 元封 — девиз правления (110–104 гг. до н.э.) ханьского императора У-ди 武帝 (140–86 гг. до н.э.). 2-й год под этим девизом — 109 г. до н.э.

События, которые описываются в «Ши цзи», а затем в «Хань шу», относятся примерно к 195–108 гг. до н.э. В 195(4)? г. до н.э. Вэй Мань вслед за Лу Ваном, правителем *Янь*, бежал из *Янь* на восток к иноземцам *мань* и *и*, подчинил их себе, а также постепенно завоевал территории *Чосон* и соседних с ним владений — *Чинбон* и *Лимдун*. Заметим, что в «Хань шу» завоевание Вэй Манем восточных земель представлено как покорение неких «самостоятельных единиц», которые затем и составили обширную территорию *Чосон* под властью Вэй Маня и его наследников. Эти «единицы» получили право самостоятельно являться ко двору китайского императора²³. Видимо, *Чинбон* 眞番 и *Чин гук* 辰國 хотели воспользоваться правом, полученным в годы правления Вэй Маня, и явиться ко двору императора, но его (Маня) внук Уго наложил запрет на это право (см. тексты из «Ши цзи» и «Хань шу», приведенные выше).

Вэй Мань завоевал большую территорию: 方數千里 «Его [Маня] владения исчислялись тысячами *ли*», как сказано в «Ши цзи» и «Хань шу». У Сыма Цяня и Бань Гу они имеют общее название *Чосон* 朝鮮. *Чосон*, полагаясь на свою силу, перестало являться ко двору императора и запретило делать это своим подвластным владениям. События относятся приблизительно к 110–109 гг. до н.э. Во втором году правления под девизом Юань-фэн (109 г. до н.э.) китайские власти начали предпринимать шаги для возвращения *Чосон* к статусу своих подвластных территорий-данников. После того как ханьский император У-ди завоевал и покорил *Чосон* в 108 г. до н.э. (эпопея завоевания и «усмирения» *Чосон* подробно описана у Сыма Цяня (ШЦ 1958: 1073[1073]–1074[1074]; Сыма Цянь 2010: 80–84; ХШ 1958: 2362[1154]–2363[1155]; Бичурин 1950: II, 16–20) и переписана Бань Гу), оно было разделено на четыре округа. Для двух округов оставили названия бывших «самостоятельных» владений — *Чинбон* (кит. *Чжэньфань*) 眞番 и *Лимдун* (кит. *Линьдунь*) 臨屯, а два других, *Нангнан* (кит. *Лэлан*) 樂浪²⁴ и *Хэнтхо* (кит. *Сюаньту*) 玄菟²⁵, получили новые названия.

В записях китайских историков *Чин гук* выступает в паре с *Чинбон*. В «Исторических записках» и «Истории Хань», где рассказывается история завоевания Китаем корейского царства *Чосон*, название *Чинбон* 眞番, как правило, упоминается рядом с названием *Чосон* 朝鮮. Например, в «Ши цзи»: 自始全燕時嘗略屬眞番朝鮮 «Изначально [царство] *Янь* было сильным, тогда оно захватило *Чинбон* и *Чосон*» (ШЦ 1958: 1073[1073]; Бичурин 1950: II, 10; Сыма Цянь 2010: 80). В этой паре *Чинбон* всегда упоминается прежде *Чосон*. *Чинбон*, которое занимало территорию юго-восточной части современной китайской провинции *Ляонин* и нижнего течения реки *Амнок-ган*, было первым владением на пути из царства *Янь*²⁶ к востоку. Дальше на востоке *Чинбон* граничило с *Чосон*. К востоку от *Чосон* находилось *Лимдун*²⁷.

²³ Проблемами древнего государства *Чосон* занимались многие исследователи в России, на Западе и, конечно, в Корее. Я не буду ссылаться на их труды и обобщать выводы. Записи об этом государстве в «Ши цзи», «Хань шу» и других ранних династийных историях Китая для меня важны как возможный ключ к разгадке *Чин гук* 辰國, о котором сохранилось очень мало сведений и совсем мало исследований (Курбанов 2009: 44–46).

²⁴ *Нангнан* (кит. *Лэлан*) 樂浪 — см. выше, примеч. 12.

²⁵ *Хэнтхо* (кит. *Сюаньту*) 玄菟 — округ, который приблизительно занимал территорию восточной части современной китайской провинции *Ляонин*, южной части современной китайской провинции *Цилинь* и корейских провинций *Северная Пхёнан* и *Чаган* (Географический трактат 2005: 115; ЧЛДЦ 1982: II, № 27–28).

²⁶ К царству *Янь* относился и *Ляодун*. В период правления Западной Хань царство *Янь* вместе с *Ляодуном* подчинялись императору Хань (Географический трактат 2005: 110–111).

²⁷ *Чинбон* и *Лимдун* были двумя крайними «точками» завоеванной Вэй Манем территории. Быть может, фразу из «Ши цзи» и «Хань шу» 眞番臨屯皆來服屬 (ХШ 1958: 2362[1154]; ШЦ 1958: 1073[1073]) лучше переводить как «[От] *Чинбона* [до] *Лимдуна* все пришли и покорились»?

А где было расположено «государство» *Чин гук* 辰國, которое вместе с *Чинбон* хотело явиться ко двору ханьского императора? Оно явно было подвластно *Чосон*, раз правитель Уго (внук Вэй Маня) запретил этим двум владениям отправиться к императорскому двору. Однако *Чин гук* не оказалось среди четырех округов, на которые было разделено государство *Чосон*. Во всяком случае, об этом не упоминают ни «Ши цзи» (где такого названия нет вообще), ни «Хань шу». Оно не отмечено и на исторических картах Китая.

Названия *Чин гук* 辰國 и *Хан* 韓 появляются в «Сань го чжи» 三國志 (СГЧ 1958: 4524[412]–4527[415]) — «Истории трех государств», составленной Чэнь Шоу 陳壽 (233?–297). В «Вэй шу» 魏書 («История государства Вэй», 220–266) в последнем, 30-м *цзюане* речь идет о некитайских народах: 烏丸鮮卑東夷傳第三十 «Повествование об Ухуань, Сяньби и восточных иноземцах». В последнем разделе *цзюаня*, посвященном «восточным иноземцам» 東夷, описываются «государства» (племенные объединения), которые были расположены на Корейском полуострове. Сведения о каждом из них выделены в отдельные тексты и озаглавлены. Четыре текста рассказывают о народах (племенах), населявших юг полуострова (территория, северная граница которой, в соответствии с китайскими историческими картами, проходила между 38-й параллелью и рекой *Ханган* 漢江) (ЧЛДЦ 1982: III, № 13–14). Часть главы, где описываются ранние корейские государственные образования, переведена на русский язык М.Н. Паком (Пак 2001: 17–39).

«Сань го чжи» 三國志

Повествование о [владении] Хан 韓傳

[Владение] Хан расположено к югу от *Дайфана* (кор. *Тэбан*) 帶方²⁸, с востока и запада ограничено морем, а на юге соседствует с *Вэ* 倭²⁹. Общая площадь около четырех тысяч ли. Имеет три рода 三種. Один называется *Ма Хан*³⁰ 馬韓, второй зовется *Чин Хан* 辰韓, и третий — *Пён Хан* 弁韓. *Чин Хан* 辰韓 — это «государство» *Чин* 辰國, [то, которое было] в древности. *Ма Хан* находится на западе. Этот народ на земле выращивает злаки, знает шелководство, [высаживает] тутовые деревья и производит шелковые ткани. Каждое [поселение] имеет старшего *чансу* 長帥, главный *дэ* 大者 зовется *синчжи* 臣智, следующий за ним *кыч* 其次 — *ыпчха* 邑借. [Маханы] селятся между горами и морем и не имеют городов с наружными стенами 城郭.

Есть «государства»... *Вольчжи гук* 月支國³¹... (в тексте названы 58 «государств». — А.Т.) ... Правитель *Чин* 辰王 *правит* 治 в *Вольчжи гук* 月支國...

²⁸ *Тэбан* (кит. *Дайфан*) 帶方 — уезд, был расположен к югу от современного города *Пхеньян* и занимал территорию современной провинции *Южная Хванхэ* (Географический трактат 2005: 84, 119; ЧЛДЦ 1982: III, № 13–14). Округ *Дайфан* был образован в годы правления императора династии Восточная Хань *Сяньди* 獻帝 (189–220) под девизом *Цзянь-ань* 建安 (196–220), т.е. в конце династии Восточная Хань (СГЧ 1958: 4525(413); Пак 2001: 30).

²⁹ *Вэ* 倭 или *Вэгук* 倭國 — так называли Японию до 670 г., а с этого времени страна стала называться *Япон* (по-корейски *Ильбон*).

³⁰ Названия этих древних владений состоят из двух частей («общеродового» названия *Хан* и конкретно-го владения — *Ма*, *Чин*, *Пён*), и в корееведческой литературе их принято писать слитно (*Махан*, *Чинхан*, *Пёнхан*). Я пишу раздельно, поскольку в китайских и корейских исторических сочинениях каждая из частей названия функционирует самостоятельно.

³¹ М.Н. Пак помещает это владение на территории современного уезда *Чиксан* в провинции *Южная Чхунхон* (Ким Бусик 1959: 299).

Чун 淮³², [имевший титул] *хоу* 侯, затем сам назвал себя *ваном* 王, но подвергся нападению [со стороны] Вэй Маня 衛滿, беглеца из [царства] *Янь* 燕. Тогда он со своими левыми и правыми придворными бежал в [за?] море и обосновался в земле *Хан* 韓地. Сам себя назвал правителем *Хан* 韓王. (В «Вэй люэ» 魏略³³ сказано: «Его сын и те родственники, которые остались в царстве [*Чосон*], потому и назывались фамилией Хан. А Чун 淮, царствуя в [за?] море[м], не общался с *Чосон*».) Его потомки погибли, но и нынче в [земле] *Хан* есть люди, которые почитают [Чуна] и приносят [ему] жертвы. В [правление династии] Хань³⁴ [эти земли] присоединили к округу *Лэ-лан* 樂浪郡 (кор. *Нангнан*), и все четыре сезона [их правители] являлись ко двору [императора].

В «Вэй люэ» 魏略 сказано: «В то время, когда еще Уго 右渠 не был разбит, сановник 相 из *Чосон* Ёккйегён 歷谿卿, из-за того что Уго не последовал его советам, [ушел] в „государство“ *Чин* 辰國 на востоке. И тогда тех, кто за ним последовал и поселился [в том „государстве“], было более двух тысяч домов. И он тоже не общался с *Чосон* и *Чинбон* 眞番³⁵.

В годы правления Ван Мана 王莽³⁶ под девизом Ди-хуан 地皇³⁷ Чхи 讎 из [местности] Ёмса 廉斯 стал правым старейшиной *уго* 右渠帥 в *Чин Хане* 辰韓. [Он] услышал, что земля в *Лэлане* превосходна, а народ богат и радостен, бежал, решив покориться [там]. Выйдя из своего поселения 邑, он в поле увидел мужчину, гонявшего воробьев. Его язык не был [языком] жителей *Хан* 韓. Спросил, [кто он такой]. Мужчина сказал: „Я человек из Хань 漢 (китаец), и зовут меня Хулай 戶來. Мы, тысяча пятьсот человек, рубили [здесь] деревья. Подверглись нападению *Хан* 韓, [нас] захватили, всем обрезали волосы и сделали рабами, держат уже три года“. Чхи 讎 [на это] сказал: „Я думаю покориться ханьскому *Лэлану*, а ты хочешь уйти [вместе] или нет?“ Хулай сказал: „Да, [хочу]“. *Чинский* Чхи 辰讎 взял с собой Хулая, и [они] вышли к уезду *Ханьцзы* 含資縣³⁸... Чхи за его заслуги пожаловали шляпу (т.е. звание чиновника. — *A.T.*), поле и дом 冠幘田宅, [которые он мог передать] в наследство сыновьям и внукам. Но на четвертом году [правления под девизом] Янь-гуан 延光 императора Ань-ди 安帝³⁹ всё прежде полученное отменили».

К концу правления Хуань 桓-[ди]⁴⁰ и Лин 靈-[ди]⁴¹ *Хан* 韓 и *Е* 濊⁴² вошли в силу так, что [китайские власти] уездов и провинций не могли справиться с управлением [этими владениями]. Народ во множестве побежал в *ханские* «государства» 韓國.

³² Чун 淮, Чун ван (? — ок. 194 г. до н.э.) — правитель Древнего *Чосона*. Его имя в «Сань го чжи» записано еще иероглифом 淮 (см. перевод: Пак 2001: 28–29; даты правления см.: Концевич 2010: 601).

³³ «Краткая история государства *Вэй*» 魏略 составлена вэйским Юй Хуанем 魏魚豢 (?–?). Это сочинение послужило основой для написания «Сань го чжи», но до наших дней не сохранилось (Морохаси Тэ-цудзи 1959–1968: XII, 698/13294).

³⁴ По записи в «Сань го чжи», когда в 108 г. до н.э. *Чосон* разделили на четыре округа (см. примеч. 5, 12), под управление округа *Лэлан* попало владение *Хан*.

³⁵ В тексте «Сань го чжи» вместо иероглифа 眞 написан 貢.

³⁶ Ван Ман 王莽 — правитель Китая в 9–23 гг. н.э., в период царства Синь 新 (Междоцарствие Ван Мана).

³⁷ Ди-хуан 地皇 — девиз правления Ван Мана в 20–23 гг.

³⁸ *Ханьцзы* 含資縣 — уезд, который разные источники помещают либо на западе (современная провинция *Северная Хванхэ*, уезд *Сохын*, или провинция *Кёнгги*, южнее Сеула), либо на востоке (уезд *Ичхон* в современной провинции *Канвон*). На исторической карте он расположен на западе (современный г. *Сохын* в провинции *Северная Хванхэ*) (Географический трактат 2005: 118; ЧЛДЦ 1982: II, № 27–28).

³⁹ Ань-ди 安帝 — шестой император династии Восточная Хань, правил в 107–125 гг. Девиз правления Янь-гуан 延光 — 122–125 гг.

⁴⁰ Хуань-ди 桓帝 — 10-й император династии Восточная Хань. Правил в 147–168 гг.

⁴¹ Лин-ди 靈帝 — 11-й император династии Восточная Хань. Правил в 168–189 гг.

В середине годов правления под девизом Цзянь-ань 建安⁴³ Гунсунь Кан 公孫康⁴⁴, отделив пустующие земли, [расположенные] к югу от области *Туню* (кит. *Тунью*) 屯有縣⁴⁵, создал округ *Дайфан* (кор. *Тэбан*) 帶方郡⁴⁶. Направил Гунсунь Мо 公孫模 и Чжан Чана 張敞 собрать оставшийся народ, чтобы предпринять военный поход на *Хан* и *Е*. Постепенно стал появляться прежний народ (т.е. те, кто там жил до усиления *Хан*. — *А.Т.*), и тогда [владения] *Вэ* 倭 и *Хан* попали в зависимость от *Дайфана*...

В годы [правления под девизом] Цзин-чу 景初⁴⁷ император Мин-ди 明帝 тайно от правил правителя 太守 [округа] *Дайфан* Лю Синя 劉昕 и правителя 太守 [округа] *Лэлан* Сянь Юй-сы 鮮于嗣 пересечь море, чтобы установить [границы] двух округов 二郡, а также вождям *синчжи* 臣智 всех *ханских* «государств» 諸韓國 пожаловать печати со шнуром удельных правителей 邑君印綬 и следующим за ними [по степени важности дать звание] удельного старейшины ьтчань 邑長...

Буцунши 部從事 У Линь 吳林, из-за того [пользуясь тем], что первоначально *Лэлан* управлял *ханскими* «государствами» 韓國, отделил от *Чин Хана* восемь «государств» и передал их *Лэлану*. [Но] *лиёк* 吏譯 (местные чиновники? — *А.Т.*) повернули [дело] по-другому. Вместе с *синчхэк* 臣幟 (местные старейшины, вожди? — *А.Т.*) напятили *ханов* негодованием [так, что они] напали на [китайский] форт *Цили* 崎離營 в округе *Дайфан*. Тогда правитель 太守 [*Дайфана*] Гун Цзунь 弓遵 и правитель 太守 *Лэлана* Лю Мао 劉茂 подняли войска, чтобы их покарать. [Гун] Цзунь, сражаясь, погиб, но два округа 二郡 уничтожили 滅 *Хан* 韓.

У них (*ханов* 韓. — *А.Т.*) отсутствуют основные принципы государственного управления 其俗少綱紀, а в [отдельных] поселениях и «государствах» 國邑 хоть и есть правители 主帥, но [сами] поселения 邑 разбросаны в [таком] беспорядке, что невозможно ими как следует управлять... Не знают, как ездить на быках и лошадях... В пятой луне, посеяв, приносят жертвы божествам. Собираясь толпами, поют, пляшут, пьют вино день и ночь без отдыха... Их мужчины иногда татуируют тело...» (СГЧ 1958: 4525/413–4526/415; Пак 2001: 30).

Комментарий

Текст распадается на ряд тематических отрывков, выделенных в переводе красной строкой. В отрывках дана разная информация — от структуры *ханских* земель до описания обычаев и записей о датируемых событиях. Возможно, сведений о южной части полуострова было очень мало, поэтому историку приходилось заимствовать их из разных источников. На один из таких источников («Краткая история государства Вэй» 魏略) он дает ссылку.

Хан 韓 здесь представлено как одно большое территориальное образование на юге Корейского полуострова, ограниченное с востока и запада морями, а с севера и юга

⁴² *Е* 濊 — племенное объединение. Китайская карта периода Трех государств (220–280) поместила это племенное объединение на территории современных корейских провинций *Канвон* (ее северная часть) и *Южная Хамгён* (ее южная часть) (ЧЛДЦ 1982: III, № 13–14).

⁴³ Цзянь-ань 建安 — годы правления 196–220 (династия Восточная Хань, царствование императора Сянь-ди 獻帝, 189–220).

⁴⁴ Гунсунь Кан 公孫康 — военачальник, «левый генерал», в конце правления династии Восточная Хань.

⁴⁵ *Туню* 屯有縣 — область (уезд), который был расположен к югу от современного *Пхеньяна* (ЧЛДЦ 1982: III, № 13–14; Географический трактат 2005: 84, 120).

⁴⁶ Оба уезда, *Туню* и *Тэбан* (кит. *Тунью* и *Дайфан*), входили в состав округа *Нангнан* (кит. *Лэлан*) 樂浪 (Географический трактат 2005: 116).

⁴⁷ Цзин-чу 景初 — девиз правления 237–240 годов императора царства *Вэй* 魏 (220–266) Мин-ди 明帝 (227–239), период Троецарствия 三國 (220–280).

китайским округом *Дайфан* (кор. *Тэбан*) и Японией — *Вэ*. После главного сообщения следует запись о «внутренней организации» владения — о «трех *ханских* родах» 三種: *Ма* 馬, *Чин* 辰 и *Пён* 弁. Для *Чин Хан* 辰韓 дано специальное пояснение: это «государство» *Чин* 辰國, которое существовало в древние времена. Видимо, Янь Ши-гу (VII в.), комментируя в «Хань шу» название 辰國, воспользовался пояснением из «Сань го чжи», но изменил фразу.

Сравним два пояснения:

1. В «Сань го чжи»: 辰韓者古之辰國也 «*Чин Хан* — это „государство“ *Чин*, [то, которое было] в древности».

2. У Янь Ши-гу (комментарий к фразе: 眞番辰國欲上書 «*Чинбон* и „государство“ *Чин* хотели подать письмо...»): 辰謂辰韓之國也 «[Что касается] *Чин*, [то так] называют „государство“ *Чин Хан*».

В пояснении из «Сань го чжи» подчеркнут временный промежуток — ныне *Чин Хан* 辰韓, а в древности 古 *Чин гук* 辰國. У Янь Ши-гу временной промежуток не выделен.

По «Сань го чжи»:

Резиденция правителя *Чин* 辰王 была расположена в «государстве» *Вольчжи гук* 月支國. *Вольчжи гук* упоминается в списке «государств» 國, расположенных на территории рода *Ма Хан*;

правитель *Чин* имеет титул *вана* 王;

как правило, названо общее владение *Хан* 韓, хотя описываемые события связаны прежде всего с *Ма Хан* 馬韓 и *Чин Хан* 辰韓, которые граничили с китайскими округами *Лэлан* 樂浪 и *Дайфан* 帶方, а также с *Е* 濊 (племенным объединением);

Хан имело отношения с *Чосон*;

путь из *Чосон* в *Хан* лежал через море;

путь из китайских округов *Лэлан* и *Дайфан* в *Хан* тоже лежал через море;

Чун, побежденный Вэй Манем правитель *Чосон*, бежал в *Хан* (ок. 194 г. до н.э.), стал управлять этим владением и прекратил общение с *Чосон* и *Чинбон*. *Хан* представлено как независимое владение;

старейшина из *Чосон* бежал на восток, в *Чин гук* (именно в *Чин гук*, не в *Хан*), когда еще «не был разгромлен Уго», т.е. до покорения *Чосон* династией Хань в 108 г. до н.э., и тоже прекратил общение с *Чосон* и *Чинбон*. *Чин гук* представлено как независимое владение(?);

династия Хань при императоре У-ди 武帝, покорив в 108 г. до н.э. *Чосон* и разделив это царство на четыре округа, подчинила *Хан* округу *Лэлан*;

власть династии Хань (округа *Лэлан*) над *ханами* ослабела ко времени правления Ван Мана (9–23 гг. н.э.), т.е. когда Синь 新 (Междоцарствие Ван Мана) сменила династию Западная Хань. Тогда (в годы правления Ван Мана) старейшина из *Чин Хан* (не из *Чин гук*) перешел на китайскую сторону — в *Лэлан*;

в середине годов правления под девизом Цзянь-ань 建安 (196–220 гг.), в 212 (или 213?) г. ханьский военачальник Гунсунь Кан создал округ *Дайфан* (на территории, расположенной к югу от современного *Пхеньяна*), который на юге граничил с *Хан*. Владение *Хан* перешло под его управление;

в годы правления под девизом Цзин-чу 景初 (237–240) при вэйском 魏 императоре Мин-ди 明帝 (227–239) вождам (правителям) *ханских* «государств» 韓國臣智 давали печати удельных правителей и звания удельных старейшин 邑長. Тем самым *ханским* правителям сохраняли некоторую самостоятельность;

в ответ на откровенные попытки отторжения земель у владения *Чин Хан* ханы напали на китайские территории округа *Дайфан* (*Тэбан*);

правители двух округов *二郡 (Дайфан и Лэлан)* Гун Цзунь 弓遵 и Лю Мао 劉茂 подняли войска и уничтожили *Хан 遂滅韓* (СГЧ 1958: 4525/413–4526/414; перевод: Пак 2001: 30). Запись Чэнь Шоу следует, скорее, понимать как покорение *Лэланом и Дайфаном* владения *Чин Хан*, а не всей территории *Хан*⁴⁸ (именно у *чинханов* отобрали несколько «государств»);

не сказано, когда произошло это событие, но в «Сань го чжи» перед текстом «Повествование о [владении] *Хан*» помещено «Повествование о [владении] *Е 滅傳*». В конце текста записано датированное сообщение о карательном походе правителей двух китайских округов (*Лэлана и Дайфана*) Гун Цзуня 弓遵 и Лю Мао 劉茂 против *Е*: «В шестом году [правления под девизом] Чжэн-ши 正始 (240–249), в 245 г., правитель *Лэлана* Лю Мао и правитель *Дайфана* Гун Цзунь, из-за того что *Е*, [живущие] к востоку от горного хребта⁴⁹, подчинились *Курё 句麗*⁵⁰, предприняли военный поход и покорили [их]» (СГЧ 1958: 4524/412; перевод: Пак 2001: 27). «Уничтожение» *Чин Хан*, скорее всего, произошло вскоре после этого военного похода, так как в двух карательных экспедициях против *Е* и *Чин Хан* принимали участие одни и те же военачальники (Гун Цзунь и Лю Мао), но в сражении с *чинханами* Гун Цзунь был убит.

Информация о *Чин гук* в «Вэй люэ» 魏略:

Чин гук было расположено на востоке (полуострова);

упоминание названия *Чин Хан* (вместо *Чин гук*) появилось в период правления Ван Мана под девизом Ди-хуан 地皇 (20–23 гг.);

чинханы говорили на *ханском* языке (*чинханский* старейшина, встретив человека из *Хань 漢* (чужого), отметил: «Его язык не был [языком] жителей *Хан 韓*»).

Приведенные тексты из «Сань го чжи» и цитаты из утраченного сочинения «Вэй люэ» 魏略 содержат информацию о *Хан 韓 (Чин гук — Чин Хан)*, времени правления двух династий *Хань* и Междущарствия Ван Мана, а также царства *Вэй* — начиная с 194 г. до н.э. (завоевание *Вэй* Манем царства *Чосон*) до середины III в. н.э. — правления третьего государя царства *Вэй* 魏 Шаолинли-гуна 劭陵厲公 (240–254).

Следует обратить внимание на то, что на землях владения *Хан* Китай не создавал своих округов, как на территории *Чосон*. Об этом нет сообщения в исторических сочинениях и нет обозначения на картах. Эти земли контролировались (подчинялись) китайскими округами *Лэлан* и *Дайфан*, которые были расположены севернее реки *Хан*. На картах они оставались «бесцветными» и сохраняли свои названия (*Ма Хан*, *Чин Хан* и *Пён Хан*).

Далее приведем текст, посвященный *Чин Хан*.

Повествование о *Чин Хан* 辰韓傳

Чин Хан расположено к востоку от *Ма Хан*. На основании того, что рассказывали их старики, они сами говорят, будто в древности бежавшие из *Цинь 秦* от [тяжелых] работ пришли в *Хан*. *Ма Хан* выделило свои земли у восточных границ и отдало им. [У них] есть города, [обнесенные] стенами. [Их] язык не похож на [язык] *Ма Хан*.

⁴⁸ Ср. замечание М.Н. Пака к тексту «Два округа *二郡 [Дайфан и Лэлан]* разгромили *Хан 遂滅韓*»: «Речь идет, конечно, о расправе над одним из ханских вождей, а не об уничтожении ханских племен» (Пак 2001: 38, примеч. № 111).

⁴⁹ В «Сань го чжи» названы горы *Тандандэсан 單單大山*. Возможно, это современные горы *Пуктэбонсан 北大峰山* в провинции *Канвон*. Они простираются с севера на юг параллельно побережью.

⁵⁰ *Курё 句麗* — племя, населявшее северо-восточные территории современной китайской провинции Ляонин. Оно имело другое название — *Мо 貊* (кит. Мо). Его часть, поселившаяся в районе современной реки *Амнокган*, создало государство *Когурё 高句麗* («Большие Курё»). Вело постоянные войны с Китаем (XXIII 1958: 3771/1261; Пак 2001: 22).

Государство [у них] называется 邦, лук — 弧, разбой — 寇, подносить вино — 行觴. Все друг друга зовут 徒. Похоже [на то], как называют вещи люди Цинь 秦, а не Янь 燕 или Ци 齊. [Они] называют людей из Лэлана 樂浪人 «остатками своих» 阿殘. Люди на востоке «мой, наш» называют «свой» 名我爲阿⁵¹. Говорят, что и жители Лэлана по происхождению их [из Цинь 秦] оставшиеся [в Лэлане] люди. И теперь есть такие, кто называет их [владение] Цинь Хань 秦韓. Сначала у них было шесть «государств» 國, но постепенно [их] разделили, и стало двенадцать «государств» (СГЧ 1958: 4526/414; перевод: Пак 2001: 31).

Комментарий

Чин Хан представлено как владение, созданное на землях Ма Хан «беглецами» из империи Цинь 秦 (221–207 гг. до н.э.). На территории Хан они искали спасения от жестокостей режима правителей династии. По этой записи, владение Чин Хан появилось как вторичное — на землях, уже заселенных ханами 韓. Кроме того, сообщается, что и население китайского округа Лэлан (бывшая южная часть царства Чосон) — тоже «беглецы» из империи Цинь. По языку и «организации жизни» чины отличаются от местного народа. Они говорят на циньском языке, имеют города, обнесенные стенами 城柵 (у ханов 韓 «...поселения расположены как попало 邑落雜居») (СГЧ 1958: 4526/414; перевод: Пак 2001: 30). Границы земель, отведенных чинам, не обозначены.

Два текста посвящены владению Пёнчжин

Повествование о Пёнчжин 弁辰傳.

В Пёнчжин тоже двенадцать «государств» 國 и еще есть малые другого [типа] поселения 小別邑. В каждом имеется старейшина 渠帥. Главного называют синчжи 臣智, а за ним следует хомчхык 險側, а дальше идет понье 樊濊... «Государства» [называются]: Пульсагук 不斯國... (перечислены названия 26 «государств». — А.Т.). В Пёнчжин Хан 弁辰韓 всего 24 «государства» 國⁵². В больших «государствах» по четыре-пять тысяч семей 家, в маленьких «государствах» по шесть-семь сотен семей. Всего 40–50 тысяч дворов 戶. Двенадцать их (чинских. — А.Т.) «государств» 國 [находятся] в подчинении у чинского правителя 辰王. Чинских правителей всегда назначают из людей Ма Хан 馬韓人 и делают их наследующими друг другу из поколения в поколение. В Чин правитель не может сам поставить себя ваном 王. В «Вэй люэ» 魏略 сказано: «Ясно, что поскольку они люди пришлые, то и стали зависимыми от Ма Хан»... Земля плодородная, выращивают пять хлебов и рис. Знают шелководство и [высаживают] тутовые деревья, делают шелковые ткани. Ездят на быках и лошадях, проводят свадебные церемонии. [У них] принято делать различия между мужчинами и женщинами... Принято любить песни, танцы и пить вино. Есть гусли, по форме похожие на цимбалы 筑. Ударяют по [струнам], и звучит мелодия. Когда рождается ребенок, [ему] камнем придавливают голову. Хотят сделать ее узкой, [поэтому] нынче все чинханы 辰韓人 с узкими головами. Мужчины и женщины похожи 近 на японцев 倭 и так же татуируют тело. [Они] сражаются пешими, а оружие у воинов такое же, как в Ма Хан. По их обычаям те, кто идет [по дороге], при встрече уступают друг другу путь».

⁵¹ Иероглиф 阿 имеет значение префикса имен существительных, обозначающих различные категории родственных отношений (БКСР 1983: II, 1064, № 5042). Возможно, здесь этот иероглиф употреблен как уважительно-ласкательный префикс для тех «своих соплеменников», которые остались не на своей земле.

⁵² М.Н. Пак обратил внимание на ошибки переписчика: некоторые названия ошибочно записаны дважды, отсюда и разница в количестве «государств» (Пак 2001: 39).

Повествование о Пёнчжин 弁辰傳

Пёнчжин[ы] 弁辰 и чинхан[ы] 辰韓 живут вперемешку [друг с другом]. Также имеют города с крепостными стенами 城郭. [Их] платье и жилища одинаковы с чинхан[скими]. Язык, законы и обычаи похожи, но храмы и жертвоприношения божествам 祠祭鬼神 различаются... Их «государство» Тонно 瀆盧國⁵³ имеет границу с Вэ 倭 (Японией. — А.Т.). [Их] двенадцать «государств» также имеют правителя 王. Все их люди телосложением крупные, одежду [носят] чистую, [отращивают] длинные волосы. И еще изготавливают широкие полотна и тонкие ткани. Законы и обычаи весьма строги (СГЧ 1958: 4527/415; перевод: Пак 2001: 32).

Комментарий

Первый текст — основной, где записано административное устройство, особенно-сти хозяйства и обычаев пёнчжинов. Даны комментарии из «Вэй люэ».

Пёнчжин представлено как отдельное владение, при этом не сообщается, где оно было расположено (в отличие от Чин Хан, «чужих», которых поселили на землях у восточных границ Ма Хан). Заметим также, что в «Сань го чжи» ничего не сообщается о третьем ханском роде Пён Хан 弁韓, о котором было заявлено в самом начале «Повествования о [владении] Хан 韓傳». Третий род описан как «объединенный» с чинами, потому и получил название пёнчжин.

Вопрос: с какими чинами были объединены пёны?

Явно не с циньскими 秦 чинханами. Ведь в «Повествовании о Чин Хан» было сказано, что чины говорят на циньском 秦 (китайском) языке: «Их язык не похож на язык Ма Хан». (Выше, в записи «Вэй люэ», язык китайцев (ханьцев 漢) противопоставлен языку чинханов.) А в «Повествовании о Пёнчжин» записано, что у пёнчжинов и чинханов похожи и язык, и обычаи, но разные божества и связанная с ними обрядность;

землями циньского народа чин 辰 управлял ван, которого назначали «из людей Ма Хан» (по комметарию из «Вэй люэ», чины — «чужие» на земле Хан);

в конце текста добавлено, что чинханы похожи на японцев, так же татуировались и, кроме того, имели свою особенность — узкие головы. Они связаны с маханами: пользовались таким же оружием, какое было в Ма Хан, «сражались пещими» — может быть, потому, что как и маханы, «не знают, как ездить на быках и лошадях».

Пёнчжины умеют строить города с крепостными стенами (в отличие от маханов), ввели строгие законы (в отличие от маханов, у которых «в тех их „государствах“ 諸國, что расположены в северных краях 北方, близких к [китайским] округам 郡, [люди] разбираются в обрядах 差曉禮俗. В дальних местах 遠處 [они] поистине напоминают шайку арестантов или рабов 囚徒奴婢») (СГЧ 1958: 4527/415; перевод: Пак 2001: 32). Пёнчжины описываются как народ, отличный от маханов.

Второй текст, возможно, заимствован из другого источника и поэтому помещен после первого как дополнение к нему. В частности, это сообщение о смешанном населении (пёнчжины и чинханы) и о внешнем облике, который, видимо, выделял этих людей среди другого ханского населения.

Сведения о пёнчжинах противоречивы. В одних сообщениях они похожи на «беглецов» из Цинь 秦, которые отличаются от местного населения многими «умениями». В других — напоминают жителей Ма Хан (например, татуируются).

⁵³ Название Тонно отмечено в 三國史記 «Истории трех государств» Ким Пусика. Это современный уезд Посон в провинции Южная Чолла, на юге полуострова, территория бывшего государства Пэкче. Однако у Ким Пусика название записано другими иероглифами: 冬老 (Ким Бусик 2002: 82, № 1182).

Суммируем датированные сведения о *Чин гук* — *Чин Хан*, представленные в «Сань го чжи» и «Вэй люэ»:

1. Владение *Чин гук* упоминается до 108 г. до н.э., т.е. до покорения *Чосон* династией Западная Хань, оно было расположено на востоке и (по «Вэй люэ») не имело контактов с *Чосон* и *Чинбон*;

в записях событий годов правления Ван Мана 王莽 под девизом Ди-хуан 地皇 (20–23 гг.) появляется название *Чин Хан* 辰韓, и дальше, в «Истории царства Вэй», упоминается именно такое наименование;

по записи в «Вэй люэ» в годы правления Ван Мана (9–23) *Чин Хан* было независимым от *Лэлана*, его население говорило на *ханском* 韓 языке;

после карательной экспедиции против *Е*, которая была предпринята в шестом году правления под девизом Чжэн-ши 正始 (240–249), в 245 г., два округа, *Дайфан* и *Лэлан*, организовали поход против *Чин Хан* и «уничтожили» *Хан* (*Чин Хан*).

2. *Чин Хан* создали китайцы, бежавшие из своей страны в годы правления династии Цинь (221–207 гг. до н.э.). Они поселились на землях, выделенных им владением *Ма Хан* и расположенных к востоку от этого владения; *чинханы* были подвластны *Ма Хан*, и даже их правителя назначали *маханы*;

в китайском округе *Лэлан* (бывшие владения *Чосон*) тоже были «беглецы» из империи Цинь. Округ *Лэлан* был учрежден в 108 г. до н.э. Скорее всего, «беглецы» появились на этой территории, когда там располагалось древнее *Чосон* (ведь бежали они из *циньского* Китая в III в. до н.э.).

Возможно, на земле *ханов* было два владения: *Чин Хан* — свое, *ханское* (в прошлом «государство» *Чин*) и *циньское*, созданное и населенное «пришлыми» из Китая (империи Цинь). Похоже, сведения о «своих» и «чужих» *чинах* в записях «Сань го чжи» смешались и перепутались.

В истории династии Восточная (поздняя) Хань 東(後)漢 (правила в 25–220 гг.) «Хоу Хань шу» 後漢書 (XXIII 1958: 3774/1264–3776/1265), которая была составлена в V в. Фань Е 范曄 (398–445), «восточным иноземцам» 東夷 посвящен 75-й *цзюань* раздела *Лечжуань* [後漢書八五. 列傳卷第七十五] (Там же: III, 3767/1257–3777/1267).

Здесь не выделены темы, как в «Сань го чжи», где каждому племенному объединению, «государству», посвящены озаглавленные тексты. Вся информация о народах, которые жили к востоку от Китая, идет под одним названием — «Восточные иноземцы» 東夷, оно дано в самом начале *цзюаня*. Далее каждое сообщение (описание), посвященное определенному владению (народу, «государству»), просто начинается с новой строки. Запись о *ханах* дана в одном «описании», которое начинается словами: 韓有三種 «[Владение] *Хан* имеет три рода». Здесь для ясности изложения общее «описание» разделено на три части, каждая из которых озаглавлена в соответствии с тремя «ханскими родами»: *Ма Хан*, *Чин Хан* и *Пёнчжин*.

Текст был переведен на русский язык Н.Я. Бичуриным (Бичурин 1950: II, 32–34).

«Хоу Хань шу» 後漢書

[*Хан* 韓]

[Владение] *Хан* имеет три рода. Один называется *Ма Хан*, второй зовется *Чин Хан*, и третий — *Пёнчжин*. *Ма Хан* расположено на западе и имеет [в своем составе] 54 «государства» 國. На севере граничит с *Лэланом* 樂浪, на юге соседствует с *Вэ* 倭. *Чин Хан* 辰韓 расположено на востоке и имеет [в своем составе] двенадцать «государств». На севере соседствует с *Е* и *Мэк* 濊貊. *Пёнчжин* 弁辰 расположено к югу от *Чин Хан* и тоже имеет [в своем составе] двенадцать «государств». На юге тоже соседствует с *Вэ*.

Всего [в Хан] 78 «государств», и Пэжче 伯濟 одно из этих «государств». [Что касается] больших [«государств»], они имеют по десять с лишним тысяч дворов 戶, а малые — по несколько тысяч семей 家. Каждое из [«государств»] расположено между горами и морем. Общая площадь их земель — четыре с лишним тысячи ли.

С востока и запада [владения Хан] ограничены морем. Все [они] — это «государство» Чин, [то, которое было] в древности 皆古之辰國也. Ма Хан — самый большой [род], [потому] и все вместе установили, что этот род станет местом пребывания (столицей. — А.Т.) правителя Чин 辰王都 во владении Мокчи гук 目支國⁵⁴. [Чинский ван] полностью управлял землями трех Хан 王三韓之地. Правители других «государств» 國 изначально все были людьми из рода Ма Хан 馬韓種人.

Маханы знают земледелие, занимаются шелководством, изготавливают шелковые ткани... [Их] поселения 邑 расположены беспорядочно, а также [они] не имеют крепостных стен. Строят жилища из земли, похожие на могильные холмы, и вход в дом находится наверху. Не знают [обычая] преклонять колени и кланяться. Не [соблюдают] различий между старшим и младшим, между мужчиной и женщиной. Не ценят золото и драгоценности, парчовые и шерстяные ткани. Не умеют ездить на быках и лошадях... Их южные границы близки к Вэ 倭, [поэтому и у них] есть такие, кто татуирует тело (ХХШ 1958: 3774/1264; Бичурин 1950: II, 32).

Комментарий

В тексте три сообщения. Первое дает общие сведения о ханах, которые изложены иначе, чем в «Сань го чжи». Так, в названиях трех ханских родов исчез род Пён Хан 弁韓, вместо него — Пёнчжин 弁辰 и без «общеродового» знака хан 韓. Обозначена «география» трех ханских родов. Ма Хан граничит на севере с китайским округом Лэлан, который был учрежден в 108 г. до н.э., а не с китайским округом Дайфан 帶方 (установлен позже, в 212/213?/г., как сказано в «Сань го чжи»). Северным соседом Чин Хан назван «союз племен» Е и Мэк 濊貊 (описанию Е 濊 в «Сань го чжи» посвящен отдельный текст). Отмечено, что Пёнчжин расположено к югу от Чин Хан. Южным соседом ханов, как и в «Сань го чжи», названа Япония — Вэ 倭.

Второе посвящено «государству» Чин. В записи Фань Е все ханские земли прежде были «государством Чин». Обратим внимание на то, что фраза 皆古之辰國也 «Все [они] — это „государство“ Чин, [то, которое было] в древности» почти целиком перенесена из «Сань го чжи»: 辰韓者古之辰國也 «Чин Хан — это „государство“ Чин, [то, которое было] в древности». Только здесь вместо 辰韓者 «Чин Хан — это...» написан знак 皆 «все [они] — это...». Из сообщения следует, что в прошлом на территории Хан 韓 было расположено «государство» Чин 辰國 и ханские владения входили в состав этого «государства». На территории самого большого ханского рода Ма Хан 馬韓 находилась столица правителя Чин 辰王, который управлял всеми тремя владениями Хан. Правитель Чин гук имел титул вана. Столица Чин вана была в землях Мокчи гук 目支國. В «Сань го чжи» записано, что резиденция Чин вана помещалась тоже на территории Ма Хан, но она имела название Вольчжи гук 月支國. Здесь, скорее всего, ошибка переписчика, который в незнакомом «варварском» топониме перепутал похожие знаки 月 и 目.

В третьем сообщении речь идет о Ма Хане — самом большом роде ханов. Описание обычаев почти целиком заимствовано из «Сань го чжи».

⁵⁴ Я благодарна Ю.Л. Кролю за помощь в переводе этой фразы.

[Чин Хан 辰韓]

Чинханские старики 辰韓耆 рассказывают о себе, будто [они] беглецы из Цинь 秦之亡人, которые, спасаясь от тяжких повинностей, отправились в ханское «государство» 韓國. Маханы 馬韓 выделили землю у [своих] восточных границ и отдали им. Государство они называют 邦, лук — 弧, разбой — 寇, подносить вино — 行觴, а друг друга зовут 徒. [Их язык] похож на язык Цинь. Потому иногда их [владение] называют Циньхань 秦韓. [У них] города 城 и дома обнесены заборами 柵屋室. [Есть] малые другого [типа] поселения 小別邑. В каждом имеется старейшина 司渠帥. Главного называют синчжи 臣智, а за ним следует хомчхык 險側, а дальше идет понье 樊濊... Земля плодородная, можно выращивать пять хлебов. Знают шелководство и [высаживают] тутовые деревья, делают шелковые ткани. Ездят на быках и лошадях, проводят свадебные церемонии. Прохожие уступают [друг другу] дорогу... Принято любить песни, танцы и пить вино. Есть барабаны и гусли. Когда рождается ребенок, [они], стремясь сплющить его голову, придавливают ее камнем (XXIII 1958: 3774/1264; Бичурин 1950: II, 33).

Комментарий

История циньского 秦 происхождения чинханов повторяет записанное в «Сань го чжи». Описание уклада жизни и обычаев перенесено сюда из текста, который в «Сань го чжи» помещен в рассказе о Пёнчжин 弁辰 (см. выше текст под названием «Повествование о Пёнчжин 弁辰傳»). Добавлено и сообщение о чинханских детях, которым придавливали камнем голову, чтобы сделать ее узкой.

[Пёнчжин 弁辰]

Пёнчжины и чинханы живут вперемишку [друг с другом]. Города с крепостными стенами 城郭 и одежда 衣服 у них одинаковы, но в языке и обычаях 言語風俗 есть разница. Их люди высокого [роста], с красивыми волосами, одежда чистая, и законы суровые 法嚴峻. Их «государство» 國 [расположено] близко к Вэ 倭, потому много таких, кто татуирует тело.

Некогда Чун 準, правитель Чосон, был побежден Вэй Манем. [Тогда Чун] с остатками своих людей, несколькими тысячами человек, переправился через море, напал на Ма Хан, разгромил [это владение] и сам стал правителем 王 в Хан. Чун после гибели, и люди Ма Хан снова сами поставили [себе] правителя Чин 辰王.

В 20-м году [правления под девизом] Цзянь-у 建武⁵⁵ человек из Хан 韓, [из местности] Ёмса 廉斯, [по имени] Сомаси 蘇馬提 вместе с другими, раболепствуя перед Лэланом 樂浪, поднес дань. (Ёмса 廉斯 — название уезда 邑. 提 звучит как 是.) Гуанью 光武⁵⁶ пожаловал Сомаси [должностью] и сделал [его] правителем ханского уезда Ёмса 韓廉斯邑⁵⁷, [а уезд] подчинил округу Лэлан. Все четыре времени года он являлся ко двору.

В последние годы [правления] императора Лин-ди 靈帝⁵⁸ [владения] Хан 韓 и Е 濊 усилились оба, [китайские власти] уездов и провинций не справлялись с [их] управлением. Народ, бедствуя, [учинил] мятеж и во множестве устремился в Хан 韓 (XXIII 1958: 3775/1265; Бичурин 1950: II, 33–34).

⁵⁵ Цзянь-у 建武 — девиз правления первого императора династии Восточная (Поздняя) Хань. 20-й год его правления — это 44-й год.

⁵⁶ Гуанью 光武, Гуанью-ди — первый император династии Восточная Хань, правил в 25–57 гг. н.э.

⁵⁷ В тексте «Хоу Хань шу»: 漢廉斯邑 «ханьского уезда Ёмса». Здесь по ошибке вместо знака 韓 написан 漢. Выше сказано, что Ёмса находится в Хан 韓: 韓人廉斯人 «человек из Хан, [из местности] Ёмса».

⁵⁸ Лин-ди — 11-й император династии Восточная Хань, правил в 168–189 гг.

Комментарий

Текст четко делится на четыре сообщения, не связанные друг с другом. Первое посвящено владению *Пёнчжин* (три строки китайского текста) и почти полностью заимствовано из второго текста «Повествования о *Пёнчжин*» в «Сань го чжи».

Во втором рассказывается о Чуне, правителе *Чосон*, который покорил *Ма Хан* и стал в нем править. Сообщение также переписано из «Сань го чжи», но добавлена фраза о Чин ване, который после гибели Чуна вновь стал править.

Третье — частично измененная и сокращенная история из «Вэй люэ» 魏略 (цитата приведена в «Сань го чжи») о ханском 韓 чиновнике, который перешел под власть китайского округа *Лэлан*.

Четвертое сообщение (тоже извлечено из «Сань го чжи») кратко информирует об усилении владений *Хан* и *Е* в годы правления ханьского императора Лин-ди и ослаблении власти династии Хань. Этим сообщением и заканчивается повествование о ханах в «Хоу Хань шу».

В «Хоу Хань шу» содержатся сведения о двух владениях под названием *Чин Хан*.

Одно — «свое», бывшее «государство» *Чин гук* 辰國. Оно было расположено на территории ханов, и его правитель *Чин ван* 辰王 властвовал над всеми ханами. Столицу *Чин вана* поместили в *Вольчжи гук* 月支國 на земле *Ма Хан* — самого большого ханского рода.

Второе — «чужое», создано «беглецами» из империи Цинь 秦 (221–207 гг. до н.э.) на землях, которые им выделило *Ма Хан* у своих восточных границ. Управлял этим владением, как и всеми ханскими землями, *Чин ван* 辰王. Название владения записывали как 辰韓 либо как 秦韓. Жители *циньского Чин Хана* представлены как «другие» (разговаривают на ином, не ханском языке, их города обнесены стенами, ездят на быках и лошадях), они не похожи на *маханов* и *пёнов*. Если эти ханские земли населены выходцами из Цинь, то почему их владение называлось 辰韓, а не 秦韓? Появление знака «хан» 韓 понятно: люди из Цинь жили на земле *Хан*. Найти объяснение замены знака 秦 иероглифом 辰 попытаемся при помощи фонетической реконструкции древних чтений Б. Карлгрена. Приведем предложенные в его таблице чтения этих двух иероглифов:

	<i>Arhaic Chinese (or Old Chinese, pre-Han)</i>	<i>Ancient Chinese (or Middle Chinese, around 600 A.D.)</i>
秦 (Ulving, № 1955)	dz'iĕn	dz'iĕn
辰 (Ulving, № 1634)	dĭən	ziĕn

В древности оба иероглифа читались похоже. В «Сань го чжи» и «Хоу Хань шу» записано, что владение «циньских беглецов» называлось также 秦韓. Напомню: в «Хоу Хань шу» сказано, что земля на востоке, где поселились люди из Цинь, находилась под властью «государства» *Чин гук*, и править «пришельцами», как и всеми другими ханами, стал *Чин ван*. Возможно, со временем название 秦韓 и заменилось похожим по звучанию, ханским 辰韓 (в современном корейском языке оба иероглифа читаются одинаково — *чин*). О судьбе *циньского* поселения на ханской территории в китайских исторических сочинениях ничего не сказано. Быть может, они смешались с ханами и «растворились» в местном населении.

Сведения о «государстве» Чин гук, представленные в записях китайских историков

«Государство» Чин 辰國 было расположено на востоке полуострова. В «Ши цзи» это «государство» не упомянуто. Возможно, у Сыма Цяня оно попало в число «многих соседних „государств“» 旁衆國 (напомню, что знаком 國 в китайских историях помечены небольшие владения — «государства», которые входили в состав больших «племенных объединений»).

III в. до н.э. По сведениям из «Сань го чжи», в те времена самым значительным «племенным объединением» на юге был род Ма Хан: именно он распорядился землями на востоке, поселив там беженцев из империи Цинь (221–207 гг. до н.э.).

II в. до н.э. Возможно, в период правления династии Западная Хань (207 г. до н.э. — 8 г. н.э.) Чин гук стало значимым владением. Быть может, поэтому в «Хань шу» на месте записи «многие соседние „государства“» 旁衆國 появилось название Чин гук 辰國.

II в. до н.э. Когда Вэй Мань завоевал Чосон (195–108 гг. до н.э.), Чин гук, возможно, стало владением, подвластным Вэй Маню и его наследникам.

II в. до н.э. По записи в «Вэй люэ», в Чин гук бежал народ из-под власти чосонских правителей: Чин гук не имело контактов с Чосон, т.е. было независимым (но «под контролем» наследников Вэй Маня, события датированы временем до 108 г. до н.э.).

II–I вв. до н.э. Китайская экспансия на восток изменила политическую карту Корейского полуострова. После того как ханьский У-ди в 108 г. до н.э. завоевал Чосон, на территории этого владения создали четыре китайских округа. Ханские 韓 земли, расположенные к югу от округов Лэлан и Дайфан, попали под контроль китайских округов.

I в. н.э. В записях из «Вэй люэ» в правление Ван Мана (9–23 гг. н.э., период ослабления власти империи Хань) вместо названия Чин гук появляется Чин Хан. О Чин Хан говорится как о независимом владении: чиновник из Чин Хан бежал в китайский округ Лэлан, а ханы 韓 (чинханы) захватили в плен и сделали рабами людей из Хань 漢 (китайцев).

III в. В «Сань го чжи» и «Хоу Хань шу» Чин Хан уже названо одним из «родов» 種 Хан, который при перечислении трех ханских родов всегда называют вторым после Ма Хан.

III в. «Сань го чжи» дает справку: «Чин Хан 辰韓 — это „государство“ Чин 辰國, [то, которое было] в древности». Подчеркивается связь одного из ханских родов с древним корейским «государством».

III в. «Хоу Хань шу» разъясняет: «С востока и запада [владения Хан] ограничены морем. Все [они] — это „государство“ Чин, [то, которое было] в древности 皆古之辰國也... [Чинский ван] полностью управлял землями трех Хан 王三韓之地». По древней традиции все ханы признавали себя подвластными «государству» Чин 辰國 и его правителю Чин вану 辰王. Возможно, когда «государство» Чин гук утратило свою силу и стало одним из трех ханов 三韓, этого правителя стали назначать уже маханы — «народ» самого большого и сильного — первого ханского владения. На территории этого владения и поселили правителя 辰王, определив для него особое место — Вольчжи гук 月支國.

III в. Чин Хан (как один из ханских родов) на севере граничил с Е 濊, а на юге — с Пён Хан 弁韓. Чинханы смешивались с пёнханами, и быть может, в этом процессе участвовали и бывшие беженцы из Цинь. Так, возможно, появилось владение под названием Пёнчжин.

В «Сань го чжи» ко второму «Повествованию о Пёнчжун» 弁辰傳 добавлены сведения о неких *чинханах* с узкими головами, похожих на японцев и татуирующихся, видимо, населявших юго-восток полуострова у границ с Японией — Вэ 倭. Быть может, приведен «обрывок» какой-то утраченной информации о *чинханах*.

III в. Древнее «государство» *Чин гук* под давлением исторических обстоятельств изменило название и превратилось в одно из трех *ханских* владений — *Чин Хан*. *Чинханы* сопротивлялись стремлению китайской власти распоряжаться их территориями и даже напали на китайскую крепость. Правители двух китайских округов, *Лэлана* и *Дайфана*, решили «привести их к порядку» и в середине III в. н.э. организовали карательную экспедицию, которая уничтожила владение *чинханов* как «самостоятельную» территориальную единицу.

В трех китайских исторических сочинениях записаны только те события древней истории Кореи, которые были связаны с политическими интересами китайской империи. Скупые сведения о том, что происходило в землях, расположенных южнее реки *Хан*, могут свидетельствовать о том, что реальная власть Китая распространялась только на территории, примыкавшие к округам *Лэлан* и *Дайфан* («В тех их „государствах“ 諸國, что расположены в северных краях 北方, близких к [китайским] округам 郡, [люди] разбираются в обрядах 差曉禮俗. В дальних местах 遠處 [они] поистине напоминают шайку арестантов или рабов 囚徒奴婢») (СГЧ 1958: 4527/415).

К проблеме наименования Хан 韓

В записях китайских историков наименование *Хан* относится к территории, расположенной в южной части Корейского полуострова. С востока и запада она ограничена морями, на севере расположены китайские округа *Лэлан* и *Дайфан*, а также «племенное объединение» *Е*, на юге — японское «государство» *Вэ*.

Как уже упоминалось выше, на китайских исторических картах периодов двух династий Хань и Троецарствия есть названия трех владений *Хан*, но не обозначены их границы, не отмечены населенные пункты и административные районы. Даны только современные наименования больших рек, в том числе и *Ханган* 漢江, которая была «приблизительным» рубежом между владением *ханов* 韓 и китайскими округами. Кроме того, как уже отмечалось в самом начале, на китайских исторических картах территории, расположенные к югу от реки *Хан*, не помечены цветом — представлены как земли, «не освоенные» Китаем.

Ханган 漢江 — самая большая река на юге Корейского полуострова. Она берет начало на востоке в горах *Кымгансан* 金剛山 и на западе впадает в Желтое море 黃海 (в Корее его называют Западным 西海) — «опоясывает» полуостров с востока на запад южнее 38° и фактически делит его на северную и южную части.

В трех китайских исторических сочинениях, в разделах, посвященных «восточным иноземцам», не упоминается река под названием *Хан* 漢.

В корейском историческом сочинении, составленном Ким Пусиком 金富軾 (1075–1151) в 1145 г., 三國史記 «Исторические записи трех государств» («Самгук саги») название реки *Хан* записано в нескольких вариантах.

1. Современное название *Ханган* 漢江.

В записи 14-го года правления Ончжо (5 г. до н.э.), основателя государства *Пэкче*: 秋七月築城漢江西北... «...осенью, в седьмой луне построили крепость на северо-западе от реки *Ханган*...» (Ким Бусик 1995: 136, № 627).

В разделе «Разные описания» 雜誌, книга 37, в начале сообщения о городах и округах *Пэкче* Ким Пусик приводит цитату из китайского исторического сочинения «Бэй

ши» 北史, составленного Ли Янь-шоу 李延壽 (618?–678?): 北史云百濟東極新羅西南俱限大海北際漢江 «В „Бэй ши“ говорится: „На востоке *Пэкче* граничит с *Силла*; на западе и юге омывается большим морем, а на севере ее границей служит река *Ханган*...“» (Ким Бусик 2002: 87, № 1200).

Заметим, что в самом «Бэй ши» (цзюань 94 北史九十四) нет реки *Ханган*. Текст в «Бэй ши»: 其國東極新羅句麗西南俱限大海 «Это государство на востоке граничит с *Силла*, с *Курё* — на западе, а на юге полностью ограничено большим морем» (БШ 1958: XI, 13810/1254).

В записи 11-го года правления Сондок (642 г.), государыни *Силла*: 庚信行軍過漢江入高句麗南境... «Когда Юсин вместе с войсками перешел [реку] *Ханган* и вступил в южные пределы *Когурё*...» (Ким Бусик 1959: I, 148, № 159).

2. Река называется *Хансу* 漢水.

В летописи государства *Пэкче* (начало правления основателя Ончжо): 北帶漢水東據高岳 «...на севере их [земли] опоясывает река *Хансу*, на востоке они упираются в высокие горы...» (Ким Бусик 1995: 133, № 622).

В записи 13-го года правления Ончжо (6 г. до н.э.): 子昨出巡觀漢水之南土壤膏腴... «Путешествуя на днях, я видел, что к югу от реки *Хансу* земли весьма благодатны и плодородны...» (Там же: 136, № 626).

В записи правления Асина (395 г.), государя *Пэкче*: 冬十一月王...親帥兵七千人過漢水... «Зимой, в 11-й луне, *ван*... лично повел семитысячное войско, перешел реку *Хансу*...» (Там же: 156, № 669).

В шестом году правления Асина (397 г.): 秋七月大閱於漢水之南 «Осенью, в седьмой луне, состоялся большой смотр [войск] к югу от реки *Хансу*» (Там же: 156, № 669).

В летописях *Когурё* река под названием *Хансу* упоминается один раз в записи 14-го года правления государя Ёнъян (603 г.). Речь идет о войне с *Силла* 新羅: ...羅王率兵過漢水... «...[сил]аский *ван* во главе войска перешел реку *Хансу*...» (Там же: 101, № 547).

В летописях *Силла* название этой реки упоминается только в связи с военными походами против соседних государств — *Пэкче* и *Когурё*, запись 14-го года правления *исагыма* Адалла (167 г.): 王又率騎八千自漢水臨之... «...*ван*, выступив во главе восьми тысяч всадников со стороны реки *Хансу*...» (Ким Бусик 1959: 92, № 67).

3. Река названа *Хан* 漢.

Запись 23-го года правления государя *Пэкче* Мурёна (523 г.): ...徵漢北州郡民年十五歲已上築雙嶺城 «...мобилизовать в округах и областях к северу от реки *Хан* жителей старше 15 лет на постройку крепости Ссанхён» (Ким Бусик 1995: 171, № 702).

4. Река названа *Хансанха* 漢山河 («Река у горы *Хансан*»).

В разделе «Разные описания» (книга 32) рассказывается о жертвоприношениях духам больших рек: 四瀆...北漢山河漢山州⁵⁹ «[Средние жертвоприношения] совершались также [духам] Четырех больших рек: реки... *Хансанха* <область *Хансанчжу*> — на севере» (Ким Бусик 2002: 43, № 1087). Речь идет о государстве *Пэкче*, поэтому и локализация реки *Хан* помечена севером.

Хансу/Ханган упоминается прежде всего в летописи *Пэкче*: река служила северной границей этого государства, которое занимало территорию бывшего владения *Ма Хан*. На другом, северном, берегу расположено чужое, враждебное государство. В летописях *Когурё* и *Силла* название реки появляется в связи с завоевательными походами (*Когурё* против *Пэкче*, *Силла* против *Когурё*, *Пэкче*).

⁵⁹ Область *Хансанчжу* 漢山州 занимала территорию современного Сеула (*Тхыкбёльси* 특별시) и близлежащих городов (*Кванчжу* 광주, *Ханам* 하남). Гора *Хансан* 漢山 — современная *Намхансан* 南漢山, расположена к югу от Сеула.

Хансу относилась к «большим рекам», с которыми были связаны культы поклонения божествам. На их берегах сооружали алтари для жертвоприношений духам-хозяевам реки. В географическом трактате XVI в. «Вновь дополненное обозрение достопримечательностей земель Восточного государства» 新增東國輿地勝覽 приведены сведения о расположении алтарей для принесения жертв духам больших рек 大川壇: 大川南楊津溟所在忠州...⁶⁰ «[Что касается] больших рек, то на юге сокровенное место, где [расположен храм] для [проведения] ритуала жертвоприношения духу-хозяину реки (Янчжин 楊津), находится у [озера] Чхунчжу...» (СТЙОС б.г.: 149).

5. Река названа Унниха 郁里河.

В разделе «Разные описания» (книга 37) в списках городов, гор и рек государства Пэкче река Хансу названа Унниха 郁里河, 옥리하 (Ким Бусик 2002: 90, № 1214) (в записи ошибка переписчика: вместо 阿 следует 河 ha 하 «река»).

Название Унниха 郁里河 упомянуто в тексте летописи Пэкче под 21-м годом правления государя Кэро: 又取大石於郁里河作槨以葬父骨... «Затем из реки Унниха извлекли каменную глыбу и возвели саркофаг, в котором захоронили прах отца...» (Ким Бусик 1995, 163, № 685). Здесь речь идет о времени завоевательных походов Когурё против Пэкче.

Возможно, так называли реку Хансу именно в Когурё. На «Стеле Квангэтхо-вана»⁶¹ 廣開土王陵碑 (414 г.), воздвигнутой государю Когурё Квангэтхо-вану (391–412) после его смерти, под 396-м годом помещен рассказ о военном походе на столицу государства Пэкче. Приведем отрывок текста в переводе Р.Ш. Джарылгасиновой: «Ван пришел в великий гнев и ярость. Переправился через реку Арису... тотчас [подступил] к Куксо-ну» (Джарылгасинова 1979: 78). Текст на стеле: 王威赫怒渡阿利水... 便國城⁶².

В названии реки Арису 阿利水 первый иероглиф имеет два чтения — а 아 и ок 옥. В первом чтении, а 아, иероглиф значит «холм, возвышенность, берег». Во втором, ок 옥 — «звать, называть» 호칭. Китайско-корейский словарь отмечает, что иероглиф в этом чтении ставят перед именем или фамилией того, кому хотят показать чувство близкой привязанности (ТХХЧС 1986: 1318). Для названия корейской реки иероглифы использовали как фонетические знаки и в данном случае могли взять иероглиф 阿 в его грамматической функции (в значении «ласкательного» префикса). Поэтому здесь 阿 следует прочесть как ок 옥.

Тем более что название Оннису 阿利水, 옥리수 похоже по звучанию на уже упомянутое Унниха 郁里河, 옥리하 из летописи Пэкче. В этих двух записях названия различия звучания первого слога ок 옥 阿 и ук 옥 郁 можно объяснить известным в корейском языке чередованием гласных: о 오 и у 우. Похоже, Оннису 阿利水 / Унниха 郁里河 — одно название 옥(옥)리수(하), только записанное разными иероглифами.

Подведем итоги. В «Стеле Квангэтхо-вана» и «Исторических записях трех государств» встречаются пять вариантов названия реки: Оннису (옥리수) 阿利水 / Унниха (옥리하) 郁里河, Хансу 漢水, Ханган 漢江, Хан 漢 и Хансанха 漢山河.

Возможно, вариации в написании названия Ханган/Хан вместо Хансу были связаны с работой поздних переписчиков.

⁶⁰ Янчжин 楊津 («Тополиная переправа») — место на реке Ханган, где расположено святилище, предназначенное для проведения ритуала жертвоприношения божеству реки (Дракону). Ритуал совершали каждый год во второй и восьмой луне: в воду бросали голову тигра. Озером Чхунчжу 충주호 называют разлив реки Ханган в ее верхнем течении в районе города Чхунчжу (совр. пров. Северная Чхунчхон). Я благодарна н.с. отдела Дальнего Востока ИВР РАН В.П. Зайцеву за указание на цифровую копию этого ксилографа, размещенную на сайте Государственной центральной библиотеки в сети Интернет.

⁶¹ Текст стелы с переводом на русский язык и исследованием см.: Джарылгасинова 1979.

⁶² Джарылгасинова 1979: 74, 2 면 (2-я сторона), строки № 3, 4.

Название *Оннису/Унниха*, пожалуй, пришло из *Когурё*, и в «Самгук саги», в летописи *Пэкче*, оно упоминается в связи с военной активностью государства *Когурё*.

Как правило, в «Самгук саги» речь идет только о *Хансу* 漢水, и упоминается эта река в основном при описании тех событий, которые происходили в *Пэкче*. Ведь *Пэкче* было одним из 58 «государств», которые входили в состав владения *Ма Хан*. Как сказано в «Хоу Хань шу», 伯濟是其一國焉 «Пэкче было одним из них» (XXIII 1958: 3774/1264). В «Сань го чжи» в списке «государств» 國 *Ма Хан* шестым названо *Пэкче* 伯濟國 (СГЧ 1958: 4525/413).

Пэкче стало сильным и влиятельным и в конце концов подчинило своей власти территорию владения *Ма Хан* (Курбанов 2009: 53–56). Северная граница этого нового государственного образования проходила по реке *Хансу*. Поэтому в военных столкновениях *Пэкче* с северными соседями (*Когурё*), как правило, упоминается *Хансу*: через нее переправлялись как армии *Когурё*, так и войска *Пэкче*.

Хансу была главной рекой для *Ма Хан* и других *ханских* владений, она оставалась значимой и для государства *Силла*, которое было создано в восточной части территории *ханов*. Неслучайно в *Силла* река вошла в число «четырех больших рек» 四瀆, духам которых совершали жертвоприношения (Ким Бусик 2002: 222, примеч. 56).

В древнем корейском языке слово *хан* имело значения «большой» 크다, «высокий» (значимый, важный) 높다. Слово записывалось разными иероглифами, в частности: 韓 (для названия «земли», владения) (Чон Чингук 2012: 148–150) и 漢 (для названия реки).

Приведем звучание этих иероглифов по фонетической реконструкции древних чтений Б. Карлгрена.

	<i>Arhaic Chinese (or Old Chinese, pre-Han)</i>	<i>Ancient Chinese (or Middle Chinese, around 600 A. D.)</i>
韓 (Ulving 1997, № 2385)	g'ân	γ'ân
漢 (Ulving, 1997, № 4208)	xân	xân-

Оба иероглифа имеют почти одинаковое чтение (варианты звучания щелинного «g») и использовались как фонетические знаки для записи корейского слова.

Очевидно, что народ *хан* и река *хан* были связаны друг с другом: народ, который поселился на плодородных землях в долине «большой» («значимой» *хан/크다*) реки, и земли, где он жил, тоже стали называться *хан* («земли у большой реки»).

Для названия реки выбрали иероглиф *хан* 漢 — знак с ключом «вода». Название народа — одного из «восточных иноземцев» — естественно, нельзя было написать таким же знаком. Ведь *Хань* 漢 — это имя династии, которая несколько веков управляла Китаем и дала имя народу (люди *хань* 漢人, *ханьцы*), самой империи 漢國 и времени правления 漢代. Поэтому для «восточных иноземцев» 東夷, *ханов*, населявших территорию у «большой реки» 漢水, определили другой иероглиф — 韓.

Возможно, так выглядит история происхождения *хан* — названия реки и народа. Название, записанное иероглифом 韓, на многие века закрепились за племенными и государственными образованиями, которые располагались на юге полуострова, скорее всего, как их самоназвание — «те, которые живут у Большой реки». Сначала это были племенные объединения «три Хан» 三韓 (*Ма Хан*, *Чин Хан* и *Пён Хан*), затем «тремя ханами» стали называть три государства, расположенные на территории

всего полуострова (*Силла, Пэкче и Когурё*). А в более поздние времена (правление династий Корё, 918–1392, и Чосон, 1392–1910) название 三韓 стало художественным образом, который в традиционной поэзии и прозе был знаком далекой героической эпохи.

Сокращения

БКРС — Большой китайско-русский словарь
 БШ — Бэй ши
 СГЧ — Сань го чжи
 СТЙОС — Синчжынъ тоньгук йочжи сынънам
 ТХХЧС — Тонъя Хан хан чунъ сачжон
 ХХШ — Хоу Хань шу
 ХШ — Хань шу
 ЧЛДЦ — Чжунго лиши диту цзи
 ИЦ 1958 — Ши цзи

Литература

- Бичурин 1950–1953 — *Бичурин Н.Я. (Накинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. / Ред. текста, вступит. ст. и коммент. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950–1953.
- БКРС 1983 — Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах / Под рук. и ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Наука; ГРВЛ, 1983.
- БШ 1958 — Бэй ши 北史 (История Северных династий) // Соинь бона бэнь эрши сы ши 縮印百衲本二十四史 (Фототипичное переиздание «24 династийных историй, собранных из разных ксилографических досок»). Т. 11. Пекин: Шану иньшугуань 商務印書館, 1958.
- Географический трактат 2005 — Географический трактат «Истории Хань»: Описания 25 округов по северной границе империи / Пер. и коммент. Е.А. Торчинова, М.Е. Ермакова, Ю.Л. Кроля // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. Дальний Восток. Кн. 4. Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005.
- Джарылгасинова 1979 — *Джарылгасинова Р.Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»). М.: Наука; ГРВЛ, 1979.
- Ким Бусик 1959 — *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Силла / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. М.: Изд-во восточной литературы, 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I).
- Ким Бусик 1995 — *Ким Бусик*. Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы / Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н. Пака. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I, 2).
- Ким Бусик 2002 — *Ким Бусик*. Самгук саги. В 3 т. Т. 3. Разные описания. Биографии / Изд. текста, пер., вступит. ст., коммент., прил. под общ. ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия).
- Концевич 2010 — *Концевич Л.Р.* Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2010.
- Курбанов 2009 — *Курбанов С.О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2009.
- Морохаси Тэцудзи 1959–1968 — *Морохаси Тэцудзи* 諸橋轍次. Дай кан ва дзитэн 大漢和辭典 (Большой китайско-японский словарь). Т. 1–12. Токио: Дай сюкан сётэн 大修館書店, 1959–1968.
- Пак 2001 — *Пак М.Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Российское корееведение. Альманах Международного центра корееведения при МГУ. Выпуск второй. М.: МЦК МГУ; Муравей, 2001. С. 17–39.

- СГЧ 1958 — Сань го чжи 三國志 (История трех государств) // Соинь бона бэнь эрши сы ши 縮印百衲本二十四史 (Фототипичное переиздание «24 династийных историй, собранных из разных ксилографических досок»). Т. 4. Пекин: Шану иньшугуань 商務印書館, 1958.
- СТЙОС — Синчжынъ тоньгук йочжи сынънам 新增東國輿地勝覽 (Вновь дополненное обозрение достопримечательностей земель Восточного государства). Мокпханбон 木板本 (ксилограф). Куннип чунъанъ тосогван 國立中央圖書館 (Государственная центральная библиотека). Хан квиго чо 韓貴古朝 (Шифр хранения) 60–3.
- Сыма Цянь 2002 — *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII / Пер. с кит. Р.В. Вяткина и А.М. Карапетьянца, коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина и А.М. Карапетьянца; вступит. ст. Р.В. Вяткина. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002 (Памятники письменности Востока. XXXII, 8).
- Сыма Цянь 2010 — *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. IX / Пер. с кит., коммент. под ред. А.Р. Вяткина; вступит. ст. А.Р. Вяткина. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2010 (Памятники письменности Востока. XXXII, 9).
- ТХХЧС 1986 — Тонъа Хан хан чунъ сачжон 東亞漢韓中辭典 (Китайско-корейский средний словарь [изд-ва] Тона) / Под ред. Ли Кавона 李家源, Им Чхансуна 任昌淳. [Сеул]: Тонъа чхульпханса 東亞出版社, 1986.
- XXIII 1958 — Хоу Хань шу 後漢書 (История Поздней Хань) // Соинь бона бэнь эрши сы ши 縮印百衲本二十四史 (Фототипичное переиздание «24 династийных историй, собранных из разных ксилографических досок»). Т. 3. Пекин: Шану иньшугуань 商務印書館, 1958.
- XIII 1958 — Хань шу 漢書 (История Хань) // Соинь бона бэнь эрши сы ши 縮印百衲本二十四史 (Фототипичное переиздание «24 династийных историй, собранных из разных ксилографических досок»). Т. 2. Пекин: Шану иньшугуань 商務印書館, 1958.
- ЧЛДЦ 1982 — Чжунго лиши диту цзи 中國歷史地圖集 = The Historical Atlas of China. Vol. I–VIII / 譚其驤主編 = Chief Editor Prof. Tan Qixiang. Shanghai: 地圖出版社 = Cartographic Publishing House, 1982.
- Чон Чингук 2012 — *Чон Чингук* 전진국. «Хан (韓)» Хан-ый йурэ-ва мйонъчхинъ-ый хйонъсонъ ‘한(韓)’의 유래와 명칭의 형성 (Происхождение «хан» и формирование названия) // Чонъсин мунхва йонгу 정신문화연구 (Исследования духовной культуры). 2012, зима. Т. 35. № 4(129). С. 148–181.
- IIIЦ 1958 — Ши цзи 史記 (Исторические записки) // Соинь бона бэнь эрши сы ши 縮印百衲本二十四史 (Фототипичное переиздание «24 династийных историй, собранных из разных ксилографических досок»). Т. 1. Пекин: Шану иньшугуань 商務印書館, 1958.
- Ulving 1997 — *Ulving T.* Dictionary of Old and Middle Chinese. Bernhard Karlgren's Grammata Serica Recensa Alphabetically Arranged. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1997 (Orientalia Gothoburgensis; 11).

References

- Bichurin N.Ya. (Iakinf). *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena*. V 3 t. [Collection of sources about peoples who lived in Central Asia from ancient times. In 3 vols. Red. teksta, vstupit. stat'i i komment. A.N. Bernshtama i N.V. Kiunera [Ed., introd. and comment. by A.N. Bernstamm and N.V. Kuner]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950–1953 (in Russian).
- Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' po russkoi graficheskoi sisteme v chetyriokh tomakh* [Comprehensive Chinese-Russian dictionary arranged according to Russian graphic system in 4 vols]. Ed. by I.M. Oshanin. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian and Chinese).
- “Bei shi” 北史 [History of the Northern Dynasties]. In: *Suoyin baina ben ershisi shi* 縮印百衲本二十四史 [Phototype publication of the “24 dynastic Stories” collected from various printing boards], vol. 11. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1958 (in Chinese).
- Dong'a Han Han jung sajeon* 東亞 漢韓中辭典 [Chinese-Korean middle dictionary of Ton Publishing house]. Ed. by Lee Gaweon 李家源, Im Chansun 任昌淳. [Seol]: Dong'a Chulpansa 東亞出版社, 1986 (in Chinese and Korean).

- Dzharylgasinova R.Sh. *Etnogenez i etnicheskaia istoriia koreitsev po dannym epigrafiki* ("Stela Kwangetho-vana") [Ethogenesis and ethnic history of Koreans according to epigraphical data ("Stele of Kwangetho-wang")]. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian).
- "Geograficheskii traktat "Istorii Han": Opisanii 25 okrugov po severnoi granitse imperii". Per. i komment. Ye.A. Torchinova, M.Ye. Yermakova, Yu.L. Kroliia [Geographical treatise "History of Han": Description of 25 regions along the northern boarder of the empire. Transl. and comment. by Ye.A. Torchinov, M.Ye. Yermakov, Yu.L. Kroll]. In: *Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXII. Dal'nij vostok. Kniga. 4. Problemy geografii i vneshnej politiki v "Istorii Han"* "Ban' Gu: issledovaniia i perevody [States and Peoples of the East. Issue XXXII. The Far East. Book 4. Problems of geography and foreign policy in the "History of Han" by Ban Gu: research and translations]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura", 2005 (in Russian).
- "Hou Han shu" 後漢書 [History of the Late Han Dynasty]. In: *Suoyin baina ben ershisi shi* 縮印百衲本二十四史 [Phototype publication of the "24 Dynastic Stories" collected from various printing boards], vol. 3. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1958 (in Chinese).
- "Han shu" 漢書 [History of the Han Dynasty]. In: *Suoyin baina ben ershisi shi* 縮印百衲本二十四史 [Phototype publication of the "24 Dynastic Stories" collected from various printing boards], vol. 2. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1958 (in Chinese).
- Jeon Jin'guk. 전진국. "'Han (韓)''-eui yurae-wa myeongching-eui hyeongseong" '한(韓)'의 유래와 명칭의 형성 [On the origin of "han" and formation of the name]. *Jeongsin munhwa yeongu* 정신문화연구 [Studies on spiritual culture]. 2012, winter, vol. 35, no. 4(129), pp. 148–150 (in Korean).
- Kim Bu-sik. *Samkuk Sagi*. Izd. teksta, per., vstupit. st. i komment. M.N. Paka [Publ. of the text, transl., introd. and comment. by M.N. Pak]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1959 (Series: Pamiatniki literatury narodov Vostoka. Teksty. Bol'shaia seriia. I) (in Russian).
- Kim Bu-sik. *Samguk Sagi. Letopisi Koguryo. Letopisi Paekche. Chronologicheskie tablitsi* [Chronicals of Koguryo. Chronicals of Paekche. Chronological Tables]. Izd. teksta, per., vstupit. st. i komment. M.N. Paka [Publ. of the text, transl., introd. and comment. by M.N. Pak]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAS, 1995 (Series: Pamiatniki literatury narodov Vostoka. Teksty. Bol'shaia seriia. I, 2) (in Russian).
- Kim Bu-sik. *Samguk Sagi. Raznie opisanii. Biografii* [Various Treatises. Biographies]. Izd. teksta, per., vstupit. st., komment., pril. pod obshchei red. M.N. Paka i L.R. Konysevicha [Transl., introd., comment., suppl. under gen. ed. by M.N. Pak and L.R. Konysevich]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAS, 2002 (Series: Pamiatniki literatury narodov Vostoka. Teksty. Bol'shaia seriia. I, 3) (in Russian).
- Kontsevich L.R. *Khronologiia stran Vostochnoi i Tsentral'noi Azii* [Chronology of Far Eastern and Central Asian countries]. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura" RAS, 2010 (in Russian).
- Kurbanov S.O. *Istoriia Korei: s drevnosti do nachala XIX veka* [History of Korea: from ancient times to the beginning of the 19th c.]. St. Petersburg: Izdatel'stvo St. Petersburgskogo universiteta, 2009 (in Russian).
- Morohasi Tetsuji 諸橋轍次. *Dai kan wa jiten* 大漢和辭典 [Comprehensive Chinese-Japanese dictionary], vol. 1–12. Tokyo: Daishukan shyoten 大修館書店, 1959–1968 (in Chinese and Japanese).
- Pak M.N. "Opisanie koreiskikh plemion nachala nashei ery (po "San guo zhi")" [Description of Korean tribes in the beginning of our era (according to "San guo zhi")]. In: *Rossiiskoe koreevedenie. Al'manakh Mezhdunarodnogo centra koreevedeniia ghb MGU* [Russian Korean studies. Proceedings of the International Center for Korean Studies of Moscow State University]. Issue 2. Moscow: ICKS MSU; Muravei, 2001, pp. 17–39 (in Russian).
- Sinjeung dongguk yeoji seungnam* 新增東國輿地勝覽 [Newly enlarged review of the sights of the Eastern State lands]. Mokpanbong 木板本 [blockprint]. Guknip jeungan doseogwan 國立中央圖書館 [State Central Library]. Call number: Han gwigo cho 韓貴古朝 60–3 (in Chinese).
- "San guo zhi" 三國志 [History of the Three states]. In: *Suoyin baina ben ershisi shi* 縮印百衲本二十四史 [Phototype publication of the "24 Dynastic Stories" collected from various printing boards], vol. 4. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1958 (in Chinese).

- “Shi ji” 史記 [Historical records]. In: *Suoyin baina ben ershisi shi* 縮印百衲本二十四史 (Phototype publication of the “24 Dynastic Stories” collected from various printing boards), vol. 1. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1958 (in Chinese).
- Syma Tsian. *Istoricheskie zapisi (Shi tzi). T. VIII* [Sima Qian. Historical records. Vol. VIII]. Per. s kitaiskogo R.V. Viatkina i A.M. Karapet'iantsa; comment. R.V. Viatkina, A.R. Viatkina i A.M. Karapet'iantsa; vstupit. st. R.V. Viatkina [Transl. from Chinese by R.V. Vyatkin and A.M. Karapet'iants; comment. by R.V. Viatkin, A.R. Viatkin and A.M. Karapet'iants; introd. by R.V. Vyatkin]. Moscow: Izdatel'skaia firma “Vostochnaia literatura” RAS, 2002 (Series: Pamiatniki literatury narodov Vostoka. XXXII, 8) (in Russian).
- Syma Tsian. *Istoricheskie zapisi (Shi tzi). T. IX* [Sima Qian. Historical records. Vol. IX]. Per. s kitaiskogo i comment. pod red. A.R. Viatkina, vstupit. st. A.R. Viatkina [Transl. from Chinese and comment. by A.R. Vyatkin; introd. by A.R. Vyatkin]. Moscow: Izdatel'skaia firma “Vostochnaia literatura” RAS, 2010 (Series: Pamiatniki literatury narodov Vostoka. XXXII, 9) (in Russian).
- Ulving T. *Dictionary of Old and Middle Chinese. Bernhard Karlgren's Grammata Serica Recensa Alphabetically Arranged*. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1997 (Orientalia Gothoburgensia; 11) (in English and Chinese).
- Zhong guo lishi ditu ji 中國歷史地圖集 = The Historical Atlas of China. Vol. I–VIII. 譚其驤主編 = Chief Ed. Tan Qi xiang. Shanghai: Ditu chubanshe 地圖出版社, 1982 (in Chinese).

Information about the Ancient “State” of *Chin guk* 辰國 and of the *Han* 韓 Domains Derived from Chinese Historical Works

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 66–90)

Received 24.03.2016.

Adelaida F. Trotsevich

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The sources “Han Shu” 漢書, “San guo zhi” 三國志, “Hou Han Shu” 後漢書 contain information on the ancient Korean “state” of *Chin guk* 辰國. That “state” was situated in the eastern part of the Korean peninsula, and at the time of the “Western (Early) Han” period, its *wang* governed the land of Han. In 108 B.C. the Chinese Han dynasty conquered *Choseon* 朝鮮, and *Chin guk* became one of the eastern *Han* domains that was named *Chin Han* 辰韓. In the middle of the 3rd century a Chinese punitive expedition destroyed the domain in question. In the Chinese official histories Korean estates situated in the southern part of the peninsula are termed “*Han*” 韓. The river *Hangan* 漢江 virtually served as their northern border-line. In ancient Korean, *han* had the meaning “grand” and “great” 크다, “high” and “prominent” 높다. It was recorded by means of different Chinese characters. When it was used for the meaning of a large river, the character with the “water” radical *han* 漢 was used. In Chinese history *Han* 漢 was the name of a famous dynasty that ruled the empire for about 4 centuries and that character could not be used to designate those who lived on the banks of the great Korean river 漢 and who were “eastern barbarians” 東夷 for ancient China. The character *han* 韓 was used for the population of the *Han* valley. Both characters 漢 and 韓 are used as phonetic signs to record the Korean word *han* 크다, 높다, whence: 漢 *Han* — “the great (prominent) river”, 韓 *Han* — “a country connected with the great (prominent) river” and 韓 *han* — “people who lived on the banks of the great (prominent) river”.

Key words: *Chin guk* state, country of Han, the Hangan river, *Chin Han*, *Ma Han*, *Choseon*, Chinese historical texts, Han dynasty, Chinese counties, ancient Korean language.

About the author:

Adelaida F. Trotsevich, Dr. Sci. (Philology) (krolru@gmail.com).

Модальность как категория грамматики текста на материале китайских источников¹

И.С. Гуревич

Институт восточных рукописей РАН

Использование одной из важнейших категорий грамматики текста, какой является категория модальности (фразовая и текстовая), прослеживается на материале разных китайских текстов² — от «Сутры ста притч» до поэтических строк Лу Ю. В притчах текстовая модальность выражается лексически, фразеологически и синтаксически, часто отношение говорящего к действительности, например ирония, выявляется из контекста. Как показывает материал, поэтические тексты (юэфу, Лу Ю) наполнены текстовой модальностью, отражающей настроение и состояние говорящего. При этом фразовая модальность в тексте стихотворения Лу Ю «Строки о болезни жены» полностью отсутствует.

Ключевые слова: категория модальности, фразовая модальность, текстовая модальность, юэфу, поэзия Лу Ю.

Статья поступила в редакцию 04.04.2016.

Гуревич Изабелла Самойловна (1932–2016), канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

© Гуревич И.С., 2016

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект 15-04-00048)

Каждое предложение включает в себя как существенный грамматический признак модальное значение...

(Виноградов 1975: 55)

Перед грамматикой текста... стоит задача посмотреть на модальность высказывания с позиций целого текста, осмыслить более общие закономерности, которые не даны на уровне предложения.

(Москальская 1981: 117)

¹ Предлагаемая публикация — одна из запланированных в серии статей по проблеме лингвистики текста — грамматических категорий. Первая статья из этой серии посвящена *категории информативности* (Гуревич 2015: 24–33).

² Как «может» повлиять модальность на весь текст, позволяет увидеть конкретный пример одного древнекитайского трактата. Из статьи, посвященной его исследованию (Стеженская 2011), становится очевидной роль модальности, которая способна изменить интерпретацию смысла ключевой фразы «Послесловия» (гл. 50 «Изложение намерений» 叙志) Лю Се, автора известного трактата «Вэнь синь дяо лун» 文心雕龍, название которого традиционно переводилось как «Резной дракон литературной мысли», на противоположный — «Настоящая литература — литература ложная».

Согласно И.Р. Гальперину (Гальперин 1981: 15), существуют два вида модальности: фразовая, оформляемая грамматическими и лексическими средствами, и текстовая, которая, кроме названных выше средств, реализуется в характеристике героев, в распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и т.п.

Отношение говорящего к действительности может быть выражено различными средствами — формально грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, стилистическими.

Из формально грамматических показателей модальности в языке периода Лючао часто использовалась морфема 當 *dang*, которая могла выражать значение долженствования (как правило, в безличных предложениях) и повеления (в повелительном предложении). Покажем это на примерах из «Сутры ста притч» (Бай юй цзин 1914):

當須人祀 ‘Необходимо было принести в жертву человека’.

昔有一長者，遣人持錢至他園中...而勅之言：好甜美者，汝當買來。‘Жил некогда один богатый, [он] послал одного человека, дав ему денег, в сад, [принадлежащий] другому человеку... и велел ему: «Купи-ка ты да принеси хороших, вкусных и сладких [плодов]»’.

Модальность, выраженная формально грамматическими показателями, представлена и в текстах эпохи Тан. За примерами обратимся к тексту Линь-цзи (Линь-цзи лу, 1961):

不可向虛空釘橛去也。‘В пустоту невозможно гвоздь вбить’ (§ 9).

你要與祖佛不別，你莫外求。‘Если вы хотите ничем не отличаться от Будды-Патриарха, не ищите ничего вовне’ (§ 29).

你且識取弄光影底人... ‘Вы должны узнать человека, который играет отражением...’ (§ 30).

你且隨處作主，立處皆真。‘Будьте же хозяевами ситуации — и в тот же миг все станет истинным’ (§ 36).

夫出家者，須辦得平常真正見解，辦佛辦魔，辦真辦偽，辦凡辦聖。‘Покинувший дом должен уметь различить обыденное от правильных взглядов, отличить Будду от Мары, отличить истинное от ложного, отличить профана от мудреца’ (§ 37).

道流，切要求去真正見解... ‘Последователи Дао! Совершенно необходимо, чтобы вы прониклись стремлением к верным взглядам...’ (§ 33).

Здесь встречаются такие формальные показатели, как **不可**, **要**, **切要**, **且**, **須** и др.

Однако в текстах эпох Лючао и Тан присутствует и другой вид модальности. Так, «Сутра ста притч» изобилует примерами текстовой модальности. В притче «Про то, как [некто] обтачивал большой камень» (磨大石喻) сказано:

譬如有人。磨一大石勤加功力。經歷日月作小戲牛。用功既重所期甚輕。

Возьмем такой пример. Какой-то человек обтачивал большой камень. Он много и усердно трудился. Проходили дни и месяцы, а он сделал всего лишь игрушечного бычка. Сил потрачено много, а то, ради чего старался, ничтожно мало.

Здесь мы имеем дело с текстовой модальностью, которая реализуется с помощью лексики (小戲牛 ‘игрушечный бычок’, 甚輕 ‘ничтожно мало’) и фразеологии (勤加功力 ‘много и усердно трудился’, 經歷日月 ‘проходили дни и месяцы’, 用功既重 ‘сил потрачено много’) и выражает ироническое отношение автора к действительности.

Вот фрагмент из притчи «Про то, как глупец ел соль»:

昔有愚人至於他家。主人與食嫌淡無味。主人聞已更為益鹽。既得鹽美。便自念言。所以美者緣有鹽故。少有尚爾況復多也。愚人無智便空食鹽。食已口爽返為其患。

Однажды глупец попал в дом какого-то человека. Хозяин стал потчевать его. Но [еда] оказалась пресной и безвкусной. Поняв это, хозяин добавил соли. Когда соли стало по вкусу, глупец про себя подумал: «Значит, все дело в соли. Если от одной шепотки стало так вкусно, каково же будет, если положить побольше!» Дурак есть дурак: он тут же принялся есть одну соль. Проглотил и, вместо того чтобы усладить вкус, напротив, заставил его страдать.

Текстовая модальность в этом случае использует напрямую ресурс и лексический ('глупец', 'дурак'), и фразеологический ('дурак есть дурак'), и синтаксический ('от одной шепотки стало так вкусно, каково же будет, если положить побольше'; 'он тут же принялся есть одну соль'). Насмешливо-ироническое отношение автора к поступку, характеризующему героя, выражено чрезвычайно убедительно.

Примером может служить любая из ста притч собрания: приведу как весьма показательный пример притчу «О том, как томимый жаждой увидел воду»:

過去有人。癡無智慧。極渴須水... 即便逐走至辛頭河。既至河所對視不飲。傍人語言。汝患渴逐水。今至水所何故不飲。愚人答言。君可飲盡。我當飲之。此水極多俱不可盡。是故不飲。

Некогда один глупый человек, не наделенный разумом, томился от жажды и искал воду... Так он дошел до реки Синьтоухэ. У реки он остановился и, уставившись, стал смотреть, но не пил. Окружающие сказали: «Ты мучился от жажды и спешил к воде. Вот ты у воды, отчего же не пьешь?» Глупец отвечал: «Благородный муж должен пить до дна; значит, я должен выпить всю реку. Но в ней слишком много воды, нам даже вместе всю не выпить. Потому я и не пью».

Ирония автора насквозь пронизывает рассказ о событии, используется при этом и лексика ('глупый'), и синтаксический ресурс ('не наделенный разумом'), и фразеология ('стал смотреть, но не пил'; 'благородный муж должен пить до дна; значит, я должен выпить всю реку. Но в ней слишком много воды, нам даже вместе всю не выпить. Потому я и не пью'). Характеристика героя и здесь играет не последнюю роль.

И наконец, пример из заключительных стихов «Сутры ста притч»:

此論我所造 合和喜笑語
多損正實說

[Я] собрал эти смешные рассказы.

Многие [из них] разрушают здравый смысл...

Это также пример текстовой модальности (в данном случае речь о содержании собранных рассказов), когда отношение автора к действительности, как и в первом примере, выразилось в использовании лексики и фразеологии: 喜笑 'смешные', 損正實說 'разрушают здравый смысл'.

Примеры на формально грамматический способ выражения модальности из текстов Линь-цзи и Пан цзюй-ши:

你若能歇得念念馳求心... ‘Если вы сможете дать отдых непрерывно стремящейся мысли...’.

真是開口不得。‘На самом же деле [я] и рта не мог раскрыть’ (§ 7).

明得即同，明不得即別。‘Для [того, кто] сумел уяснить, [они] одинаковы, для [того, кто] не сумел уяснить, [они] различны’ (§ 104).

老翁要爭先在。‘Достопочтенный стремится доказать свое превосходство’ (§ 57).

老翁若不甘，齊峰堪作箇什麼？‘Если я это не восприму, то что сможешь сделать ты, Ци-фэн?’ (§ 38).

Характер и способы передачи модальности в приведенных выше примерах вполне обычны и понятны (能, 堪, 不得 — возможность/невозможность совершить действие, 要 — желание совершить действие и т.д.).

Иной характер имеет так называемая текстовая модальность (отчасти она была рассмотрена выше на материале «Сутры ста притч»), которая особенно «украшает» тексты чаньских *юйлу* эпохи Тан. Для выражения особой текстовой модальности, присущей именно этому жанру, используется лексический (и не только) инструментальный разнообразного свойства — от знаменитого линьцзиевого 喝 *кхэ* и просто бранного слова до грубого физического воздействия на собеседника. Обратимся к примерам.

道流，你欲得如法見解，但莫受人感。向裏向外，逢著便殺。逢佛殺佛，逢祖殺祖，逢羅漢殺羅漢，逢父母殺父母，逢親眷逢親眷，始得解脫。 (§ 28)

Если вы хотите обрести взгляд, соответствующий Дхарме, не поддавайтесь заблуждениям других. С чем бы вы ни столкнулись внутри или снаружи — убивайте [это]. Столкнулись с Буддой — убивайте Будду, столкнулись с Патриархом — убивайте Патриарха, столкнулись с архатом — убивайте архата, столкнулись с родителями — убивайте родителей, столкнулись с родственниками — убивайте родственников. Только тогда вы обретете освобождение от уз.

(Разумеется, этот пассаж не следует воспринимать в прямом смысле.)

Изобилует примерами текстовой модальности раздел «Придирчивые испытания» 勘辯, где обмен репликами и все диалоги требуют разгадывания, что за чем стоит и к чему отсылает та или иная реплика.

黃檗、因入厨次、問飯頭、作什麼。飯頭云、揀衆僧米。黃檗云、一日喫多少。飯頭云、二石五。黃檗云、莫太多麼。飯頭云、猶恐少在。黃檗便打。飯頭却舉似師。師云、我爲汝勘這老漢。纔到侍立次、黃檗舉前話。師云、飯頭不會、請和尚代一轉語。師便問、莫太多麼。黃檗云、何不道、來日更喫一頓。師云、說什麼來日、即今便喫。到了便掌。黃檗云、這風顛漢、又來這裏捋虎須鬚。師便喝出去。

Когда Хуан-бо пришел на кухню, он спросил повара:

— Что ты делаешь?

Повар отвечал:

— Очищаю рис для монахов.

Хуан-бо спросил:

— Сколько же они съедают за день?

— Два *даня* пять [*доу*].

Хуан-бо сказал:

— Не слишком ли много?

Повар отвечал:

— Напротив, боюсь, что мало.

Тогда Хуан-бо побил его*.

Потом повар доложил об этом Наставнику. Наставник сказал:

— Ради тебя я испытаю этого старца.

Как только Линь-цзи прибыл служить к Хуан-бо, Хуан-бо напомнил ему прежний разговор.

Наставник сказал:

— Повар был не в состоянии ответить. Прошу вас, преподобный, скажите вместо него *поворотное слово*.

И при этом Наставник спросил:

— Не слишком ли много?

Хуан-бо спросил:

— Почему же ты не говоришь: «Завтра мы получим еще порцию»?

Наставник сказал:

— О каком «завтра» вы говорите? Вот сегодня и получите**!

Сказал и дал пощечину.

Хуан-бо сказал:

— Этот помешанный снова явился сюда подергать усы тигра***.

Наставник произнес кхэ и пошел прочь (§ 91).

* Имеется в виду, что повару требовалось сказать *поворотное слово*, которое должно было раскрыть степень прозрения говорящего и «перевернуть» сознание слушающего в критический для его психики момент.

** Игра слов: иероглиф 喫 имеет два значения: 'есть' — в первом случае и 'подвергаться [чему-либо]' — во втором.

*** Старое изречение, смысл которого может заключаться в восхищении тем, кто совершает подвиг, связанный с серьезными опасностями, или же просто с честью выходит из трудной ситуации.

Весь этот пассаж — образец текстовой модальности; вот хотя бы эти реплики: «Не слишком ли много?», «Почему же ты не говоришь: „Завтра мы получим еще порцию“?», «О каком „завтра“ вы говорите? Вот сегодня и получите!» Продолжение такого приема находим и в следующем параграфе.

後、鴻山 問仰山、此二尊宿意作麼生。仰山云、和尚作麼生。鴻山 云、養子方知父慈。仰山云、不然。鴻山 云、子又作麼生。仰山云、大似勾賊破家。

Потом [как-то раз] Гуй-шань спросил у Ян-шаня*:

— Как ты оцениваешь этих двух Почитаемых?

Ян-шань отвечал:

— Вы, почтенный, как считаете?

Гуй-шань ответил:

— Лишь вырастив сына, познаешь отцовскую любовь!

Ян-шань сказал:

— Совсем нет.

Гуй-шань спросил:

— А вы что думаете?

Ян-шань ответил:

— Очень похоже на то, что разрушают дом, заманив вора** (§ 92).

* Гуй-шань (771–853) — духовный «дядя» Линь-цзи — Лин-ю; Ян-шань (807–883) — ученик и последователь Лин-ю. Школа, созданная учителем и учеником, по-

лучила название Гуйян 滙仰. Школа была достаточно значима, так как, хоть она и находилась далеко от местопребывания Линь-цзи, он включил в свои проповеди диалоги Гуй-шаня и Ян-шаня.

**** Имеется в виду ситуация, когда Хуан-бо получил пощечину от Линь-цзи при ответе на вопрос, заданный повару в предшествующем параграфе. При этом Хуан-бо сравнивается с домовладельцем, который сам пригласил к себе в дом разбойника. Однако такое «разрушение дома» оценивается положительно, так как бунт ученика — свидетельство его независимости от Учителя.**

Из вышеизложенного видно, что для выявления текстовой модальности может потребоваться весьма обширный контекст. Позволю себе привести еще один небольшой диалог в качестве примера текстовой модальности.

師問院主、什什麼處來。主云、州中糶黃米去來。師云、糶得盡麼。主云、糶得盡。師以杖面前畫一畫云、還糶得這箇麼。主便喝。師便打。

Наставник спросил настоятеля монастыря:

— Откуда прибыл?

Настоятель отвечал:

— Прибыл из округа, куда ездил продавать желтое просо.

Наставник спросил:

— Удалось продать все?

Настоятель ответил:

— Все удалось продать.

Тогда Наставник с помощью палки изобразил перед собой линию:

— Не смог бы ты продать еще и это?

Настоятель произнес *хэ*. Тогда Наставник ударил его* (§ 102).

* Смысловая направленность диалога Линь-цзи с настоятелем состоит из двух моментов: в нем подчеркивается идентичность единичного и совокупного (ирония в вопросе: «все» ли удалось продать) и утверждается одинаковая значимость всего чего угодно (на примере оппозиции «зерно — начерченная линия»). Модальность, равная иронии, здесь предельно выразительна.

В таких случаях всякий раз важно правильно понимать, как воспринимает такую модальность в первую очередь тот, к кому она обращена, а вслед за ним и другие читатели-пользователи этих текстов.

* * *

В разных типах текстов модальность проявляется по-разному. Так, в научных текстах модальность вряд ли уместна, и, как правило, она в них нулевая, а поэтические тексты сплошь модальны. Рассмотрим с точки зрения модальности образцы поэтических текстов. Начнем со стихов в жанре *юэфу* (стихи представляют собой народные песни, записанные специально учрежденной для этой цели Музыкальной палатой).

婦病行 (Юэфу 1954: 33–34)

婦病蓮年累歲，

傳呼丈人前一言。

當言未及得言，不知淚下一何翩翩。

“屬累君两三孤子，莫我兒饑且寒，

有過慎莫答答，
行當折搖，思復念之!”

...

亂曰：抱時無衣，
襦復無裏。
閉門塞牖，
舍孤兒到市。
道逢親交，泣坐不能起。
從乞求與孤買餌。
對交啼泣，淚不可止。
“我欲不傷悲不能已。”
探懷中錢持授。交入門，
見孤兒啼索其母。抱徘徊空舍中。
“行復爾耳!”
棄置勿復道。

Строки о болезни жены

Жена болеет много лет подряд.
Зовет мужа, обращаясь с одним словом.
Она должна ему сказать, она не успеет сказать.
Сами собой отчего-то льются, не переставая, слезы.
«Поручаю твоим заботам нескольких сирот.
Пусть дети наши не голодают и не мерзнут.
Если провинятся, будь благоразумен, не бей их палкой.
Им предстоит безвременно погибнуть.
Думай* и заботься о них!»

В конце песни говорится:

Когда держал [детей] на руках, не во что было их одеть,
На короткое платье и то не [хватает] подкладки.
Закрываю двери, закупориваю окна.
Бросаю детей-сирот и отправляюсь в город.
По дороге встретил близкого друга.
Заливаясь слезами, присел и не мог подняться.
Молил его купить лепешек сиротам.
Перед другом я плакал навзрыд и слез не мог сдержать.
«Я бы и рад не огорчаться, но не в силах».
Я разыскал за пазухой деньги и отдал ему**.
Переступив порог,
Увидел, как сироты плачут в поисках матери.
Взял их на руки и стал расхаживать туда-сюда по опустевшему дому.
«Будет все, как уже было, и все»***.
У покинутых нет другого пути.

* Согласно комментарию Юй Гуань-ина (Юэфу, 1954: 34), 復 в сочетании 思復 означает то же, что 思.

**...отдал ему (持授) — из текста неясно, кто кому дал деньги на покупку лепешек: муж больной женщины другу или наоборот.

*** Имеется в виду, что детям суждено вскоре погибнуть вслед за безвременно ушедшей в могилу матерью.

Текстовая модальность угадывается в каждой строке, но особенно четко она выражена в последней из выделенных строчек: она возвращает читателя к началу стихотворения — предвидению умирающей женщины («Им предстоит безвременно погибнуть»).

Обратимся к строкам Лу Ю³.

春早得雨 (Лу Ю 1957: 237)	Весеннее утро нуждается в дожде
稻陂方渴雨、 蠶箔却憂寒。 更有難知處、 朱門惜牡丹！	Как только плотина рисового поля жаждет дождя, Штора для гусениц шелкопряда* тоскует по зиме. И еще возникает невесть что, Где красные ворота** душой болеют за пионы***.

* *Штора для гусениц шелкопряда* — тростниковая решетка, на которой вскармливают гусениц шелкопряда.

** *Красные ворота* — богатый дом, жилище знати.

***...*болеют за пионы* — скрытые мысли знати не поддаются пониманию.

Приведенное выше короткое стихотворение Лу Ю в полной мере демонстрирует текстовую модальность, проявленную в противопоставлении забот и жизненных нужд крестьянина (борьба с засухой, когда «плотина рисового поля жаждет дождя») и нехитрых «забав» знати (которая «душой болеет за пионы»). При этом, как можно заметить, фразовая модальность в тексте стихотворения полностью отсутствует.

Литература

- Бай юй цзин 1914 — Бай юй цзин 百喻經 (Сутра ста притч). Нанкин: Цзиньлин кэцзинчу, 1914.
Виноградов 1975 — Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.
Гальперин 1981 — Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
Гуревич 2015 — Гуревич И.С. О некоторых понятиях и грамматических категориях текста на примерах из китайских источников III–X вв. // Письменные памятники Востока. 2015. Т. 23. № 2. С. 24–33.
Линь-ци лу 1961 — Линь-ци лу 臨濟錄 (Записки Линь-ци). Токио: Китюдзю, 1961.
Лу Ю 1957 — Лу Ю ши сюань 陸游詩選 (Избранные стихи) / 游國恩. 李易選注 (Коммент. Ю Го-энь, Ли И). Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1957.
Москальская 1981 — Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981.
Стеженская 2011 — Стеженская Л.В. Относительно наречия ци в «Послесловии» Лю Се [электронный ресурс]. URL: http://www.synologia.ru/a/Относительно_наречия_ци_в_«Послесловии»_Лю_Се (дата обращения: 07.01.2016).
Юэфу 1954 — Юэфу ши сюань 樂府詩選 (Избранные стихи в жанре юэфу) / Коммент. Юй Гуаньин 余冠英選註. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1954.

References

- Bai yu jing 百喻經 [Sutra of Hundred Parables]. Nanjing, 1914 (in Chinese).
Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia [The Text as a Subject of Linguistic Studies]. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian).

³ Известный поэт эпохи Сун, годы жизни 1125–1210. Стихи написаны поэтом в Шаньине в 1207 г.; последние двадцать лет жизни Лу Ю много писал о деревне, о крестьянском быте.

- Gurevich I.S. "O nekotorykh poniatiiakh i grammaticheskikh kategoriakh teksta na primerakh iz kitaiskikh istochnikov III–X vv." [Text Linguistics: Certain Concepts and Grammar Categories (Based on the Chinese Works of the 3rd–10th cc.). *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2015, vol. 23, no. 2, pp. 24–33 (in Russian).
- Lin-ji lu 臨濟錄 [The Recorded Sayings of Ch'an Master Lin-ji]. Tokyo: Kichu:do:, 1961 (in Chinese).
- Lu You shi xuan 陸游詩選 [Selected Poetry]. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1957 (in Chinese).
- Moskal'skaia O.I. *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1981 (in Russian).
- Stezhenskaia L.V. "Otnositel'no narechiia qi v 'Posleslovii' Liu Xie". Available at: http://www.synologia.ru/a/Относительно_наречия_ци_в_«Послесловии»_Лю_Се (accessed 07.01.2016).
- Vinogradov V.V. *Issledovaniia po russkoi grammatike* [Studies on Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1975.
- Yuefu shi xuan 樂府詩選 [Selection of folk songs (Yuefu)]. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1954 (in Chinese).

Modality as a Category of Textual Grammar (Based on Chinese Sources)

(*Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2016, volume 13, no. 3, pp. 91–99)

Received 04.04.2016.

Isabella S. Gurevich

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Acknowledgments: The publication has been supported by a grant of the Russian Foundation for Humanities, project no. 15-04-00048.

Modality, as one of the main categories of text grammar, is studied on the material of various Chinese sources like the *Sutra of Hundred Parables* and the Chan Buddhist *yulu*. The texts of Parables demonstrate modality in lexical, phraseological and syntactic forms, it can be understood from the context as well. Poetic material (*yuefu* and poems by Lu Yu) expresses the mood and attitude of the hero by means of textual modality, while phrase modality is not used at all (in the poem "Lines about wife's sickness" by Lu Yu).

Key words: category of modality, phrase modality, textual modality, *yuefu*, poetry of Lu You.

About the author:

Isabella S. Gurevich (1932–2016), Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS.

«...в Азиатский Музеум Императорской академии наук...»: Orientalia из библиотеки генерала П.К. Сухтелена в Институте восточных рукописей РАН

О.В. Васильева

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Граф Петр Корнилиевич Сухтелен (1751–1836), русский генерал голландского происхождения, посол России в Швеции, был заядлым коллекционером. После смерти графа его огромная библиотека была приобретена российским правительством и распределена между несколькими учреждениями. Восточное собрание планировали передать в Азиатский Музей (ныне Институт восточных рукописей), хотя на деле оно было разделено между четырьмя хранилищами. И все же позднее основная часть Ориенталии оказалась в Азиатском Музее, где была разделена между фондами, образованными по языковому или графическому принципу, таким образом, теперь очень сложно восстановить коллекцию Сухтелена. Кроме того, некоторые его рукописи находятся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ и в Российской национальной библиотеке. В статье представлены результаты нашей работы по реконструкции, а также по истории формирования Ориенталии Сухтелена.

Ключевые слова: П.К. Сухтелен, рукописная коллекция ИВР РАН, история собраний восточных рукописей.

Статья поступила в редакцию 21.03.2016.

Васильева Ольга Валентиновна, заведующая сектором восточных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; 191069, г. Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 1/3 (orientsekt@nlr.ru).

© Васильева О.В., 2016

История формирования рукописных собраний, как частных, так и государственных — тема чрезвычайно интересная. Не будет преувеличением сказать, что судьба восточных рукописей из библиотеки Сухтелена — их приобретение коллекционером и особенно их бытование после его смерти — не имеет аналогов среди подобных собраний, хранящихся ныне в Санкт-Петербурге. Дело в том, что библиотека Сухтелена изначально была разделена между несколькими учреждениями, а позднее восточные рукописи переходили из одного хранилища в другое. Сложилось так, что в настоящее время основная часть Ориенталии Сухтелена находится в Институте восточных рукописей. Статья посвящена в основном именно этим рукописям, однако мы не могли не сказать вкратце и о других частях собрания, хранящихся в Петербурге (в Российской национальной библиотеке и библиотеке Восточного факультета СПбГУ), Казани (в Научной библиотеке Казанского университета им. Н.И. Лобачевского) и Тбилиси (в Национальном центре рукописей).

Генерал от инфантерии Петр Корнилиевич Сухтелен (Jan Piter van Suchtelen, 1751–1836) — голландец по происхождению, военный инженер — поступил на русскую службу в 1783 г., участвовал в русско-шведских войнах 1799–1800 и 1808–1809 гг. и

Илл. 1.

Петр Корнилиевич Сухтелен. Портрет работы Дау

в войне с Наполеоном, с 1812 г. выполнял обязанности посланника России в Швеции. Получил достоинство барона (1812), а затем графа (1822). Сухтелен был, что называется, страстным библиофилом, коллекционером живописи и других предметов искусства. После его смерти российское правительство купило обширную библиотеку, а также часть коллекций Сухтелена у его наследников за полмиллиона рублей. В справке о составе библиотеки генерал-лейтенант Ф.Ф. Шуберт в числе прочего пишет: «Библиотека состоит из 41 000 томов, внесенных в каталоги... Сверх того имеется еще без каталогов: 8-мь ящиков с рукописями, из коих многие восточные и весьма драгоценные...»¹. По указу Николая I библиотека Сухтелена была распределена между несколькими хранилищами. При этом надлежало передать в Императорскую Публичную библиотеку, помимо прочего, рукописи² и автографы³.

Между тем в списке ящиков, передаваемых в Публичную библиотеку, есть примечание: «Ящики MS. 1 и MS. 2, заключающие восточные рукописи, Высочайше повелено разделить на две части для передачи в Азиатский Музей Императорской академии наук и Учебное отделение Восточных языков, при Азиатском департаменте состоящее, с тем чтобы разбор сих рукописей был учинен в Департаменте Генерального Штаба под надзором действительного статского советника Аделунга, а потому ящики MS. 1 и MS. 2 с назначенными окончательно для Азиатского Музе-

¹ Дело по отношению начальника Главного Морского штаба Его Величества о передаче в Военное министерство привезенной из Стокгольма библиотеки покойного инженер-генерала графа Сухтелена. 1836–1841 / РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 215. Л. 14. Цит. по: (Сапожников 2002: 16). Кроме того, с библиотекой Сухтелена поступили 13 ящиков географических карт и 13 ящиков, содержащих до 30 000 диссертаций.

² Около 280 кодексов на европейских языках.

³ Три ящика.

ума рукописями имеют быть доставлены Министерству Народного просвещения особенно»⁴.

«Ведомость о распределении бывшей библиотеки инженер-генерала графа Сухтелена, с показанием числа ящиков и приблизительно числа волномов» сообщает, что из Генерального Штаба были переданы:

«VI. В Учебное отделение Восточных языков, при Азиатском департаменте состоящее, 95 восточных рукописей;

VII. В Азиатский Музеум при Академии наук 35 восточных рукописей»⁵.

Из документов, хранящихся в Архиве АН, следует, что перечень последних был отослан в Академию 18 ноября 1836 г.⁶. Директор Азиатского Музея академик Христиан Френ, просмотрев список, не мог скрыть своей досады. В записке, составленной по указанию А.Х. Бенкедорфа для оценки стоимости собрания, он в сердцах писал, что среди 35 рукописей *«находится более дюжины молитвенников и тому подобных вещей; два Корана и один отрывок из оногo, четыре незначительные сборника слов и грамматики; три другие сочинения, не имеющих цены и столь же вовсе не определенных. Итак, остается только с полдюжины рукописей, обещающих некоторую, но также не особенную занимательность в ученом отношении: ибо из сочинений исторического, географического и литературного содержания (каковые, без сомнения, также заключались в Сухтеленевом собрании) нам не досталось ни одного.*

*Если оценить оставшиеся для Академии, по вышеупомянутой отборке, рукописи, то они могут стоить около пятисот рублей; а эту цену я назначаю им еще потому, что между ними находится нечто коптское и самаритянский отрывок Библии, также несколько армянских сочинений, может быть занимательных для знатока сей литературы, хотя я и в этом отношении отчасти сомневаюсь. Купить же такие вещи, подобно нам пересланным, по этой цене для нашей Академии я не мог бы никоим образом предложить»*⁷.

Резкость оценки привела к тому, что было решено передать эту часть собрания в Казанский университет, что стало поводом для еще одной записки Френа, в которой *«он объявил желание, чтобы было дозволено Академии оставить для ее Музея <...> 4 турецко-персидских, 4 армянских, 3 коптских и 1 самаритянскую рукопись, потому что сии 12 сочинений могут принести больше пользы в С.П.Б., нежели в Казани, и чтобы затем остальные 23 <...> были отосланы в Казанский Университет»*⁸. Академии было высочайше дозволено оставить в Азиатском Музее 12 рукописей, остальные были отправлены в Казань в начале 1837 г.

В Казанском университете к настоящему времени остались только две рукописи. После пожара 1842 г. была списана одна арабская книга⁹, а в 1855 г. 20 рукописей в составе всей восточной библиотеки были переданы в Петербургский университет, где легли в основу библиотеки созданного Восточного факультета; там они, за небольшим исключением, пребывают и поныне (Васильева 2011).

⁴ Дело по отношению... Л. 20–21 об. Здесь и далее курсивом выделены впервые публикуемые архивные документы, просмотренные автором de visu.

⁵ Дело по отношению... Л. 135 об. Цит. по: (Сапожников 2001: 288).

⁶ См.: О восточных рукописях гр. Сухтелена / СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г., № 4. (19л.). Благодарю Б.А. Градову за информацию об этом архивном деле.

⁷ Там же. Л. 8. Приводим русский перевод записки Френа, составленной на немецком языке (Там же. Л. 7).

⁸ Записка на немецком языке от 13 янв. 1837 г. (Там же. Л. 12) легла в основу письма от Конференции академии наук к ее вице-президенту кн. Дондукову-Корсакову (Там же. Л. 13), фрагмент которого и цитируется здесь.

⁹ Благодарю заведующую Отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского университета Э.И. Амерханову за предоставленные сведения о «казанских» рукописях Сухтелена.

Не включенными в два ящика с восточными манускриптами оказались поступившие в Императорскую Публичную библиотеку (ныне РНБ) 10 рукописных, ксило- и литографированных книг, а также 23 документа на восточных языках (во всяком случае, столько нам удалось выявить). Документы находились вместе с обширным собранием автографов, а тонкие книжечки, видимо, использовались для заполнения свободных мест в ящиках с западноевропейскими манускриптами. Позднее к 33 рукописям прибавились альбом индийских миниатюр (куплен в 1872 г.) и Псалмы Давида в переводе на идиш (поступили в 1974 г. в составе собрания И.Ю. Крачковского)¹⁰. В 1923 г. одна грузинская рукопись из собрания Сухтелена, находившаяся в Публичной библиотеке, была передана в Грузию вместе со многими другими грузинскими книгами и предметами искусства из петроградских библиотек и музеев; ныне она хранится в Национальном центре рукописей в Тбилиси. Таким образом, в Отделе рукописей РНБ в настоящее время насчитывается 34 единицы хранения восточных материалов из собрания Сухтелена.

Ответ на вопрос «Почему большинство восточных рукописей были переданы в Учебное отделение, а не в Азиатский Музей или Публичную библиотеку?» был мимоходом дан академиком М.И. Броссе: «Благодаря активности и ловкости его директора его превосходительства г-на д'Аделунга» (Brosset 1838: 21–22).

Федор Павлович Аделунг (1768–1843) — историк, библиограф, член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук — в 1824 г. был назначен управляющим, а в 1825 г. — начальником Учебного отделения восточных языков и оставался в этой должности вплоть до своей смерти. Он создавал библиотеку и музей Отделения, где собирал книги, рукописи, монеты. Позднее собрания Учебного отделения найдут отражение в серии печатных каталогов, а в 1919 г. будут переданы в Азиатский Музей, включая и рукописи из коллекции Сухтелена.

Таким образом, значительная часть Ориенталии Сухтелена оказалась в одном хранилище — нынешнем Институте восточных рукописей. Именно эту часть нам предстояло реконструировать.

Итак, в 1837 г. в Азиатский Музей поступили 12 рукописей: 2 турецкие, 2 персидские, 4 армянские, 3 коптские и 1 фрагмент самаритянского Пятикнижия. Описания мусульманских рукописей были сделаны академиком Б.А. Дорном (Dorn 1846: 76–77), и они без особого труда распознаются в современных каталогах ИВР. Дорном же приведен краткий список имевшихся к 1846 г. в Музее армянских рукописей, включая те, что принадлежали Сухтелену, однако без указания на принадлежность ему (Dorn 1846: 742–744). Их отождествление по последнему каталогу (Юзбашян 2005) оказалось весьма затруднительным и не принесло ожидаемых результатов. Однако в старом рукописном инвентаре, легшем в основу публикации Дорна, рядом с описаниями четырех армянских книг имеются карандашные пометы о принадлежности Сухтелену; там же приведены современные шифры¹¹. Коптские рукописи описаны Тураевым (Тураев 1919: 427–438). Их удалось соотнести с современными шифрами, используя список шифров арабо-коптских рукописей¹². Самаритянский фрагмент отождествлять не пришлось, поскольку статья о нем (Жамкочан 1984) попала в поле зрения автора еще до начала работы над историей собрания Сухтелена.

¹⁰ В книгу вложена записка И.Ю. Крачковского: «Подарено Б.А. Вальской (из *Географического общества*), которая извлекла у какого-то своего знакомого. 4.III.1942». На первом листе Псалмов карандашом написан номер 15434, соответствующий описанию в старом казанском инвентаре. Таким образом, Псалмы были увезены из Казани в Петербург, но в библиотеку Восточного факультета не попали, а много позднее оказались у И.Ю. Крачковского.

¹¹ Catalogues des manuscrits arméniens conservés dans le Musée asiatique / ИВР, Отдел рукописей, Арх. 31/а.

¹² Благодарю Н.И. Носову за информацию об этом списке и за оказанную помощь в работе.

Что касается тех 95 волюмов, что первоначально поступили в Учебное отделение, то, к сожалению, составители как старых, так и современных каталогов не всегда указывали имена владельцев. К еще большему сожалению, нам удалось ознакомиться с первоначальным списком Ф.П. Аделунга¹³ и другими архивными документами, хранящимися в Москве в РГВИА, когда непростая работа по реконструкции Ориенталии Сухтелена была уже практически завершена. Эти документы пролили свет на некоторые «темные» места (например, позволили реконструировать армянскую часть собрания), но они же поставили ряд новых вопросов.

Стало ясно, что не все 95 волюмов, полученных Учебным отделением, представляют собой восточные рукописи: 7 из них написаны на европейских языках европейскими ориенталистами¹⁴. Об их современном местонахождении мы не можем ничего сказать.

Среди 88 восточных рукописей, поступивших в Учебное отделение, определенно находились семь армянских кодексов, три из которых подробно описаны Броссе (Brosset 1838: 21–26, 35–41). В 6-м выпуске каталога Учебного отделения Патканов описал их все, но не указал имя владельца (см. Таблицу 5). Не указал его и Юзбашян, но в его каталоге, используя имеющиеся в описи Аделунга данные, удалось выявить современные шифры армянских кодексов Учебного отделения из собрания Сухтелена.

Аделунг отмечает восемь коптских книг, три из которых поступили в Азиатский Музей, а две — в Учебное отделение и описаны в печатном каталоге (Gunzburg e.a. 1891: 113–127). Являясь двуязычными (коптско-арабскими), они хранятся в арабографичном фонде. Оставшиеся три «коптские», а также, видимо, некие две «армянские» книги на самом деле являются эфиопскими (Тураев 1906: 33–46). Прийти к такому заключению нас побудило то, что в своем списке Аделунг не назвал ни одной эфиопской рукописи, хотя в действительности их пять, и все они имеют признаки принадлежности Сухтелену, между тем «лишних» трех коптских и двух армянских явно не наблюдается.

Указана в списке и одна санскритская рукопись, написанная золотом на семи листах синей бумаги.

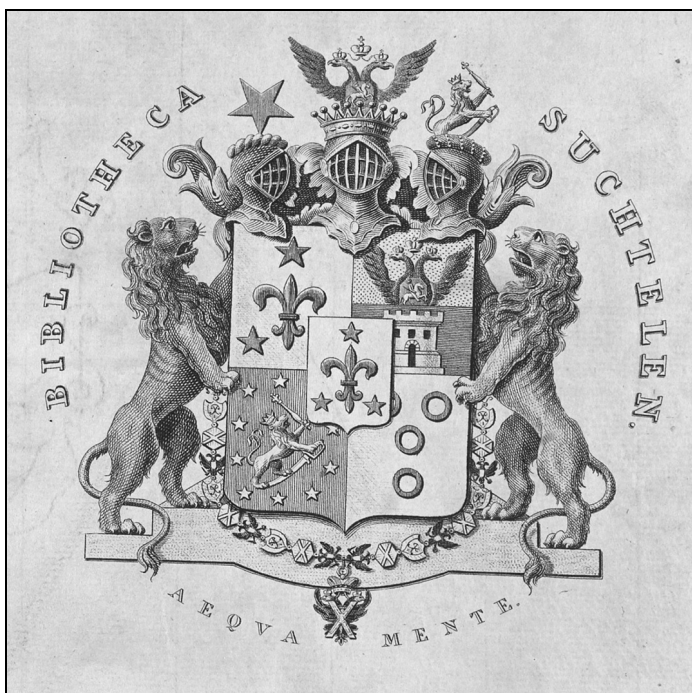
Остальные 73 рукописи Учебного отделения — мусульманские арабографичные (арабские, персидские, тюркские). Именно их оказалось не так просто отождествить в собрании ИВР. В указателях современных каталогов персидских (ПК, ч. 2: 43)¹⁵ и тюркских рукописей (ТК: 590)¹⁶ приведены лишь номера описаний единиц хранения, поступивших из Учебного отделения, без уточнения их происхождения. Только в арабском каталоге (АК, ч. 2: 202) отмечены шифры 22 рукописей, принадлежавших некогда Сухтелену, а позднее вошедших в библиотеку Учебного отделения. При этом, вероятно, допущена одна ошибка: рукопись с шифром А-449 является турецкой, она не отмечена в конкордансе шифров и, таким образом, в самом корпусе каталога отсутствует.

¹³ Аделунг Ф.П. Краткий каталог восточным рукописям бывшей библиотеки инженер-генерала графа Сухтелена, долженствующим поступить в Азиатский Музей Императорской академии наук и частью в Учебное отделение восточных языков, при Азиатском департаменте состоящее / РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. № 215. Л. 110а–110с. Каталог представляет собой большого формата тетрадь в синей обложке, которая вложена в объемистый том дела. Описания выполнены на французском и латинском языках и по большей части заимствованы из самих рукописей: заглавий на корешке переплетов или аннотаций на вкладных листах.

¹⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. № 215. Л. 123.

¹⁵ Отмечены лишь две рукописи, поступившие в Азиатский Музей в 1837 г. В серии тематических каталогов данных о принадлежности Сухтелену нет.

¹⁶ Дан лишь номер описания одной рукописи из двух, поступивших в 1837 г.

Илл. 2.

Экслибрис П.К. Сухтелена.

Из рукописи «Лава'их» Джами, ИВР, С-792

По счастью, источник поступления часто (но не всегда) указывался в описаниях в серии каталогов Учебного отделения¹⁷. Сопоставление имеющихся данных с описаниями в современных каталогах позволило выявить 68 арабографичных рукописей Сухтелена, которые в 1836 г. должны были поступить в Учебное отделение, а в 1919 г. перейти в Азиатский Музей. Среди неотожествленных по каталогу Аделунга пяти рукописей — два списка Корана¹⁸ и один сборник изречений из него с переводом на турецкий язык (все три книги изысканно оформлены), некая *«рукопись на турецком или арабском на 149 страницах в 8-ю»* долю листа, в картонном переплете (?), *«грамматика турецкого языка из 9 глав, предисловия и 2-х таблиц, одна на турецком, одна на французском... В форме вопросов и ответов... составлена в 1752 г. драгоманом... Деффиу (?)»*, в лист, в зеленом переплете.

Находятся ли они сейчас в ИВР и какие имеют шифры? На эти вопросы смогут ответить лишь сотрудники его рукописного отдела, просмотрев *de visu* фонды формата А (восьмерка) от 430-х номеров до 490-х, формата В (четверка) от 1010-х до 1200-х номеров, формата С (фолио) от 700-х до 870-х номеров, исключая шифры, приведенные в таблицах 2–4, и обращая при этом внимание на характерные детали.

¹⁷ В серии “Collections scientifiques de l’Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères”, насчитывающей в целом 7 выпусков (в трех представлено собрание монет), вышли следующие каталоги восточных рукописей: (Rosen 1877; 1886; Gunzburg e.a. 1891; Smirnow 1897).

¹⁸ Видимо, один из них отражен в каталоге Учебного отделения (Rosen 1877: 1, п. 4), но явно отсутствует в новом каталоге (АК). Речь идет о списке Корана размером 17,5×12 см, насчитывающем 422 листа и переписанном по 13 строк на странице каллиграфом Салихом бен Муса.

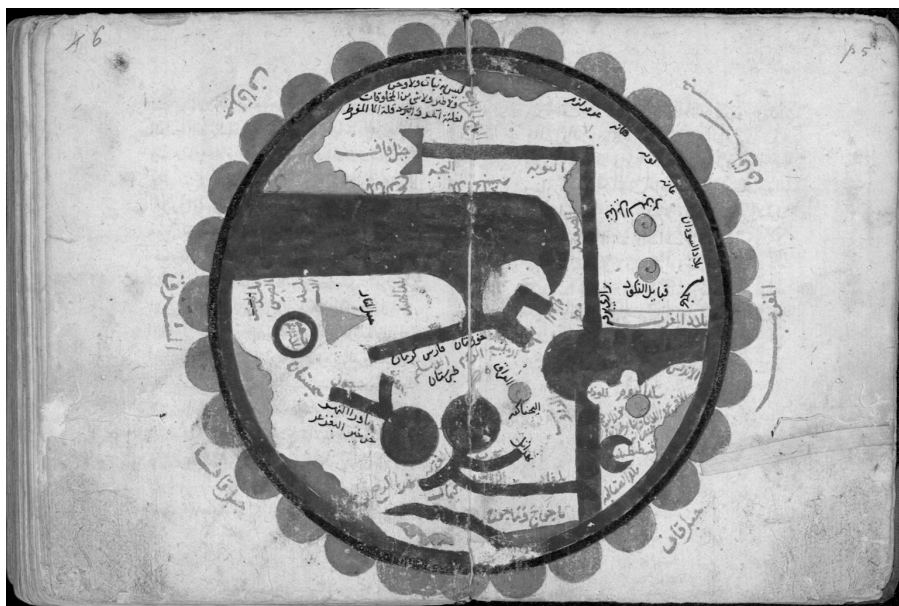

Илл. 3.

Садик-бек Афшар. Биографии персидских поэтов конца XVI в. На тюркском языке.
До 1599 г. ИВР, В-1187

В свое время владелец сам озаботился тем, чтобы рукописные и редкие книги (не только восточные, разумеется) его коллекции имели признаки принадлежности ему: на крышках подавляющего большинства переплетов с внутренней стороны приклеен экслибрис — гравированный герб владельца с надписью “Bibliotheca Suchtelen” (Илл. 2). Иногда вместо герба (или вместе с ним, как в «Скрижалях» Джами, ИВР, С-792) присутствует штамп с той же легендой. Многие мусульманские рукописи заключены во владельческие переплеты двух типов: из светло-коричневой, редко — красной кожи или полукожаные (со светло-коричневым или красным кожаным корешком и картонными крышками, покрытыми «мраморной» коричневой или розово-красной бумагой). Некоторые старые переплеты вложены в полукожаные футляры. На корешках владельческих переплетов и футляров золотом вытеснено название и имя автора, указан язык, иногда и год (чаще надпись сделана на латинском языке). В большинстве книг имеется приклеенный или вплетенный лист с аннотацией на французском языке¹⁹, часто не совпадающей с тем, что выбито на корешке. Так, например, рукопись, хранящаяся под шифром С-807, на корешке описана следующим образом: «Skander-nameh, auct. Nezami <зачеркнуто, сверху надписано — Nevai>, cod. pers <соскоблено> in bomb», а в аннотации читаем: “m. turc djaghatai Iskender Name par Nevau Emir Aly Chir”.

¹⁹ Такие вкладные листы есть и в рукописях, хранящихся в РНБ и библиотеке Восточного факультета СПбГУ. Тот факт, что некоторые листы вплетены во владельческие переплеты, свидетельствует о том, что аннотации выполнены при жизни владельца. Пока нет ответа на вопрос «кем?». Заглавия сочинений иногда написаны в аннотациях арабской графикой.

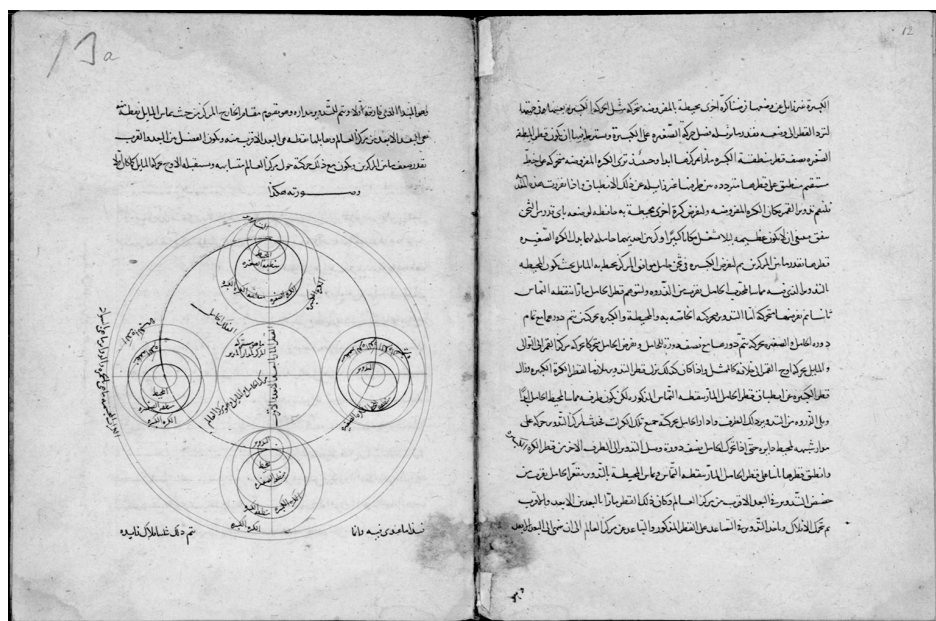
Илл. 4.

Круглая карта мира. Сарадж ад-дин Аби Хазиз 'Умар ибн ал-Вурди.
«Харидат ал-'аджа'иб ва фаридат ал-гара'иб». На арабском языке.
983/1573. ИВР, А-438, л. 56-6а

На листках с аннотациями или на внутренней стороне переплетов мусульманских рукописей зачастую имеются номера, например, "*mss turc N. XXVII*" (ИВР, В-1205). В некоторых персидских книгах есть листы синей бумаги с аннотациями на русском языке (например, ИВР, А-472). Таким образом, по комплексу этих признаков вполне возможно в будущем выявить «недостающие» единицы хранения из Учебного отделения (см. Табл. 6). Впрочем, не исключено, что некоторые из них представляют собой печатные книги и/или не имеют выраженных признаков принадлежности Сухтелену.

Сейчас можно констатировать, что в ИВР должны находиться 100 восточных рукописей Сухтелена (с учетом тех 12, что поступили в Азиатский Музей в 1837 г., и 88 из принадлежавших Учебному отделению), а возможно, и 7 рукописей европейских ориенталистов. Из них 94 выявлены нами и доступны читателям. В целом же *Orientalia* Сухтелена должна была насчитывать не менее 165 рукописных, ксило- и литографированных книг и документов, учитывая те 23, что были отправлены в Казань, и те 34, что оказались в Публичной библиотеке. В таблице 1 приведены данные о «движении» частей собрания, о современном его состоянии, в таблицах 2–5 — сведения о тех рукописях, которые выявлены в ИВР, а в таблицу 6 включены описания не отождествленных материалов.

Даже беглый просмотр таблиц дает представление о составе собрания. Очевидно, что большинство рукописей мусульманские (арабские, персидские и тюркские). Относительно содержания книг можно заметить, что в них представлены сочинения не только и даже не столько религиозные, сколько по большей части литературные (Илл. 3). Кроме того, в собрании имеются исторические и филологические сочинения, географические (Илл. 4), астрономические и медицинские трактаты, есть здесь и руководства по делопроизводству, по охоте с ловчими птицами и музыке.

Илл. 5.

Насир ад-Дин ал-Туси. «Ал-Тазкара фи 'илм ал-хияат».
Из собрания астрономических трактатов. На арабском языке.
673/1275. ИВР, А-437, л. 126–13а

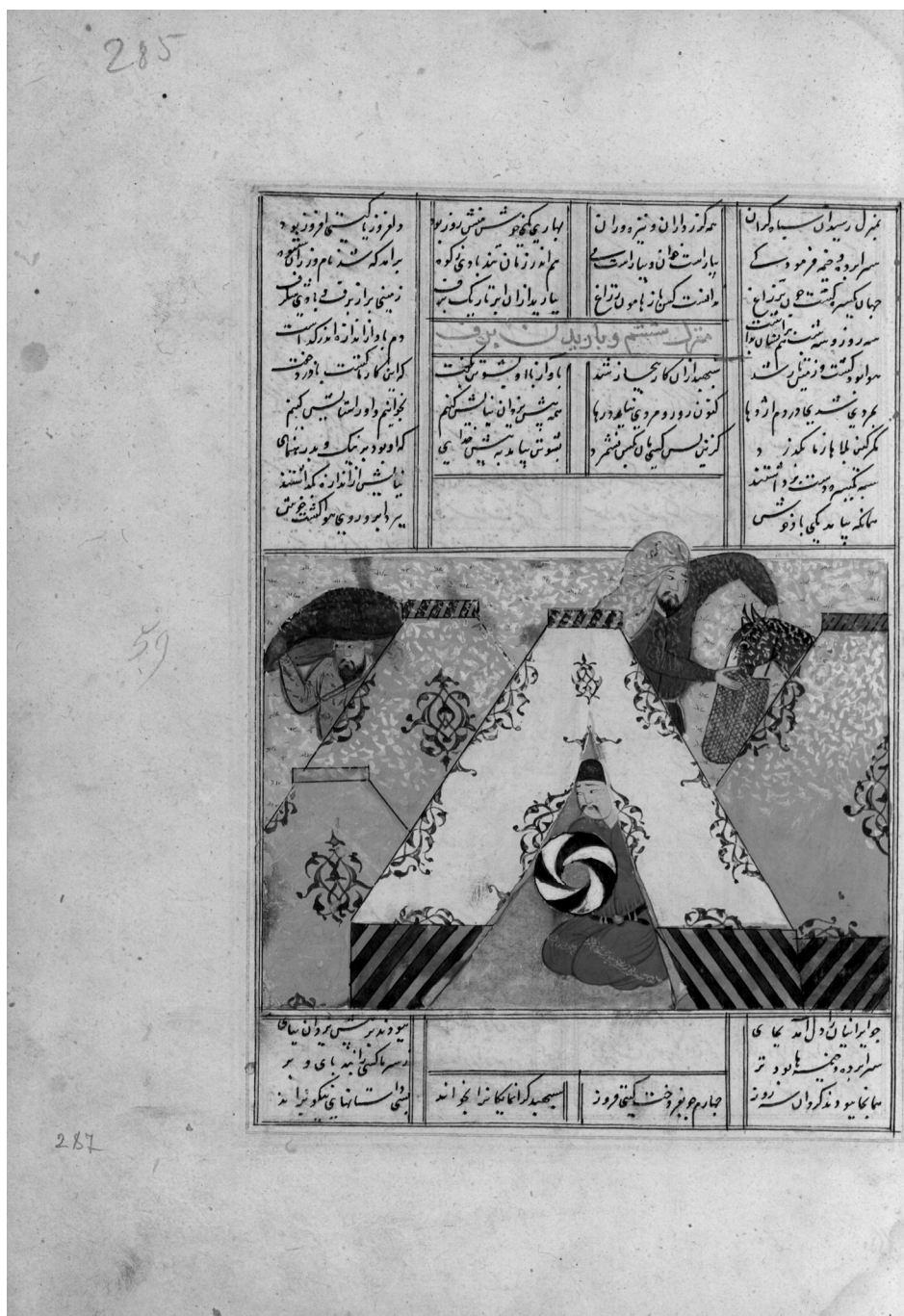
Самая старая датированная рукопись — сборник арабских астрономических сочинений, в том числе Наср ад-Дина Туси, 673/1275 г. Это наиболее ранний из известных ныне списков сочинений данного автора, причем переписанный на следующий год после его смерти (Илл. 5).

С точки зрения искусства книги представляют интерес три персидские рукописи с миниатюрами²⁰. Это, во-первых, эпическая поэма Фирдоуси «Шах-наме», переписанная в середине XV в. и украшенная развернутым фронтисписом и 74 миниатюрами, которые выполнены, вероятно, несколько позднее (С-822; Pages: 186–191) (Илл. 6).

«Гулистан» Саади, предположительно переписанный в Герате в начале XVI в., имеет четыре миниатюры, которые могли быть выполнены в Мавераннахре (в Средней Азии) в середине XVI в. (С-777; Pages: 218–219). Впрочем, на миниатюре «Старый борец побеждает молодого ученика» представлены гератские образы конца XV в.: Султан Хусайн Байкара, правитель Ирана из династии Тимуридов, его сын и наследник Бади аз-Заман, а также поэт Алишер Навои (Илл. 7). Обращают на себя внимание поля из цветной бумаги с золотым орнаментом.

Третья иллюстрированная персидская рукопись — «Скрижали» Абд ар-Рахмана Джами, орнаментальный декор которой (заставка-унван, разноцветные поля с золотым орнаментом) также заслуживает внимания (С-792; Илл. 8). Можно отметить и художественное оформление Корана (С-705; Pages: 302–303).

²⁰ В выставочном каталоге (Pages: 284–285) отмечена как происходящая из собрания Сухтелена одна арабская рукопись первой половины XVII в., украшенная миниатюрами (А-448). Между тем в настоящее время она не имеет признаков принадлежности кому-либо, не названо имя коллекционера и в каталоге Розена (Rosen 1877: 60, n. 123).

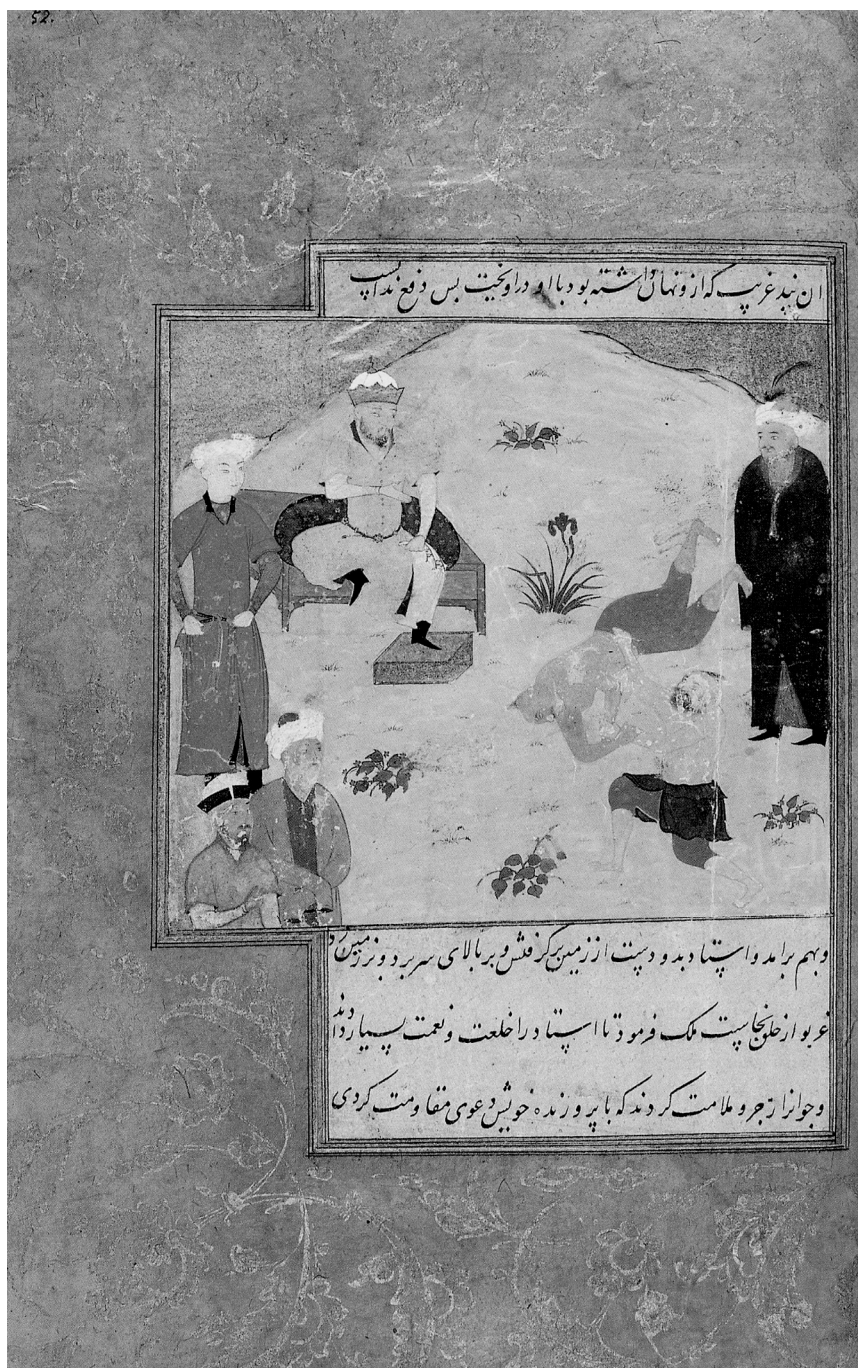

Илл. 6.

Миниатюра «Лагерь Исфандияра под снегом».

Абу-л-Касим Фирдауси. «Шах-нама». На персидском языке.

ИВР, С-822, л. 285а

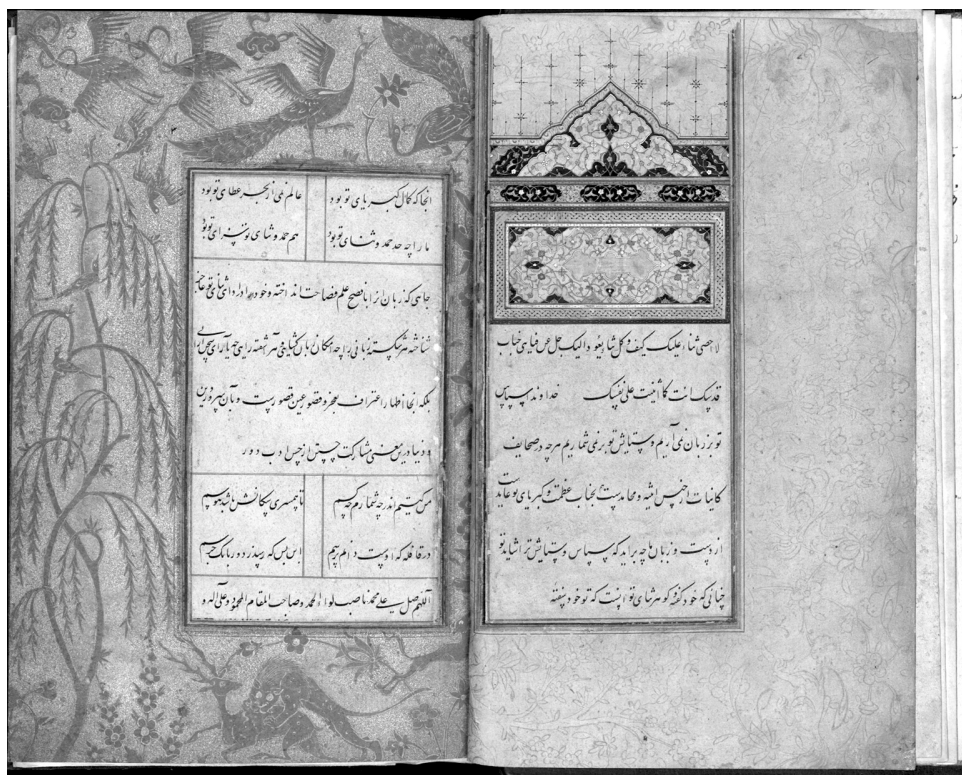

Илл. 7.

Миниатюра «Старый борец побеждает молодого ученика».

Са'ади Ширази. «Гулистан». На персидском языке.

ИВР, С-777, л. 27а

Илл. 8.

Абд ар-Рахман Джами. «Лаватих». На персидском языке.
ИВР, С-792, л. 26-3а

Кроме рукописей мусульманских, как уже было отмечено выше, есть пять арабо-коптских (Илл. 9), на каждой из которых имеется арабская приписка о принадлежности коптско-эфиопскому униатскому подворью в Риме: «Сия книга, принадлежащая монастырю Св. Стефана близ Св. Петра в Ватикане, назначена в качестве вечного вклада, для употребления коптских и абиссинских монахов, которые там живут, причем запрещается кому бы то ни было каким бы то ни было способом их приобрести» (Тураев 1906: 33). Такая же запись присутствует в одной арабо-христианской рукописи, хранящейся в СПбГУ, и в пяти эфиопских рукописях ИВР (Илл. 10). В одну из них (Эф. 95) вложена записка И.Ю. Крачковского: «*Эфиопская рукопись из собрания Учебного отделения М.И.Д., бывшая утерянной и купленная М.Н. Соколовым в Москве. Деньги надо вернуть И.А. Орбели, которым будет сообщена сумма 22/VII 24*». Экслибрис Сухтелена оторван, печать стерта (остался серый круг).

В ИВР находятся также одна самаритянская (Илл. 11) и 11 армянских рукописей (Илл. 12) из собрания Сухтелена. На первом листе армянского сборника, основную часть которого занимает «История Армении» Мовсеса Хоренаци (Арм. В-62), написано, что книга приобретена в 1827 г. в Нахичевани П. Сухтеленом и скопирована в Тифлисе для последующего издания²¹.

²¹ Издание, как предполагал Броссе, не состоялось, поскольку уже существовал русский перевод Истории, выполненный Осипом Оанесовым (Иосифом Иоаннесовым) и опубликованный в Петербурге в

Илл. 9.

Служба на Страстной неделе. Коптская рукопись.

ИБР, D-229, л. 16–2а

Владелец этой армянской книги — сын коллекционера, генерал Павел Петрович Сухтелен, который во время Русско-иранской войны 1827–1828 гг. был начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса. В октябре 1827 г. он принимал участие в сражениях за Эривань (Ереван) и собственноручно взял в плен хана, за что был награжден Георгиевским крестом 3-го класса, а вскоре получил благодарственное письмо от армянского патриарха Ефраима²². Определенно, в этот период Павел Сухтелен приобрел и армянские рукописные книги²³, и документы на армянском, грузинском и турецком языках, касающиеся армянской общины на Кавказе²⁴.

Когда мирные переговоры, в ведении которых Павел Петрович Сухтелен играл заметную роль, были прерваны, он был направлен с войсками к городу Ардебиллю

1806 г., а на армянском языке это сочинение издавалось неоднократно: в Амстердаме в 1865 г., в Лондоне в 1736-м, в Венеции в 1831 г. Впрочем, последнее издание вполне могло быть выполнено по копии, изготовленной в Тифлисе в 1827 г.

²² РНБ, Арм. НС 46.

²³ Видимо, они принадлежали одному собранию: имеют номера, проставленные чернилами на переплетах, наклейки с кратким названием на корешках (часто поврежденные), названия на армянском языке также даны на первых листах, а на внутренней стороне верхних крышек имеются бумажные наклейки с русским переводом этих названий. Например, рукопись, хранящаяся под шифром Арм. В-60, описана следующим образом: «Творение одного монаха. Истолкование Иов и терпения его с разными нравоучительными повестями и примерами. Писано в 796 году. Переводил И: К: 1827 год».

²⁴ РНБ, Собрание автографов Сухтелена. Картон 17.

Илл. 10.

Абба Георгиус. Органон. Эфиопская рукопись.

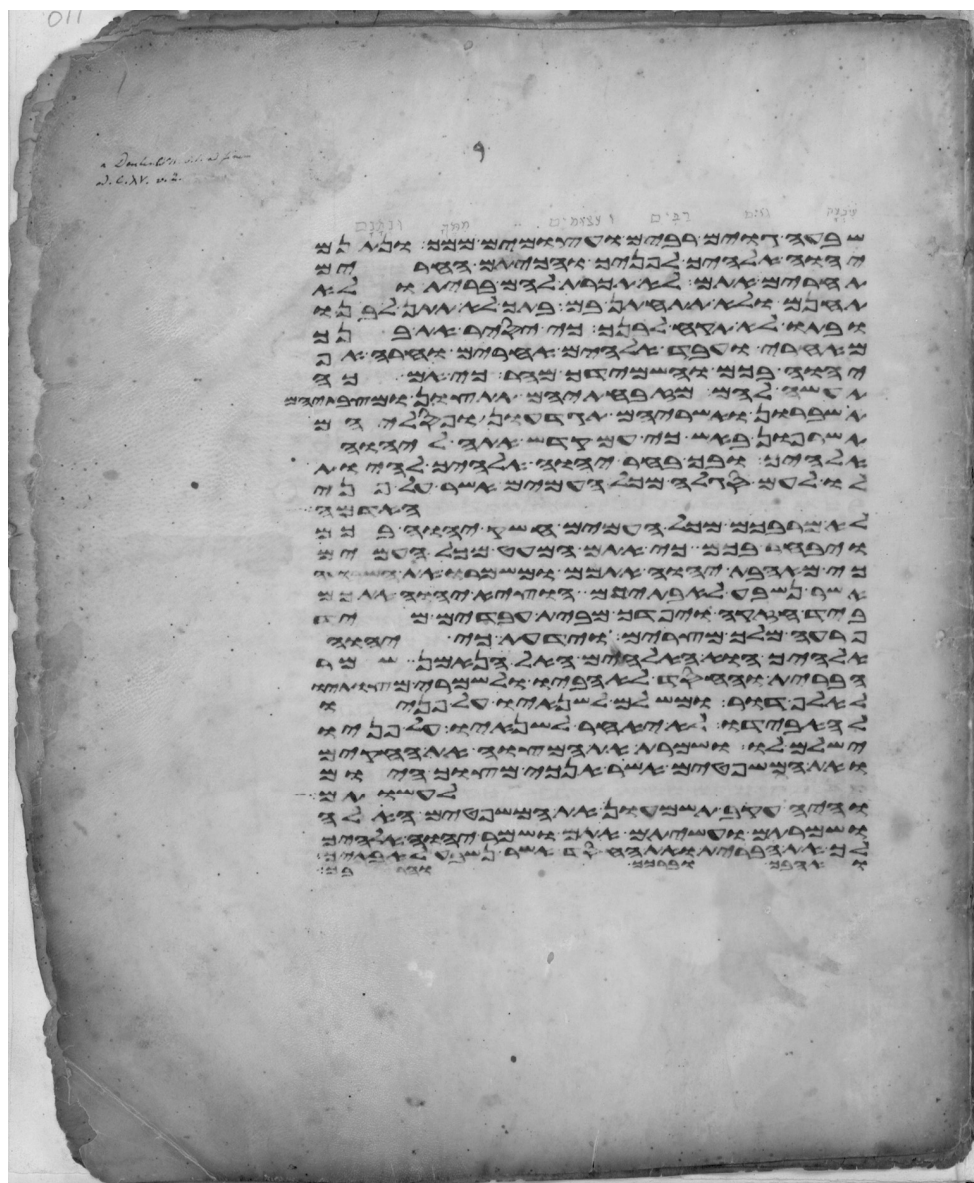
ИБР, Эф. 23, л. 026–1а

и 25 января 1828 г. занял его. На персидской рукописи «Тазкират аш-шуара» Давлетшаха Самарканди (А-484) есть помета на французском языке следующего содержания: «Этот том подарен г-ну Бероеву, переводчику Коллегии иностранных дел в Ардебиле в 1828 г. Джахангир-мирзою, внуком шаха Персии. Г-н Бероев сделал подношение в библиотеку генерала графа Сухтелена в Стокгольме». Надо полагать, что переводчик Бероев передал книгу в руки Павлу Петровичу для отправки в Стокгольм батюшке. Среди персидских рукописей есть одна, переписанная в Ардебиле в 1818 г. (В-1150), и две, датируемые 1822 г. (А-472, С-799). Возможно, они были приобретены Сухтеленом-младшим в 1828 г.²⁵ (в книги П.П. Сухтелена вложены листы синей бумаги с краткими описаниями на русском или французском языке).

Однако собирательской активностью Сухтелена-сына нельзя объяснить наличие в библиотеке его отца многих других книг, например, коптских и эфиопских.

Обратимся к владельческим записям. На трех рукописных книгах есть пометы шведского ориенталиста и дипломата Йохана Давида Акерблада (Johan David Åkerblad, 1763–1819). Выпускник университета Упсалы, он, поступив на дипломатическую службу, трижды находился в Османской империи: в первый раз в качестве ученика восточных языков (1783–1789), а позднее служил переводчиком шведского посольства в Стамбуле (в 1791–1793 гг. — именно к этому периоду относятся его владельческие пометы — и повторно в 1795–1797 гг.). После увольнения со службы Акерблад жил в Италии, недолгое время был секретарем Шведской миссии в Гааге, а в 1804 г. исполнял обязанности посланника Швеции в Париже (Thomasson 2013a; 2013b).

²⁵ В 1828 г. Павел Петрович Сухтелен доставил в Петербург военный трофей — ящики со 166 рукописями, полученными из библиотеки при гробнице шейха Сафи в г. Ардебиле и хранящимися ныне в РНБ. Годом позже он сопровождал «извинительное» посольство, отправленное в Петербург Фатх-Али-шахом после убийства в Тегеране российского посланника А.С. Грибоедова и почти всех членов дипломатической миссии.

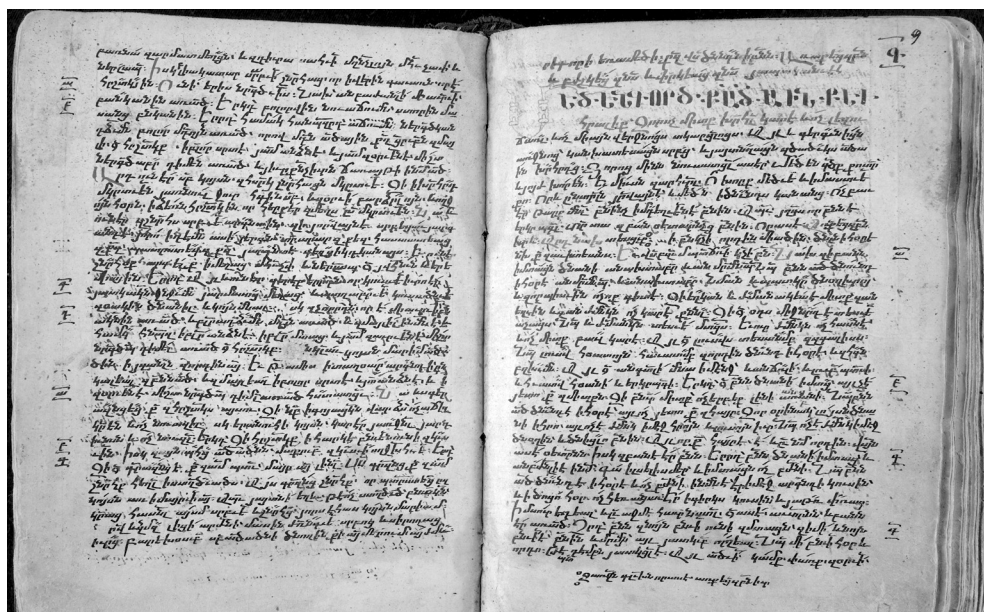

Илл. 11.

Фрагмент Второзакония. На самаритянском языке.

ИВР, Сам. 32, л. 1а. В верхнем левом углу аннотация Акерблада

Известно, что в 1819 г., когда Акерблад умер в Риме, его сестра в Стокгольме предложила Стокгольмской академии древностей приобрести его коллекцию. Оценена она была в 200 рикс-галлеров, но не куплена. В ноябре 1819 г. сестра Акерблада получила предложение от Сухтелена заплатить большую сумму. Не сразу, но сделка состоялась. Что еще входило в коллекцию Акерблада, неизвестно (в ней могли быть камни с надписями и монеты, во всяком случае, в 1822 г. Сухтелен подарил Азиатскому

Илл. 12.

Григор Татеваци. Книга проповедей.

На армянском языке. 1421 г.

ИВР, Арм. В-52, л. 86–9а

Музею не менее 65 восточных монет²⁶), но восточные рукописи в ней были определено. Однако их-то, как выяснилось, Сухтелен купил раньше — еще в 1815 г.

Среди документов хранящегося в РНБ собрания автографов Сухтелена (картон 93, № 2878) нам удалось найти небольшой листок с текстом на французском языке, записанным Акербладом, — краткий перечень рукописей:

“Notice des manuscrits de M.A. ***

1. Fragment fort ancien du deuteronome en lettres Samaritaines.
Ce manuscrit sur parchemin fut acheté par moi même à Jaffa en Palestine.
2. Le nouveaux Testament en grec; manuscrit en parchemin du 13. siècle.
3. deux Ms. Latins. parchemin.
4. 6. manuscrits coptes. papier.
5. 5. manuscrits Éthiopiens, tous en parchemin.
6. 23 ms. Arabes. La bibliothèque orientale de haggi Chalfa qui est du nombre m'a coûtée 50. ducats à Constple.
7. 17. manuscrits Persans, dans quelques-uns de la plus grande beauté, écrits sur papier de Samarcand, le chah-namé contient plus de 70. miniatures.
8. 29. manuscrits Turcs.
9. 3. manuscrits Tartars, parmi lesquels un dictionnaire fort rare Tartar et Turc²⁷.

²⁶ См.: Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 2. 1822, № 70–71.

²⁷ РНБ. Собрание автографов Сухтелена, картон 93, № 2878.

В конце Сухтелен приписал: “*Note, de la main de M. Åkerblad, des Manuscrits que je lui ai achetés en Janv. 1815. S.*” («*Запись, рукой г-на Акерблада, рукописей, которые я у него купил в январе 1815. С[ухтелен]*»).

В записной книжке Акерблада, хранящейся в библиотеке Ватикана²⁸, имеется развернутый перечень книг, в котором кроме одного греческого и двух латинских манускриптов приведены названия 83 восточных рукописей, из них 1 самаритянская, 6 коптских, 5 эфиопских, 23 арабские, 17 персидских, 31 тюркская²⁹.

Описания Акерблада своей краткостью и неопределенностью зачастую существенно отличаются от последующих описаний, что превращает отождествление рукописей в разгадывание ребуса, но вселяет надежду на то, что со временем ко всем манускриптам Акерблада можно будет добавить их современный шифр.

Очевидно, что, живя в Стамбуле и владея турецким, персидским и арабским языками, Акерblad имел возможность для собирательства мусульманских рукописей. Состав его библиотеки обличает в нем знатока и эстета: именно ему принадлежали наиболее старые, редкие и ценные книги из Ориенталии Сухтелена. К сожалению, доподлинно известны обстоятельства приобретения лишь двух из них: сочинение Хаджи Халифы было приобретено Акербладом за 50 дукатов в Константинополе, а фрагмент самаритянского Пятикнижия был куплен в Яффе в 1788 г., когда он, в ожидании идущего в Египет судна, изучал самаритянский язык у представителей общины самаритян.

Что касается коптских и эфиопских рукописей, то все они, как уже отмечалось, принадлежали униатскому коптско-эфиопскому подворью Св. Стефана в Ватикане. Точных данных о том, как они попали к Акербладу, нет, но стоит вспомнить, что он жил в Риме, когда этот город захватили и грабили войска Наполеона. Возможно, Акерblad просто спас эти книги.

У Сухтелена были, без сомнения, и другие источники пополнения восточной коллекции (европейский антикварно-букинистический рынок, личные дары), но они приносили лишь единичные поступления.

Каково значение Ориенталии Сухтелена? Почему собрание было буквально «разорвано на части»?

Первая половина XIX в. — время становления отечественного востоковедения и время создания его источниковедческой базы. Первым собранием восточных рукописей в Петербурге стала Ориенталия секретаря русского посольства в Париже Петра Петровича Дубровского, поступившая в 1805 г. в Публичную библиотеку и насчитывавшая не менее 156 единиц (Васильева, Ришар 2005). Таким образом, по количеству восточное собрание Дубровского соизмеримо с коллекцией Сухтелена, которая содержала не менее 165 восточных рукописных книг и документов, но по художественной ценности, древности и редкости сочинений, безусловно, уступает ей. С собрания Дубровского начался Отдел рукописей Публичной библиотеки. Для Азиатского Музея, созданного в 1818 г., в 1819–1825 гг. была куплена коллекция французского дипломата Ж.-Л. Руссо. Она насчитывает 700 мусульманских рукописей и являет-

²⁸ Vaticani Latini 9785, f. 73–75. Выявлена Ф. Томассеном, который любезно предоставил необходимые для работы данные. Перечень опубликован с указанием современных шифров хранения: (Vasilyeva 2013: 505–510).

²⁹ В конце идет краткий список 24 печатных книг на восточных языках, о местонахождении которых мы пока не можем ничего сказать. Определенно, в библиотеке Сухтелена таковые были (некоторые книги хранятся в Отделе литератур стран Азии и Африки РНБ), но попали ли они к нему с собранием Акерблада или другими путями, сказать трудно.

ся самой крупной из частных коллекций в этот период. В 1823 г. образовано Учебное отделение при Азиатском департаменте МИД, а в 1828 г. в него поступило собрание еще одного дипломата — российского посланника в Стамбуле А.Я. Италинского³⁰. Военные трофеи 1828–1830 гг. Николай I распорядился передать в Императорскую Публичную библиотеку как «памятник силы русского оружия» (Васильева 2012), хотя Азиатский департамент предпринимал попытки получить часть этих трофеев. По всей видимости, распределением в 1836 г. собрания Сухтелена в Азиатский Музей и Учебное отделение царь пытался соблюсти некий баланс между существовавшими к тому времени в Петербурге тремя государственными учреждениями, в стенах которых активно собирались восточные книги. Позднее, в 1855 г., к ним добавился Восточный факультет Петербургского университета, куда часть Ориенталии Сухтелена также попала (с библиотекой Казанского университета). Мистическим образом восточные рукописи этого собрания оказались во всех четырех востоковедных учреждениях Петербурга, включая Публичную библиотеку (теперь в трех).

Перечисленные выше собрания происходили из-за пределов России³¹ — или из стран Востока, или из Европы, и лишь Сухтелен имел оба источника — и на Востоке (Кавказ и Иран), и на Западе (собрание Акерבלада). Восточная часть библиотеки генерал-инженера графа Петра Корнилиевича Сухтелена демонстрирует широту интересов этого неординарного библиофила и в то же время отражает собирательские тенденции европейского ориентализма конца XVIII — начала XIX в. (коллекция Акерבלада), а ее последующая судьба дает повод вспомнить об истории востоковедения в России.

³⁰ Италинский Андрей Яковлевич (1743–1827) закончил, как и Дубровский, Киевскую духовную академию, обучался медицине, археологии и восточным языкам в Англии и Франции; в 1780 г. в Париже, как и Дубровский, был представлен великому князю Павлу Петровичу; в 1781 г. назначен секретарем, а затем послом в Неаполе, с 1801 г. — посол в Стамбуле, с 1817 г. был посланником в Риме, где общался с Акербладом.

³¹ В России было составлено лишь собрание горного инженера Петра Козмича Фролова, купленное Александром I для Публичной библиотеки в 1817 г. В нем насчитывалось помимо древнерусских 65 восточных манускриптов (Васильева 2008).

Таблица 2

Арабографичные рукописи

Описания на латинском и французском языках взяты с корешка переплетов или футляров (прямой шрифт для печатного текста), из аннотаций на наклейках, форзацных или вклеенных листах, а также в рукописном каталоге Аделунга (курсив для рукописного текста). По возможности, при передаче текста сохранена орфография и пунктуация (наличие/отсутствие точек при сокращениях, строчные/прописные буквы и пр.); отточие в угловых скобках означает отсутствие или невозможность прочтения букв или цифр; в угловых скобках также приводятся исправления в тексте. В случае отсутствия старых описаний в квадратных скобках дается краткая аннотация содержания рукописи на русском языке.

В графе «номера в каталогах» указаны номера описания в печатных каталогах (АК; ПК; ТК; Тураев, 1919: 427–438) и (Rosen, 1877; Rosen, 1886; Smirnow; Gunsburg e. a.: 113–127).

В графе «старые номера» указаны номера в описи собрания Акерблада, которые, как нам представляется, относятся к данным рукописям; курсивом даны номера-шифры на форзацных или вклеенных листах, относящиеся ко времени нахождения рукописей у Сухтелена, а также номера и записи предыдущих владельцев.

В последней графе указано место первоначального хранения (Азиатский Музей или Учебное отделение Азиатского департамента МИД), номер по рукописному каталогу Аделунга (РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 215), курсивом приведены указанные в рукописи имена предыдущих владельцев (если нет номера); при необходимости даны другие примечания.

шифр ИВР	старое описание	дата	номера в каталогах	старые номера	примеч.
A-437	Astronom. libri IV Cod. Arab. 673-127<...>	673/1275	АК 5212, 9778; Розен 187	Акерблад 26; <i>mss arabe N. X</i>	Уч. отд. Аделунг 62
A-438	<i>Seid edd. Omar b. Mustaffa ibn Al<...> T<...> Cod<...>H 983<...></i> (наклейка на корешке)	983/1573	АК 9616; Розен 67		Уч. отд. Аделунг 16
A-445	<i>Ibn ul-Faredhi. Diwan (Arabic)</i> (наклейка на корешке)		АК 8569; Розен 93	Акерблад 32; <i>Mss arabe n. VIII</i>	Уч. отд. Аделунг 63
A 449	<i>Catalogus codicum qui asservantur in Bibliotheca sancta Sophia Constantinopolitana</i>		ТК 293; Розен 216	Акерблад 78 <i>Ms. Turcii. № XXX</i>	Уч. отд. Аделунг 8
A-464	Shebistan auctore Fetahy cod. pers. in bomb.		ПК 2303, Розен 102	Акерблад 50 <i>mss persan N. XXII</i>	Уч. отд. Аделунг 70
A-470	Tehweh. Shahidy. Pers. Turc.		ПК 631, ТК 843 Розен 121	Акерблад 73 <i>N. XI</i>	Уч. отд. Аделунг 66
A 472	Insha literae diplomat: sub Nadir-Shah cod. pers	1822	ПК 3353, Ро- зен 27		Уч. отд. Аделунг 67

шифр ИВР	старое описание	дата	номера в каталогах	старые номера	примеч.
A-473	Behastan Auctore Djami cod.pers.	941/ 1534-35	ПК 372, Розен 83	Акерблад 55 <i>Mss Pers. N. XIV</i>	<i>Akerblad Constpole 1792</i> Уч. отд. Аделунг 14
A-475	Bostan Auctore Sadi cod. pers.	962/ 1554	ПК 326, Розен 49	Акерблад 48 <i>Mss Pers. N. XIX</i>	Уч. отд. Аделунг 71
A-477	Boustan de Sa'di		ПК 328, Розен 50	Акерблад 51?	Уч. отд. Аделунг 11
A-478	<i>Divani Saadi (Hafiz сверху) cod. pers. Recueil des odes de Hafiz</i> (на вкладном листе)		ПК 1432, Розен 72	Акерблад 45 <i>Mss Pers. N. V</i>	Уч. отд. Аделунг 58
A-479	Divani Shahy. cod. pers.		ПК 1517, Розен 77	Акерблад 52 <i>Mss Pers. N. VI</i>	Уч. отд. Аделунг 65
A-483	De prosodia persica codd. duo.	922/1516	ПК 924, 1058- 1859, 1960, Розен 101	Акерблад 54 <i>Mss Pers. N. XIII</i>	<i>Akerblad Constpole 1793</i> Уч. отд. Аделунг 13
A-484	Tezkiretu shureta cod.pers.	971/ 1563–1564	ПК 689, Розен 31		Уч. отд. Аделунг 68
A-485	<i>La santé des coeurs ou de corps...</i> (Аделунг) [Медицинское сочинение]		ТК 320; Смирнов 32	Акерблад 71 <i>Codex Turcicus n. XXIX</i>	Уч. отд. Аделунг 97
A-487	Jusuf et Zelikha cod. turc.		ТК 1170 Смирнов 49	Акерблад 70	Уч. отд. Аделунг 93
A-488	Joseph et Zulikha. Poema turc. Auct. Hamdy Cod. bomb.	1574	ТК 1169, Смирнов 50	Акерблад 69 <i>codex turcicus n. XXVI</i>	Уч. отд. Аделунг 72
A-491	Arzou-Khan m.s. Turcicum	1779	ТК 1965, Смирнов 63	Акерблад 61	Уч. отд. Аделунг 96
A 492	Husn dil.	до. 999/ 1590-91	ТК 1825 Смирнов 29	Акерблад 72	Уч. отд. Аделунг 95
B 746	Traité de commerce avec la Russie de 1783. Cod. Turc.		ТК 262.	Акерблад 60	Аз. Муз. Аделунг 31
B 833	Tractatus de astronomia cod.pers bomb (ali koushy)	1031 Коп, свер в 1074	ПК 1887	Акерблад 46 <i>N. 639,a</i>	Аз. Муз. Аделунг 105
B 1016	<i>Leçons de musique en vers et en prose par Farabi. Traiée sur les oiseaux de chasee par Hafez Mohammed Isfahani 1126 d'Hegrie</i>	1126/1714 Бруса	ТК 2201, 2207	Акерблад 58 <i>N. XV</i>	Аз. Муз. Аделунг 27

шифр ИВР	старое описание	дата	номера в каталогах	старые номера	примеч.
B-1025	<i>Aubeid al-<...>. Comment<...> molla-ma<...> Vekaya. Arabica</i> (каранд. на переплете)	1093/1682	АК 3987; Розен 19	Акерблад 28; <i>Mss arabe</i> n. XXV	Уч. отд. Аделунг 44
B-1032	Achbar il duvel ve assa il evel. cod. arab 1008/1599	1157/1744	АК 9397; Розен 54	Акерблад 27; <i>Mss arabe</i> n. 34	Уч. отд. Аделунг 17
B-1042	al-Koran		АК 120; Розен 7	Акерблад 24? N. III mscr 5	<i>Gsellius Cellis</i> Уч. отд. Аделунг 43
B-1045	<i>Traite du maladin du corps human<...> par Avicenna en arabe</i> (каранд. на переп.)		АК 10272; Розен 171	Акерблад 22; n. XX	Уч. отд. Аделунг 21
B-1059	Tractatus de medicina. cod. arab.	1103/1691	АК 10285; Розен 167	N.7; N. 4	Уч. отд. Аделунг 55
B-1069	Codices varii argumenti septem. arab. III pers. IV		АК 6213, 9392, 9681, 9715; ПК 1792, 3157, 3421; Розен 225	Акерблад 25 n. XXIV	Уч. отд. Аделунг 64
B-1093	Mukamat el Hariru. cod. arab.	1004/ 1595-96.	АК 9139; Розен 115	Акерблад 23 <i>Mss arabe</i> n. XI	Уч. отд. Аделунг 52
B-1099	Varia poemata. cod. arab.		АК 8979; Розен 101	Акерблад 31 <i>Mss.arabe</i> n. IX	Уч. отд. Аделунг 49
B-1119	Regis Hel-ad Hist. fab. Cod. arab (<i>le Roi des Inders Hel'ad-</i> корешок)		АК 9116, 9250; Розен 124	<i>Mss arabe</i> n. XIV; N. 2	Уч. отд. Аделунг 38
B-1122	Historioale fabulosae tres incert. auct. cod. arab.		АК 9254-9256; Розен 127	<i>Mss arabe</i> n. XV	Уч. отд. Аделунг 56
B-1125	Ibn Heudjet de Hama. Cod. arab.		АК 9067; Розен 110	Акерблад 21 <i>Mss arabe</i> n. XXIII	Уч. отд. Аделунг 37
B-1150	Chizan ve bedar. Variae narrationes. cod. pers. <i>Хизан ве бехар т.е. осень и весна, разные повести на персидском языке</i> (форзац)	1818 Ардебиль	ПК 1148, Розен 107		Уч. отд. Аделунг 36
B-1152	Tractatus nassirinus moralis et politicus. cod. pers. in bomb.		ПК 76, Розен 109	Акерблад 49 <i>Mss pers</i> N. III	Уч. отд. Аделунг 69
B-1159	Bostan, persice. auctore Sadi	16 в. Шираз	ПК 335, Розен 51	Акерблад 51? <i>Mss pers</i> N. XVIII	Уч. отд. Аделунг 33

шифр ИВР	старое описание	дата	номера в каталогах	старые номера	примеч.
В-1171	Botan. et hist. nat. cod. turc <i>Dictionaire des simples</i> (форзац)	до 1778	ТК 333, Смирнов 33	Акерблад 57	Уч. отд. Аделунг 25
В-1172	De astronomia M.S. turc.		ТК 419, Смирнов 1	Акерблад 64	Уч. отд. Аделунг 79
В-1174	<i>manuscrit turc ou arabe</i> <i>sur 78 f... gr. in 8 cart. à</i> <i>la turque</i> (Аделунг) [Гулдаста = Тарбийя- нама]		ТК 368, Смирнов 24	Акерблад 65 <i>n. XII</i>	Уч. отд. Аделунг 28
В-1178	Vocabularum Tschagatay. cod. turc		ТК 877, Смирнов 81	Акерблад 82	Уч. отд. Аделунг 29
В-1179	Formulae epistolarum		ТК 919, Смирнов 42	Акерблад 59	Уч. отд. Аделунг 26
В-1180	exemplata formular. ms. turc. <i>Formulaire de lettres</i> <i>turque, etc.</i> (форзац)		ТК 928, Смирнов 40	Акерблад 59*	Уч. отд. Аделунг 78
В-1187	Zadiky kitabgar Metchmah al hafaz cod. turc. 1007–1598	1007/1598	ТК 1871, Смирнов 74	Акерблад 83? <i>mss Turc N III</i>	Уч. отд. Аделунг 74
В-1194	Saadi Gulistan cod. pers. cum trad. turc. interl.	1005/1596	ПК 3558 Розен 57	Акерблад 47	Уч. отд. 236 Аделунг 83
В-1198	Divan Hafiz. cod. pers.		ПК 1450, Розен 73	Акерблад 53	Уч. отд. Аделунг 51
В-1204	Nef' y effendi. Poëmata. Cod. Turc.		ТК 1257, Смирнов 57	Акерблад 67 <i>Mss turc N. II</i>	Уч. отд. Аделунг 24
В-1205	Divani Baky cod. turc. 974–1566	1566	ТК 1242, Смирнов 66	Акерблад 68 <i>mss turc N. XXVII</i>	Уч. отд. Аделунг 92
В-1236 копт-ар	Чин страстной седмицы и Св. Пасхи		Тураев, Изв РАН с. 435–437	Акерблад 9?	Аз. Муз. Аделунг 20?
В-1237 копт-ар	Теотокия. Гимны Богоматери		Тураев, с. 477–438	Акерблад 10	Аз. Муз. Аделунг 50?
С 244	Interpretatio religionis per Mohammed Ali Isfahani. Cod. pers. in bomb.	1077/ 1666-67	ПК 727.		Аз. Муз. Аделунг 115
С-703	Kitab tarikh. cod. arab. 1014/ 1605		АК 9343; Розен 37	Акерблад 18 <i>Mss arabe</i> <i>n. XXI; N 10</i>	Уч. отд. Аделунг 98
С-705	al-Koran codex in bombyce.		АК 24; Розен 2	<i>n. I; Alcoranus</i> <i>Arabica</i> 981	Уч. отд. Аделунг 91
С-706	Chems-ed-dini commentaries in Tedgerid al-kalam. cod. arab.	1081/ 1670-71.	АК 5562; Розен 195	<i>N. XXXIII</i>	Уч. отд. Аделунг 118
С-710	<i>De Primis Principis,</i> <i>Grammaticâ Logicâ et</i> <i>historia prophetæ</i> (л. 1а)	950/ 1543-44.	АК 3817; Розен 16	<i>ms arabe n. XXVIII;</i> <i>Fr. Arsenius</i> <i>Rehni Cairi in</i> <i>Egypto</i> <i>1776 N 37</i>	Уч. отд. Аделунг 117

шифр ИВР	старое описание	дата	номера в каталогах	старые номера	примеч.
C-740	<i>livre du paradis arabe</i> (внутри переплета каранд.)		АК 6618; Gunzburg et al. 235	Акерблад 19 <i>n. XVIII</i>	Уч. отд. Аделунг 22
C-777	Gulistan Auctore Saadi Persice codex bomb.	Ок. 1520	ПК 3584, Розен 58		Уч. отд. Аделунг 84
C-792	M.S. persicum. <i>Lumière</i> (Аделунг и на вкл. л.)	посл. треть 16в. 4 мин.	ПК 3673, Розен 113	<i>mss persan</i> <i>N. VIII</i>	Уч. отд. Аделунг 106?
C-795	tarik-h-gouzideh Cod.pers. in bomb.	1451	ПК 16* Розен 5	Акерблад 41 <i>mss. persan</i> <i>N. XII</i>	Уч. отд. Аделунг 109
C-796	Vita Shah-Nadir. cod. pers. in bomb.	18 в.	ПК 502, Розен 19	Акерблад 43? <i>Mss pers.</i> <i>n. XX; N. 21A</i>	Уч. отд. Аделунг 111
C-799	Roswethu-sefa. Hortus deliciarum. cod. pers.	1238/ 1822-23	ПК 2077, Розен 12	<i>N 9</i>	Уч. отд. Аделунг 104
C-800	Historia chronol. Auctore Fassih. Cod. pers. in bomb. 845–1441	1441	ПК 3850 Розен 8	Акерблад 40 <i>mss.</i> <i>persan N. XV</i>	Уч. отд. 271 Аделунг 107
C-806	Kitab nekaristan Cod. turc. bomb.	961/ 1553-54	ТК 1228, Смирнов 52	Акерблад 85 <i>mss turc N. XXV</i>	Уч. отд. Аделунг 103
C-807	Skander-nameh, auct. Nezami <зачеркну- то, сверху–Nevai>. cod. <pers–соскоблено> in bomb		ТК 1151, Смирнов 84	Акерблад 84 <i>N. X</i> 29 (на корешке)	Уч. отд. Аделунг 110
C-816	<i>Moctubat min divan</i> <i>Salatini madji cum</i> <i>commentariis</i> <i>Muhammed Sadr ud-din.</i> <i>cod. persicum</i> (форзац, каранд.)		ПК 4305, Розен 26	Акерблад 42 <i>Mss pers.</i> <i>N. XXI;</i> <i>N. 10</i> (каранд.)	Уч. отд. Аделунг 108
C-822	<i>Schah-name. auctore</i> <i>Ferdoussi</i> (форзац, каранд.)	Ок. 1440– 1450	ПК 2293, Розен 35	Акерблад 39 <i>Mss pers.</i> <i>N. 1</i>	<i>Akerblad.</i> <i>Constpole</i> 1792 Уч. отд. Аделунг 116
C-835	Historiola Turcica. M.S.		ТК 1966, Смирнов 64	Акерблад 76	Уч. отд. Аделунг 81
C-851	Divan, auctore Hafiz cod. arab (sic!) in bomb.		ПК 1463, Розен 68	<i>Mss persan</i> <i>N. IV;</i> <i>N. 3</i> (каранд.)	Уч. отд. -----
C-854	<i>Recueil des odes de</i> <i>Schevket</i> (Аделунг)		ПК 1537, Розен 91	Акерблад 66	Уч. отд. Аделунг 34
C-876 копт-ар	<i>Livre de priers pour les</i> <i>différentes fêtes</i> <i>chrétiennes de l'année</i> (на бум. листе)		Тураев, с. 427–435	Акерблад 7 № 4 касн. черн. на пер.	Аз. Муз. Аделунг 114

шифр ИВР	старое описание	дата	номера в каталогах	старые номера	примеч.
D-154	al-Koran. Cod. bomb.		АК 153; Розен 3		Уч. отд. Аделунг 85
D-165	Kitab erruds-el faik auctore Schouayb-el-Hour		АК 2465; Розен 24	Акерблад 17 <i>Mss Arabe</i> <i>N. XXVII</i>	Уч. отд. Аделунг 99
D-200	Hadju-kalif bibliotheca orientalis cod. arab. in bomb.	до 1164/ 1750-51	АК 9964; Розен 214	Акерблад 16 <i>Mss arab. N. XXIX</i>	Уч. отд. Аделунг 45
D-209	<i>Tazoukât-i Timour</i> (л. 16 каранда. на поле)	1232/ 1816-17	ПК 754, Розен 22		Уч. отд. Аделунг 102
D-214	<i>Ali Efendi Fet<ua>e Mss</i> <i>a. <H. > 1112 ex<...></i> (наклейка на корешке)	1112/1700	ТК 396 Смирнов 2	Акерблад 56 <i>N. XXIV</i> (каранд. л. 1a)	Уч. отд. -----
D-229 копт-ар	Office de la Semaine Sainte	1710	Гинцбург, 238	Акерблад 5	Уч. отд. Аделунг 121
D-230 копт-ар	Leçons et antiemes pour la Semaine Sainte	1771	Гинцбург, 239,	Акерблад 6	Уч. отд. Аделунг 122
E-8	Schah-Nameh id est: Liber Regum. Codex Turcicus. <i>In idiomate Turcico.</i> <i>Liber tractans de Rege</i> <i>cui omnia animalia</i> <i>obedientiam praestant.</i> <i>In versibus</i> (форзац)	1545 2 миниа- тюры	ТК 1197, Смирнов 44	<i>N. 56</i> <i>Mss turc n. 1</i> <i>Ex libris</i> <i>Provinciae</i> <i>Thuringiae</i> <i>Sanctae</i> <i>Elisabeth[ae]</i> <i>F. Arsenius</i> <i>Rehm. Cairi</i> <i>in Egypto 1776</i>	Уч. отд. Аделунг 123

Таблица 3

Армянские рукописи (11)

Во второй графе приведены описания на латинском языке, взятые с вкладных листочков (курсивом), футляров и/или приведенные в краткой описи, опубликованной Дорном (Dorn 1846:742–744; в квадратных скобках); в случае отсутствия таковых приведена аннотация на русском языке на наклейке (курсивом). В четвертой графе дан номер описания в каталоге: (Юзбашян 2005). Помимо этого для рукописей Учебного отделения указаны номера в статье Броссе (Brosset 1838) и в 6-м томе каталога Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères (Gunzburg D.G. e.a. 1891), где описания армянских материалов подготовлены К. Паткановым. В Последней графе указаны места первоначально хранения и приведены номера по описи Аделунга, хранящейся в РГВИА.

шифр	старое описание	дата	номера в каталогах	примеч.
Арм. А 92	<i>Homiliae super. baptisma. Cod. armen.</i>		Юзбашян, 205 Dorn, S. 744	Аз. Муз. Аделунг 15
Арм. В 46	<i>О разделении родов человеческих потом о появлении знаменитых мужей и пророков, разные поучения богословия, физики и законоведения 1082 года ... (наклейка)</i>	1632-1633 Иерусалим	Юзбашян 284 Патканов 261	Уч. отд. Аделунг 18
Арм. В-52	Gregorii Calendarium Perpetuum etc: Cod. Armen. 910=1516 (футляр) <i>Творения Григория непобедимого... (накл.)</i>	1516 (1421 по Юзбашяну)	Юзбашян 290 Brosset, 3 Патканов 259	Уч. отд. Аделунг 89
Арм. В 53	S. Basilii case. cap. arch. Hexaëmeron cod. armen (футляр) <i>Творения Василия Кесарийского Каппадий- ского (накл.)</i>		Юзбашян 291 Патканов 263	Уч. отд. Аделунг 90
Арм. В-54	Homeliarum collectio selecta. Cod. Armen. 1029=1638 (футляр) <i>Собрание отличных произведений и закон духовный... (накл.)</i>	1638 (1534 по Юзбашяну)	Юзбашян 292 Brosset 2 Патканов 258	Уч. отд. Аделунг 75
Арм. В 59	[Explicatio historiae sanctae, Evangeliorum, epistolarum etc. armenice]		Юзбашян 297 Dorn, S. 743	Аз. Муз. Аделунг 23
Арм. В 60	Explicatio libri Hiob. et de ejus patientia. Cod. arm. 786=1388	1388	Юзбашян 298 Dorn, S. 743	Аз. Муз. Аделунг 76
Арм. В-62	<i>Собрание древней или начальной армянской истории, составленной по настоянию царя Исаака Багратуни. — Родословное трех де- тей Ноевых, до Авраама, Ниноса и Арама, и проч. <...> (наклейка; то же на фр. яз.)</i>	1698	Юзбашян 300 Патканов 257	Уч. отд. Аделунг 46
Арм. В 86	<i>Творения философа Давида Нергинского (накл.)</i> Davidis Negrinski. Philosophia moralis... in 4 (Аделунг)	1464	Юзбашян 323 Патканов 262	Уч. отд. Аделунг 88
Арм. В-89	Illustratio epist. cathol. apost. Jacobi. Cod. armen. 1063=1670	1670 (1599 по Юзбашяну)	Юзбашян, 326 Dorn, S. 744	Аз. Муз. Аделунг 77
Арм. С-25	Codex Evangeliorum armenianus. in bomb. 931–1490 (корешок)	1490 (1482 по Юзбашяну)	Юзбашян 405 Патканов 260	Уч. отд. Аделунг 113

Таблица 4

Эфиопские рукописи (5)

Описания даны по каталогу: (Тураев, 1906: 33–46). В четвертой графе указаны номера по описи Акерблада, в пятой — курсивом приведены имеющиеся в рукописях номера Учебного отделения.

шифр	название	номер по каталогу	старые номера	примеч.
Эф. 19	Чудеса владычицы нашей Марии	Тураев 4	Акерблад 15	Уч. отд. 255
Эф. 23	Органон восхваления Богородицы	Тураев 2	Акерблад 13	Уч. отд. 253
Эф. 65	Евангелие от Иоанна и Апокалипсис	Тураев 1	Акерблад 12	Уч. отд. 252
Эф. 66	Гимнологий «Господь воцарися»	Тураев 5	Акерблад 14	Уч. отд. 256
Эф. 69	Служебник	Тураев 3	Акерблад 11	Уч. отд. 254

Таблица 5

Самаритянская рукопись

Во второй графе приведено название с корешка переплета. Новое описание см.: (Жамкоян 1984: 10–11).

шифр	старое описание	старый номер	примеч.
Сам. 32	Fragmentum Deuteronomiae samaritane	Акерблад 2	Аз. Муз. Аделунг 119

Таблица 6

Неотождествленные и предположительно отождествленные рукописи

Номер и описание по списку Аделунга в РГВИА

номер	описание	описание в печ. кат.	примечание
3 <i>Ms. armen.</i>	<i>Manuscrit armenien 89 feuil. pet. in 8 en v.</i>		
5 <i>Ms. armen.</i>	<i>vel. Manuscrit armenien, contenant 176 f... gr. in 12</i>		Эф. 66?
7 <i>Ms turc et arabe</i>	<i>Sententia selecta ex Corane, aliorum qes, partim arabice partim turcice. Joli ms de 219 pages pet. in 8 mar. v. d. s. pl.</i>		

номер	описание	описание в печ. кат.	примечание
10 <i>Ms. armen.</i>	<i>manuscrit arménien sur pap. fort pet. in 16 en veau fermoir</i>		Эф. 69?
19 <i>Ms. copte</i>	<i>Manuscrit copte sur perchamin allez gros. vol. gr. in 12 en v.</i>		Эф. 65.?
39 <i>turc et ou arabe</i>	<i>Ms turc ou arabe de 149 pages in 8 cart.</i>		
47 <i>Ms. copte</i>	<i>Manuscrit copte sur parchemin in 4 en v.</i>		Эф. 23?
57 <i>arabe</i>	<i>Alcoran tres beau manuscrit arabe sur papier de soil , avec des dorures in 8 mar. bleu d'ore, en etui</i>	Rosen, 1877, n. 4 ?	
86 <i>arabe</i>	<i>Alcoran. Tres-beau manuscrit arabe écrit par Ibrahim Mouradah fils de Hafiz 788 (1390) avec des beaux ornemens en or et en couleur. m. fol. rel. en mar. r. dans en étue</i>		
100	<i>Grammaire turque, dursée en 9 ch., une preface et deux tables de matères, l'une en française et l'autre en turc. Cette grammaire est un forme de demandes et de réponses, elle fut composée l'an 1752 par le dragoman ... Deffiu (?), in fol. en vel. verd.</i>		
101 <i>copte</i>	<i>Manuscrit copte sur parchemin in fol. rel. en vel.</i>		Эф. 19?
120	<i>Manuscrit Sanscriti. 7 f. écrit en lettre d'or sur ... du papier bleu ... Fol.</i>		
	Рукописные материалы на западноевропейских языках		
1.	<i>Abuejedae pars II. Autographon Björnstälii</i>		
2.	<i>Ringström. Orthographinski Sammandrag</i>		
3.	<i>Catalogus codd. oriental. Benzeli</i>		
4.	<i>Hallenberg. Catalogus nummorum cuficorum</i>		
5.	<i>Système hiéroglyphique de Champollion</i>		
6.	<i>Collection de 18 Alphabets</i>		
7.	<i>Hasselquist voyage orientale</i>		

Сокращения

ИВР — Институт восточных рукописей Российской академии наук
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 РНБ — Российская национальная библиотека
 СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Литература

- АК (Арабский каталог) — Арабские рукописи Института востоковедения: Краткий каталог / Под ред. А.Б. Халидова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986. Ч. 1–2.
- Васильева 2008 — *Васильева О.В.* Петр Фролов как собиратель памятников письменности Востока // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965–2005). Новосибирск: Новосибирский университет, 2008. Т. 1. С. 91–101.
- Васильева 2011 — *Васильева О.В.* Восточные манускрипты собрания генерала П.К. Сухтелена в Петербургском университете // Модернизация и традиции: 26-я международная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки», 20–22 апреля 2011, Санкт-Петербург. Тезисы докладов. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2011. С. 17–19.
- Васильева 2012 — *Васильева О.В.* «Отдать в Публичную Библиотеку как трофей Российского оружия»: Николай I и отечественное востоковедение // Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций. 10-е Плехановские чтения: материалы конф. Санкт-Петербург, 30 мая — 1 июня 2012. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 169–171.
- Васильева, Ришар 2006 — *Васильева О.В., Ришар Ф.* Петр Дубровский и восточные рукописи его коллекции // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. статей к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.: Российская национальная библиотека, 2006. С. 8–25.
- Жамкочян 1984 — *Жамкочян А.С.* Фрагмент самаритянского Пятикнижия в собрании ЛО ИВ АН СССР № 32 // Седьмая объединенная научная сессия кафедр арабской филологии и семитологии МГУ, ЛГУ, ТГУ и ЕГУ. Тезисы докладов, 27–30 июня 1984 г. Ереван, 1984. С. 10–11.
- ПК (Персидский каталог) — Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Краткий алфавитный каталог / Под ред. Н.Д. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1964. Ч. 1–2.
- Сапожников 2001 — *Сапожников А.И.* Библиотека и коллекции графа П.К. Сухтелена // Книга: исследования и материалы. М.: ТЕРРА, 2001. Сб. 78. С. 280–300.
- Сапожников 2002 — *Сапожников А.И.* Граф П.К. Сухтелен и судьба его библиотеки // Сухтеленские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения графа П.К. Сухтелена. СПб.: Российская национальная библиотека, 2002. С. 5–23.
- ТК (Тюркский каталог) — *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Восточная литература, 2002.
- Тураев 1906 — *Тураев Б.А.* Эфиопские рукописи в С.-Петербурге. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906 (Памятники эфиопской письменности. 3). С. 33–46.
- Тураев 1919 — *Тураев Б.А.* Коптские рукописи Азиатского Музея Российской Академии наук // Известия Российской Академии наук. Петроград, 1919. Сер. 6. Т. 13. С. 427–438.
- Юзбашян 2005 — *Юзбашян К.Н.* Армянские рукописи в петербургских собраниях: каталог. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005 (Православный Палестинский сборник; вып. 104).
- Brosset 1838 — *Brosset Marie-Félicité.* Notices des manuscrits arméniens appartenant à la Bibliothèque de l'Institut Asiatique établi près le Ministère des affaires étrangères, lu le 29 sept. 1837 // Bulletin scientifique, publié par l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. 1838. Т. 3.

- Gunzburg D.G. e.a. 1891 — *Gunzburg David G. e.a. Manuscrits arabes, karchounis, grecs, coptes, ethiopiens, arméniens, grégoriens et babys*. St. Petersburg, 1891 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, 6).
- Dorn 1846 — Dorn Bernhard. *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*. St. Petersburg, 1846.
- Pages — *Pages of perfection: Islamic painting and calligraphy from the Russian Academy of sciences*, St. Petersburg: Catalogue of the exhibition / Ed. by Y. A. Petrosian e.a. Milan, 1995.
- Rosen 1877 — *Rosen Victor R. Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales*. St. Petersburg, 1877 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, 1).
- Rosen 1886 — *Rosen Victor R. Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales*. St. Petersburg, 1886 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, 3).
- Smirnow 1897 — *Smirnow Wasil D. Manuscrits turks de l'Institut des langues orientales*. St. Petersburg, 1897 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, 8).
- Thomasson 2013a — *Thomasson Fredric. The Life of J. D. Åkerblad: Egyptian Decipherment and Orientalism in Revolutionary Times*. Leiden: Brill, 2013.
- Thomasson 2013b — *Thomasson Fredric. Johan David Åkerblad: Orientalist, Traveler, and Manuscript Collector // Studia Orientalia*. Helsinki, 2013. Vol. 114: Travelling through Time: Essays in honor of Kaj Öhrnberg. P. 463–477.
- Vasilyeva 2013 — *Vasilyeva O.V. Åkerblad's Collection in Suchtelen's Orientalia: from Sweden to Russia // Studia Orientalia*. Helsinki, 2013. Vol. 114: Travelling through Time: Essays in honor of Kaj Öhrnberg. P. 493–510.

References

- Arabskii rukopisi Instituta vostokovedeniia: Kratkii catalog. Pod redaktsiiei A.B. Khalidova* [Arabic manuscripts of the Institute for Oriental Studies: A brief catalogue. Edited by A.B. Halidov] Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1986, Part 1–2 (in Russian).
- Brosset, Marie-Félicité. “Notices des manuscrits arméniens appartenant à la Bibliothèque de l'Institut Asiatique établi près le Ministère des affaires étrangères, lu le 29 sept. 1837”. In: *Bulletin scientifique, publié par l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg*, 1838, T. 3.
- Dmitrieva L.V. *Katalog tiurkskih rukopisei Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk* [A Catalogue of the Turkish manuscripts of the Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian).
- Dorn, Bernhard. *Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg*. St. Petersburg, 1846.
- Gunzburg, David G. e.a. *Manuscrits arabes, karchounis, grecs, coptes, ethiopiens, arméniens, grégoriens et babys*. St. Petersburg, 1891 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères; 6).
- Jamkochian A.S. “Fragment samaritanskogo Piatiknijiia v sobranii LO IV AN SSSR № 32” [Fragment of the Samaritan Pentateuch in the collection of the Leningrad branch of the Institute for Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR, № 32]. In: *Sedmaia ob'edinennaia nauchnaia sessia kafedr arabskoi filologii i semitologii MGU, LGU, TGU i EGU: Tezisy dokladov*, 27–30 iunია 1984 g. [The Seventh joint scientific session of Arabic philology departments of the Universities of Moscow, Leningrad, Tbilisi and Erevan: Abstracts, June, 27–30, 1984]. Erevan 1984, pp. 10–11 (in Russian).
- Pages of perfection: Islamic painting and calligraphy from the Russian Academy of Sciences*, St. Petersburg: A Catalogue of the exhibition. Ed. by Y.A. Petrosian e.a. Milan, 1995.
- Persidskie i tadzhiskie rukopisi Instituta narodov Azii AN SSSR: Kratkii alfavitnyi catalog*. Pod red. N.D. Miklukho-Maklaia [Persian and Tajik manuscripts at the Institute of Asian people, the Academy of sciences of USSR, edited by N.D. Miklukho-Maklay]. Moscow: Nauka, 1964, pt 1–2 (in Russian).

- Rosen, Victor R. *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales*. St. Petersburg, 1877 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères; 1).
- Rosen, Victor R. *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales*. St. Petersburg, 1886 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères; 3).
- Sapojnikov A.I. "Biblioteka i kolleksii grafa P.K. Sukhtelena" [The library and collections of Count P.K. Suchtelen]. *Kniga: issledovania i materialy* [The Book: researches and materials.] Moscow: TERRA, 2001, Miscellany 78, pp. 280–290 (in Russian).
- Sapojnikov A.I. "Graf P.K. Sukhtelen i sud'ba ego biblioteki" [Count P.K. Suchtelen and the fate of his library]. In: *Sukhtelenovskii chteniia: Materialy mejdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchonnoi 250-letiiu so dnia rojdeniia grafa P.K. Sukhtelena* [Suchtelen readings: Proceedings of the International scientific conference, dedicated to the 250th anniversary of Count P.K. Suchtelen]. St. Petersburg: National Library of Russia, 2002, pp. 5–23 (in Russian).
- Smirnow, Wasil D. *Manuscrits turks de l'Institut des langues orientales*. St. Petersburg, 1897 (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères; 8).
- Thomasson, Fredric. *The life of J.D. Åkerblad: Egyptian decipherment and Orientalism in revolutionary times*. Leiden: Brill, 2013.
- Thomasson, Fredric. "Johan David Åkerblad: Orientalist, traveler, and manuscript collector". In: *Studia Orientalia*. Helsinki, 2013. Vol. 114: Travelling through Time: Essays in honor of Kaj Öhrnberg, pp. 463–477.
- Turaev B.A. *Efiopskie rukopisi v S.-Peterburge* [Ethiopian manuscripts in St. Petersburg]. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi akademii nauk, 1906, pp. 33–46 (in Russian).
- Turaev B.A. "Koptskiie rukopisi Aziatskogo Muzeia Rossiiskoi Akademii nauk [Coptic manuscripts in the Asiatic Museum of the Russian Academy of sciences]. In: *Izvestiia Rossiiskoi Akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences]. Petrograd, 1919, Series 6, T. 13, pp. 427–438 (in Russian).
- Vasilieva O.V. "Piotr Frolov kak sobiratel' pamiatnikov pis'mennosti Vostoka" [Peter Frolov as a collector of the handwritten monuments of the East]. In: *Drevnerusskoie dukhovnoie nasledie Sibiri: Nauchnoie izuchenie traditsionnoi russkoi knijnosti na Vostoke Rossii (1965–2005)* [Old Russian spiritual heritage in Siberia: Scientific study of Russian book tradition in the East of Russia (1965–2005)]. Novosibirsk: Novosibirskii universitet, 2008, T. 1, pp. 91–101 (in Russian).
- Vasilieva O.V. "Vostochnye manuskripty sobraniia generala P.K. Sukhtelena v Peterburgskom Universite" [Oriental manuscripts from the collection of General P.K. Suchtelen in Petersburg University]. In: *Modernizatsiia i traditsii: 26 mejdunarodnaia konferentsiia "Istochnikovedenie i istoriografiia stran Azii i Afriki", 20–22 aprelia 2011, Sankt-Peterburg: Tezisy dokladov* [Modernization and tradition: the 26th international conference "Source study and historiography of Asian and African countries", April, 20–22, 2011, St. Petersburg: Abstracts]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet, 2011, pp. 17–19 (in Russian).
- Vasilieva O.V. "'Otdat v Publichnuiu biblioteku kak trofei Rossiiskogo oruziia': Nikolai I i otechestvennoie vostokovedeniie" ["To be given to the Public library as a Russian war trophy": Nicholas I and domestic Oriental Studies]. In: *Rossii: sredotochiie narodov i perekrestok tsivilizatsii: 10-e Plekhanovskii chteniia: materialy konferentsii* [Russia: a meeting place of peoples and crossroads of civilizations: the 10th Plekhanov readings: conference papers]. St. Petersburg: National Library of Russia, 2012, pp. 169–171 (in Russian).
- Vasilyeva O.V. "Åkerblad's Collection in Suchtelen's Orientalia: from Sweden to Russia". In: *Studia Orientalia*. Helsinki, 2013. Vol. 114: Travelling through Time: Essays in honor of Kaj Öhrnberg, pp. 493–510.
- Vasilieva O.V., Richard F. "Piotr Dubrovskii i vostochniie rukopisi ego kolleksii" [Peter Dubrovsky and the Oriental manuscripts of his collection]. In: *Istoriia v rukopisiah i rukopisi v istorii: Sbornik statei k 200-letiiu Otdela rukopisei Rossiiskoi natsionalnoi biblioteki* [History in manuscripts and manuscripts in history: A Collection of articles for the 200th anniversary of the Manuscript De-

partment of the National Library of Russia]. St. Petersburg, 2006: National Library of Russia, pp. 8–25 (in Russian).

Yuzbashian K.N. *Armianskiiie rukopisi v peterburgskih sobraniiah: katalog* [Armenian manuscripts in Petersburg depositories: A Catalogue]. St. Petersburg: “Dmitrii Bulanin”, 2005 (Pravoslavni pal-estinskii sbornik; vyp. 104) (in Russian).

**“...Transferred to the Asiatic Museum”:
Orientalia from the Library of General Peter Suchtelen
at the Institute of the Oriental Manuscripts**

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 100–131)

Received 21.03.2016.

Olga V. Vasilyeva

National Library of Russia; Sadovaia ul. 3/1, St. Petersburg, 191069 Russian Federation.

Count Peter K. Suchtelen (1751–1836), a Russian General of Dutch origin, and the Russian ambassador in Sweden, was a passionate book-collector. After his death his huge library was acquired by the Russian government and dispersed between several institutions. The Oriental collection was planned to be put into the Asiatic Museum (Institute of Oriental Manuscripts of today) and the Oriental Institute of the Ministry of the foreign affairs, although in fact it was divided among four depositories. However, later the bulk of the Orientalia came to the Museum, where it was divided between the collections organized by language and graphical principles, thus, now it is very difficult to restore the Suchtelen collection. Besides, several manuscripts are housed in the Oriental Department of the St. Petersburg State University and in the National Library of Russia. The results of our work on the reconstruction of the Suchtelen's Orientalia as well as on the history of its acquisition are presented in this article.

Key words: Peter Suchtelen, collections of the Institute of Oriental Manuscripts, history of Oriental manuscripts' acquisitions.

About the author:

Olga V. Vasilyeva, Head of the Oriental Collection's Section of the Manuscript Department of National Library of Russia (orientsekt@nlr.ru).

Заседание Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, посвященное памяти С.Г. Кляшторного (Санкт-Петербург, 8 февраля 2016 г.)

И.В. Кульганек

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: С.Г. Кляшторный, российская тюркология, древнетюркские рунические памятники, Центральная Азия.

Статья поступила в редакцию 24.03.2016.

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, заведующая сектором Центральной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (kulgan@inbox.ru).

© Кульганек И.В., 2016

8 февраля 2016 г. состоялось мемориальное заседание Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, посвященное Сергею Григорьевичу Кляшторному (1928–2014), видному российскому тюркологу, известному ученому-востоковеду, старейшему сотруднику ИВР РАН, заведующему сектором Центральной Азии и заведующему Отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН, заместителю председателя Российского комитета тюркологов при РАН, почетному профессору ряда зарубежных университетов, почетному члену Турецкого лингвистического общества, Национальной академии наук Кыргызской Республики. С.Г. Кляшторный внес неоценимый вклад в изучение культурного наследия тюркских народов Центральной Азии древнего и раннесредневекового периода.

4 февраля этого года Сергею Григорьевичу исполнилось бы 88 лет. Прошло полтора года после его смерти, последовавшей после продолжительной болезни 20 сентября 2014 г. Мемориальное заседание собрало значительно больше людей, чем первоначально предполагалось. Пришли бывшие коллеги С.Г. Кляшторного из СПбГУ, ИВР РАН, приехали ученые из Москвы, Казани, Саранска.

Заседание открыла директор ИВР РАН, д.и.н. И.Ф. Попова. Она отметила, что Российская академическая наука в лице С.Г. Кляшторного — ученика таких прославленных ученых, как С.Е. Малов, А.Н. Кононов, А.Н. Бернштам, имела специалиста высшей квалификации, который внес огромный вклад в развитие научных знаний по истории Центральной Азии и в собирание и изучение древнетюркских текстов. Она подчеркнула выдающееся значение научных открытий и собирательской деятельности С.Г. Кляшторного в области древнетюркских рунических памятников.

Затем заведующая сектором Центральной Азии ИВР РАН, д.ф.н. И.В. Кульганек предложила презентацию фотографий из фотоархива ученого об экспедициях, путешествиях, научных мероприятиях, в которых принимал участие Сергей Григорьевич, а также о научных встречах с коллегами и учениками. Фоторяд насчитывал более

70 фотографий. Они были отобраны И.В. Кульганек вместе с присутствовавшей на заседании вдовой ученого — А.В. Кляшторной, которая любезно предоставила материалы из семейного фотоархива.

Первым на заседании выступил заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета СПбГУ, д.и.н. Т.И. Султанов — ученик, коллега и соавтор трех монографий и ряда статей С.Г. Кляшторного. Он прочел доклад «Война войной, а обед по расписанию (о войне в Кафиристане в XVI в.)». В основе доклада лежали материалы «Тарих-и Рашиди» Мирзы Хайдара, который лично посетил Кафаристан в 1528 г. и описал свои впечатления об этой стране и ее жителях. Наиболее интересными являлись этнографические зарисовки, которые касались поведения жителей во время военных действий в Кафаристане в рассматриваемый период.

Профессор кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ, д.ф.н. В.Г. Гузев представил доклад «О совместной работе с С.Г. Кляшторным над древней письменностью Великой степи». С.Г. Кляшторным и В.Г. Гузевым в соавторстве было написано более десятка статей на разные темы по древнетюркской рунической письменности. Эти статьи были переведены на английский, турецкий, немецкий языки и стали явлениями высочайшего научного уровня современной мировой лингвистики. В ходе работы ученым удалось обосновать концепцию автохтонного происхождения древнетюркской рунической письменности, сформулировать устройство этого письма и снять многие вопросы, которые задавали ученые в процессе работы над этой темой.

Группа ученых, занимающихся историей науки, — Р.М. Валеева, В.Н. Тугужекова, Ю.А. Мартынова и М.С. Минеева, которую представлял д.и.н., профессор Р.М. Валеев, предложила совместный доклад о восточнотуркестанских дневниках тюрколога, профессора кафедры турецко-татарской словесности Казанского университета, доктора сравнительного языкознания, этнографа и фольклориста, первого хакасского ученого Н.Ф. Катанова. Он посетил Восточный Туркестан во время своих поездок в 1888–1892 гг. в составе научной экспедиции Академии наук. В этот период он побывал также в Сибири и Монголии, где изучал обычаи, быт, язык, фольклор местных тюркских народов.

Д.и.н. А.А. Колесников осветил тему о вкладе С.Г. Кляшторного в военное востоковедение. Докладчик, отметив, что зарождение и становление военного востоковедения в России приходится на вторую половину XIX в., чему способствовала славная когорта генералов и офицеров Генерального штаба Российской империи, получившая востоковедное образование в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Тифлисе, Омске и Владивостоке, констатировал, что завеса секретности, окутывавшая деятельность русской военной разведки в конце XIX — начале XX в., долгое время не позволяла открыто говорить о военном востоковедении, и лишь стараниями ряда отечественных востоковедов, и в первую очередь С.Г. Кляшторного, в середине 70-х годов прошлого столетия было обращено внимание высоких государственных инстанций на необходимость изучения богатейшего наследия русских военных исследователей Востока. С.Г. Кляшторному принадлежит несомненная заслуга в публикации целой серии аналитических материалов русской военной разведки, касающихся Турции, Афганистана, Кашгарии, Японии. Именно по его инициативе офицерами Генштаба СССР была проделана серьезная научная работа по составлению биобиблиографического словаря отечественных военных востоковедов, выявлению и опубликованию архивных материалов миссий и экспедиций русских военных по Центральной Азии, проводятся ежегодные «Снесаревские чтения» и вручается премия имени выдающегося военного востоковеда генерала А.Е. Снесарева.

К.и.н., с.н.с. ИБР РАН А.В. Витол рассказал об ученом и путешественнике И.П. Головачеве (Миролюбове).

С.Г. Кляшторный оставил после себя внушительное научное наследие, в котором только монографий насчитывается около 30 (вместе с соавторскими и разделами в коллективных монографиях), а статей — более 300.

С.Г. Кляшторный был человеком чрезвычайно скромным и доброжелательным. Заседание прошло в дружеской теплой обстановке. Атмосфера заседания была пронизана чувством благодарности учителю и старшему коллеге. По итогам заседания было принято решение проводить подобное мероприятие ежегодно.

**Meeting of the Department of Central and South Asia, IOM RAS,
in memory of S.G. Klyashtorny**
(St. Petersburg, February 8, 2016)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 132–134)

Received 24.03.2016.

Irina V. Kulganek

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: S.G. Klyashtorny, Russian Turcology, ancient-Turkic runic monuments, Central Asia.

About the author:

Irina V. Kulganek, Dr. Sci. (Philology), Head of the Section of Central Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (kulgan@inbox.ru).

Иранистическая конференция памяти О.Ф. Акимушкина

(Санкт-Петербург, 17 февраля 2016 г.)

Ю.А. Иоаннесян

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: иранистика, иранская филология, история Ирана, философия Ирана, культурология.

Статья поступила в редакцию 22.03.2016.

Иоаннесян Юлий Аркадьевич, канд. филологических наук, старший научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (youli19@gmail.com).

© Иоаннесян Ю.А., 2016

17 февраля 2016 г. в ИВР РАН прошла очередная иранистическая конференция, посвященная памяти выдающегося отечественного ираниста, заведующего сектором Среднего Востока нашего Института на протяжении десятилетий О.Ф. Акимушкина (17.02.1929–31.10.2010). Тематика конференции была очень разнообразна, что отражало широчайший круг интересов Олега Федоровича, поэтому помимо «чисто иранистических» докладов на ней были прочитаны и доклады по пограничным темам. Конференция собрала в рамках единого форума специалистов из Санкт-Петербурга (Институт восточных рукописей — ИВР РАН, Санкт-Петербургский государственный университет — СПбГУ, Российская национальная библиотека — РНБ, Национальный исследовательский университет (НИУ) «Высшая школа экономики» и др.) и Москвы (Институт востоковедения — ИВ РАН), представивших 10 докладов.

Р.Ю. Почекаев (НИУ «Высшая школа экономики», СПб. филиал) выступил с докладом «Значение трудов О.Ф. Акимушкина для изучения государственности и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв.». Он подчеркнул, что одним из основных направлений научной деятельности О.Ф. Акимушкина являлось исследование истории Восточного Туркестана — позднесредневековой Кашгарии. Осуществленные Акимушкиным переводы источников, опубликованные им статьи приоткрывают различные аспекты истории этого малоизученного региона. Ученый занимался главным образом периодом XVI–XVII вв., однако результаты его труда во многом помогают исследовать политико-правовые аспекты истории данного региона и в более поздний период — вплоть до последней четверти XIX в. Источниками изучения государственности и права Восточного Туркестана являются исторические хроники, материалы «местного» происхождения, произведения историков соседних государств, а также записки дипломатов и путешественников из России и стран Западной Европы (в первую очередь — Англии). В сочетании весь этот комплекс источников позволяет сформировать более-менее целостное представление как минимум о ряде аспектов

политико-правового развития Восточного Туркестана, основных тенденциях эволюции его государственности и системы права.

В докладе «Восточные манускрипты Вацлава Ржевуского в Санкт-Петербурге» О.В. Васильева (РНБ) отметила, что Вацлав Северин Ржевуский (1784–1831) не был дипломированным востоковедом, но проявлял серьезный интерес к изучению Востока: совместно с австрийским дипломатом и ориенталистом Хаммером издавал первый в мире востоковедный журнал и составил значительную коллекцию восточных манускриптов, которые он приобретал у австрийских дипломатов Валленбурга, Йениша, Хаммера и Домбая, а также, видимо, покупал во время своих поездок в Османскую империю. Немалая часть собрания графа Ржевуского, как удалось установить, сохранилась в Национальной библиотеке Австрии в Вене, куда она поступила в 1831 г. и в 1840-е годы.

Часть собрания — всего девять томов — оказалась в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге в 1833 г. В Санкт-Петербурге в настоящее время находятся пять манускриптов: четыре в ИВР РАН и один — в библиотеке Восточного факультета СПбГУ.

В докладе «Профессиональные приметы и суеверия секретарей-мунши Тимуридской эпохи в трактате Сими Нишапури „Джавхар-и сими“ (837/1433-34)» О.М. Ястребова (РНБ) указала, что Сими Нишапури был иранским каллиграфом и поэтом первой половины XV в. Он родился в Нишапуре и занимал впоследствии должность *китабдара* в Машхаде. Из литературного творчества Нишапури сохранился трактат «Джавхар-и сими» — самое раннее дошедшее до нас персоязычное произведение, в котором описываются способы заточки *калама*, рецепты изготовления различных видов чернил, красок, даются инструкции о том, как выбирать, окрашивать и лощить бумагу, а также советы относительно оформления различных типов официальных и частных документов. Помимо сугубо практических советов в трактате Сими Нишапури есть и такие, которые можно отнести к разряду профессиональных примет и суеверий.

В своем докладе «Хронограммы в ранней паштоязычной историографии» М.С. Пелевин (СПбГУ) остановился на особенностях формы и содержания, а также функциональном назначении стихотворных хронограмм (*тарих*), включенных в прозаический текст «Хатакской хроники» (закончена в 1724 г.), оригинальной части компилятивного историографического сочинения на пашто «Тарих-и мурасса». Вошедшие в «Хронику» хронограммы, в соответствии с традициями персоязычной литературы могольской Индии, в основной массе по форме представляют собой короткие фрагменты (*кит'а*), преимущественно четверостишия, а их основное назначение — фиксация дат рождения и смерти. Немногочисленные хронограммы на пашто частично сохранились в искаженной графической передаче, но в ряде случаев контекст позволяет реконструировать их первоначальный вид.

В представленном докладе «Эсэн-тайши и Вайс-хан: война легитимностей» Ю.И. Дробышев (ИВ РАН) подчеркнул, что Мирза Мухаммад Хайдар сообщает интересные подробности пленения Исаном-тайши (которого он считал ойратским Эсэн-ханом) Вайс-хана (правнука Туглук-Тимура), правившего Моголистаном в 1418–1421 и 1424–1425 гг. Переводчики «Тарих-и Рашиди» полагают, что под Исаном-тайши следует понимать киргизского хана Эсэху. На его примере Хайдар показал неправомочность ойратских притязаний на власть, как считают и китайские историографы. Юного Туглук-Тимура привез из Кульджинского края дуглатский эмир Пуладчи и провозгласил правителем независимого ханства. Возвеличивание Вайс-хана должно было подтвердить легитимность правления линии туглук-тимуридов. Акцент на сце-

не поклонения Исана-тайши Вайс-хану как чингизиду был полезен для легитимации дуглатами власти своих номинальных хозяев, от имени которых они могли вести дела по своему усмотрению.

С.А. Французов (ИВР РАН) выступил с докладом «Сколько арабографичных рукописей попало в Азиатский музей при его основании?». Он сообщил: на основании приведенных О.Ф. Акимушкиным и уточненных автором доклада данных о коллекциях, которые легли в основу собрания Азиатского музея, установлено, что на момент создания в ноябре 1818 г. в его фонды должно было поступить 126 арабографичных рукописей. Автор обратился к «Опыту о Библиотеке и Кабинете Редкостей и Истории Натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук» Иогана Бакмейстера (СПб., 1776) и сумел идентифицировать большинство упомянутых в нем рукописных сочинений, выполненных арабским шрифтом. Арабско-турецкий словарь середины XVI в. «Лугат Ахтери» был обнаружен в фондах ИВР РАН под шифром С 295. Родословие татарских ханов, составленное Абу-л-Гази-ханом (Бахадур-ханом), было похищено иностранным членом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге синологом Г.Ю. Клапротом и вывезено за рубеж в конце 1810 г. Весьма вероятно, что и другие рукописи, упомянутые И. Бакмейстером и отсутствующие в настоящее время в собрании ИВР РАН, разделили судьбу этого труда по генеалогии.

М. Баконина (журналист санкт-петербургского телевидения) в докладе «Новые монеты „Халифата“ — исламская символика и актуальная политика» сообщила, что в ноябре 2014 г. ИГИЛ (запрещено на территории РФ) объявило о намерении выпустить собственную валюту «Халифата». Выпуск «своих» денег, как утверждали идеологи ИГИЛ, необходим для того, чтобы избавить «Халифат» от зависимости от других валют и мировой экономической системы. Помимо экономических были озвучены идеологические причины: пропагандисты ИГИЛ всячески стремятся доказать его исламскую легитимность, и чеканка динаров, дирхамов и фалсов должна была подтвердить преемственность между «Халифатом» образца XXI в. и халифатом Омейядов. В июне 2015 г. было объявлено о выпуске в обращение динаров, дирхамов и фалсов разного достоинства, отчеканенных из золота, серебра и меди с использованием сугубо исламских символов. Из-за понятного недостатка информации с территорий, подконтрольных ИГИЛ, неизвестно, соответствует ли эта информация действительности, а если да, то как эти денежные знаки изменили экономику в новопровозглашенном «Халифате». Однако очевидно, что широко разрекламированный выпуск монет тесно связан с религиозно-политической доктриной ИГИЛ.

О.М. Чунакова (ИВР РАН) посвятила свой доклад «Неопубликованный манихейский фрагмент из коллекции Кохановского» уникальному рукописному фрагменту SI 4909, выполненному на китайском свитке. Фрагмент содержит согдийскую транскрипцию двух текстов: парфянского, на стороне Verso, и среднеперсидского гимна Мани, записанного между столбцами китайского текста на стороне Recto.

А.А. Хисматулин (ИВР РАН) в докладе «Первые переводы хадисов на персидский язык» отметил, что на примере персоязычных сочинений Мухаммада ал-Газали (ум. 505/1111) («Кимийа-йи са'адат», «Зад-и ахират», «Насихат ал-мулук») показаны подходы к переводу, применявшиеся в его время. В частности, один из краеугольных принципов мусульманской юриспруденции — суждение по аналогии (*кийас*), используемый до сих пор, распространялся и на хадисы. Такая методологическая основа допускала семантически эквивалентные замены в хадисах при их переводе и цитировании, это не считалось их намеренным искажением или подделкой. Поэтому какие-либо выводы на основе переведенных хадисов, тем более после двойных или тройных переводов, нужно делать крайне осторожно.

Ю.А. Иоаннесян (ИВР РАН) в докладе «Олицетворение букв *басмалы* и миры бытия в вероучении бабизма» отметил, что основатель бабизма при обозначении последователей различных религий использовал слово «буквы». Термин «Живой/Живущий», представляющий собой одно из имен Бога, прилагался Бабом также и к самому себе. Поэтому «Буквы Живого/Живущего» как термин могли бы пониматься как «последователи Баба». Однако с учетом того, что суммарное числовое значение слова *Хайй* («Живой/Живущий») по *абджаду* равняется 18, термин «Буквы Живого/Живущего» закрепился за восемнадцатью первыми учениками Баба, которые вместе с Бабом составили «первую Единицу (*Вахид*)» откровения Баба — группу из девятнадцати человек. Каждый из них рассматривался как олицетворение одной из девятнадцати букв, составляющих формулу, начинающуюся со слов *Би-сми-ллах*. Баб в своем учении проводил линии соответствий между мирами/сферами бытия, цветом, духовными реалиями человеческой природы и видами откровения, которые символически отображались в словах тем или иным словом бабидской и исламской *басмалы*.

Конференция показала, что подобный формат предоставляет хорошую возможность специалистам в области Среднего Востока и сопредельной тематики, работающим в разных организациях Санкт-Петербурга и других городов, собраться вместе и поделиться результатами своих изысканий.

Iranistic conference in memory of O.F. Akimushkin

(St. Petersburg, February 17, 2016)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 135–138)

Received 23.03.2016.

Youli A. Ioannesyan

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Iranian studies, Iranian philology, history of Iran, philosophy of Iran, cultural studies.

About the author:

Youli A. Ioannesyan, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, IOM RAS (youli19@gmail.com).

1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов «Китай и соседи»

(Санкт-Петербург, 3–4 марта 2016 г.)

Т.А. Пан

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: востоковедение в России, молодые востоковеды, Институт Конфуция, история, культура, Китай, Япония, Корея, Вьетнам

Статья поступила в редакцию 25.03.2016.

Пан Татьяна Александровна, канд. исторических наук, заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ptatiana@inbox.ru).

© Пан Т.А., 2016

Санкт-Петербургская школа востоковедения имеет давнюю традицию научного сотрудничества различных востоковедных центров города. Многие выпускники-востоковеды СПбГУ работают в академических организациях Санкт-Петербурга и страны, изучая культуру, историю, языки и литературу народов Востока по материалам богатых музейных и рукописных коллекций. Продолжение научной традиции возможно только благодаря совместной работе специалистов-востоковедов разных поколений. Своеобразной «лабораторией востоковедов» стала 1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов на тему «Китай и соседи». Конференция была организована 3–4 марта 2016 г. Отделом Дальнего Востока ИВР РАН и Восточным факультетом СПбГУ при поддержке Института Конфуция при СПбГУ. Организаторы определили следующую цель этого мероприятия: дать возможность молодым востоковедам, обучающимся на старших курсах бакалавриата, в магистратуре и аспирантуре, представить свои научные достижения. Оргкомитет конференции (заведующая Отделом Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. Т.А. Пан; н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН к.и.н. В.В. Щепкин и старший преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока СПбГУ к.и.н. Ю.С. Мыльников) предложил довольно широкую тематику докладов: проблемы истории и историографии, культуры и литературы, религии и этнографии, экономики и политики Китая и сопредельных стран с древнейших времен до современности.

На конференцию было заявлено 33 доклада студентов различных кафедр Восточного факультета СПбГУ (истории стран Дальнего Востока; теории общественного развития стран Азии и Африки; теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки; филологии Юго-Восточной Азии и Кореи; монголоведения и тибетологии; японоведения), кафедры философии и культурологии Востока Института философии СПбГУ, кафедры мировой политики факультета международных отношений СПбГУ, кафедры международных отношений Гуманитарного института СПбПУ,

Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ, кафедры музеологии и культурного наследия факультета мировой культуры СПбГИК. В конференции приняли участие гости из других городов: из Казани — студенты и магистранты Казанского (Приволжского) федерального университета, из Благовещенска — магистрантка кафедры религиоведения и истории факультета международных отношений АмГУ, из Москвы — аспирант ИДВ РАН. Заявки на конференцию сопровождалась краткими тезисами докладов, которые должны были быть заверены научными руководителями докладчиков.

На открытии конференции с приветственным словом выступили директор ИВР РАН д.и.н. И.Ф. Попова, первый заместитель декана Восточного факультета СПбГУ к.ф.н. А.А. Родионов и директор Института Конфуция в СПбГУ д-р Чжан Жукуй. После официального открытия всем участникам конференции были предложены ознакомительные экскурсии по Музею истории отечественного востоковедения и Рукописному отделу ИВР РАН, во время которых молодые студенты Института познакомили гостей с историей и коллекцией ИВР РАН.

В течение двух дней интенсивной работы было заслушано 30 докладов на семи заседаниях. Организаторы конференции решили не делить докладчиков по отдельным секциям, а дать возможность участникам присутствовать на всех докладах, поэтому заседания проходили в одном месте — Зеленом зале ИВР РАН (СПб., Дворцовая наб., 18), оборудованном микрофонами, компьютерами и проекторами. Доклады распределялись по следующим тематикам заседаний: традиции и древность Китая (ведущая заседание — д.ф.н. М.Е. Кравцова), современные политические отношения Китая (ведущий — к.ф.н. Д.И. Маяцкий), история науки (ведущая — к.и.н. Т.А. Пан), современное положение в Юго-Восточной Азии (ведущая — ассистент М.Н. Малашевская), литература Юго-Восточной Азии (ведущий — к.ф.н. Д.А. Носов), политика Вьетнама, Японии и Кореи в Новое время (ведущая — ст. преп. М.А. Гулёва), китайское искусство (ведущий — м.н.с. А.Э. Терехов).

В связи с тем, что график работы конференции был довольно плотным, руководители заседаний должны были четко следить за временем доклада и дискуссий. Безусловно, это ставило молодых докладчиков в жесткие рамки подачи материала. Представленные доклады отличались не только тематикой, но и методикой презентации исследуемой темы, однако следует отметить, что все доклады вызвали интерес и сопровождались вопросами и дискуссией. Молодые докладчики с достоинством реагировали на порой сложные вопросы старших коллег. Хотелось бы выделить несколько докладов, отличившихся глубиной исследования темы, источниками, на которых было основано исследование, а также манерой подачи материала, электронными презентациями. По общему мнению старших коллег, можно особо выделить следующие доклады: Д.Д. Селюниной (студентки кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель ст. преп. К.В. Алексеев) «Культ Белых юрт Чингис-хана в Ордосе (на материале монгольской летописи „Шара тууж“)»; А.Ю. Лаисцевой (студентки кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель д.и.н., проф. В.Н. Колотов) «Конфликт на архипелагах Южно-Китайского моря в исторической ретроспективе»; К.К. Петрова (студента кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель д.и.н., проф. Б.Г. Доронин) «Некоторые особенности реставрации монархии в Китае в 1915–1916 гг.»; Н.Ф. Халикова (студента кафедры китаеведения и стран Азиатско-Тихоокеанского региона Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, научный руководитель д.и.н. Д.Е. Мартынов) «Военно-промышленный

комплекс и военный сектор экономики Республики Корея»; А.А. Борькиной (магистрантки кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель к.и.н. В.В. Щепкин) «Дзиппэнся Икку и его сочинение „Токайдотю хидзакуригэ“»; В.П. Хусаиновой (студентки кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель ст. преп. Нгуен Тхи Минь Хань) «Журналистская деятельность вьетнамского писателя Ву Чонг Фунга»; Д.В. Трухан (магистрантки кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель к.и.н. Е.М. Османов) «Социально-политические функции системы санкин котай в Японии эпохи Токугава (1603–1867)»; В.Ю. Лаптевой (студентки кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель ст. преп. К.С. Ефременко) «Особенности письменности *тыи ном* в поэме “*Buóm hoa tân truyên*”»; Ю.А. Дидбаридзе (студентки кафедры международных отношений Гуманитарного института СПбПУ, научный руководитель м.н.с. А.Э. Терехов) «Восприятие *шаниши* (камней для любования) в периоды Тан и Сун».

Научную подготовленность и зрелость продемонстрировали аспиранты А.М. Харитонов (кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ, научный руководитель д.и.н. проф. Н.А. Самойлов) в докладе «Особенности внешней политики КНР в Королевстве Камбоджа в 1950–1960 гг.» и Р.Н. Лобов (Центр корейских исследований ИДВ РАН, научный руководитель к.и.н. К.В. Асмолов) в докладе «Газета „Тонъя ильбо“ как источник по истории взаимоотношений между РК и Японией в 1951–1953 гг.». Они также проявили большую активность в обсуждениях докладов молодых востоковедов.

В течение двух рабочих дней Центр Конфуция помог организовать обеды для участников конференции, которые были предоставлены петербургской сетью ресторанов «Харбин» в качестве спонсорской помощи. Обеды привозились в институт, и благодаря этому даже в свободное от заседаний время участники оставались в атмосфере китайской традиционной культуры.

На заключительном заседании были подведены итоги конференции. Т.А. Пан, А.Э. Терехов и М.А. Гулёва рассказали о своих впечатлениях от докладов и высказали критические пожелания участникам по организации материала и методике исследования. Г-н Чжан Жукуй искренно поддержал стремление молодежи к изучению традиционной культуры и истории Китая и соседних регионов. Он также отметил, что в современном Китае молодежь не всегда может ответить на вопросы, поднятые на проходившей конференции, и интерес российских молодых востоковедов к вопросам древней и современной истории Китая исключительно важен. На этом заседании все докладчики получили подарки в виде книг от Центра Конфуция и Восточного факультета СПбГУ, а также сертификаты участника конференции.

В связи с тем, что в работе конференции приняли участие студенты из различных вузов страны, организаторы предложили присвоить конференции статус всероссийской и продолжить это начинание в будущем. 1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов, организованная по инициативе отдела Дальнего Востока ИВР РАН и Восточного факультета СПбГУ, показала, что она явилась хорошей школой для молодых ученых, дала им возможность представить свои исследования как сверстникам, так и старшим коллегам, проверить свои ораторские способности, увидеть ошибки и достоинства других выступлений. Было решено и в дальнейшем проводить подобную конференцию в начале марта каждого года.

Через три месяца после проведения конференции тексты прочитанных докладов были опубликованы в сборнике, составленном Т.А. Пан, Ю.С. Мыльниковой и В.В. Щепкиным, с учетом высказанных замечаний и под редакцией научных руководителей студентов (1-я научная конференция молодых петербургских востоковедов. Китай и соседи. 3–4 марта 2016 г., Санкт-Петербург. СПб.: ЛЕМА, 2016).

Фоторепортаж с заседаний и вручения сертификатов был сделан фотографом ИВР РАН Светланой Львовной Шевельчинской и полностью помещен в Интернете (<https://cloud.mail.ru/public/8TMV/qXX681U7G>).

The First scientific conference of young Petersburg orientalists “China and its neighbors”

(St. Petersburg, March 3–4, 2016)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3 , pp. 139–142)

Received 25.03.2016.

Tatiana A. Pang

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18,
St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Oriental studies in Russia, young orientalists, Confucius Institute, history, culture of China, Japan, Korea, Vietnam.

About author:

Tatiana A. Pang, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (ptatiana@inbox.ru).

Международная научная конференция памяти В.А. Якобсона «Евреи Европы и Ближнего Востока: традиции и современность. История, языки, литература»

(Санкт-Петербург, 17 апреля 2016 г.)

М.М. Юнусов

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: В.А. Якобсон, клинопись, гебраистика, Древний Восток, право.

Статья поступила в редакцию 26.03.2016.

Юнусов Марат Мингалиевич, канд. исторических наук, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (marat_yunusov@mail.ru).

© Юнусов М.М., 2016

17 апреля 2016 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная научная конференция, посвященная памяти В.А. Якобсона, замечательного востоковеда, крупного специалиста по клинописному праву, блестящего переводчика, замечательного педагога. Конференция была организована Петербургским институтом иудаики (ПИИ), где В.А. Якобсон более четверти века читал лекции по истории Древнего Востока.

В работе конференции приняли участие 48 человек, в том числе 18 зарубежных гостей из Республики Беларусь, Украины, Израиля, Грузии, Болгарии и Польши. Помимо докторов и кандидатов наук, преподавателей и сотрудников научно-исследовательских институтов, организаторы конференции пригласили на форум студентов ПИИ и других вузов Санкт-Петербурга. Пленарное заседание конференции вступительным словом открыл ректор ПИИ профессор Д.А. Эльяшевич. С докладом о роли В.А. Якобсона в науке и преподавательской сфере выступил профессор В.В. Емельянов, отметив удивительное сочетание в одном лице юриста-правоведа и историка-филолога, что позволило Владимиру Ароновичу сделать блестящие выводы относительно сложнейших теоретических проблем государства и права на древнем Ближнем Востоке. Н.О. Чехович, проработавшая с В.А. Якобсоном не одно десятилетие в Институте восточных рукописей РАН — ИВР РАН (ранее Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН), рассказала присутствующим о личных качествах ученого и коллеги. Кроме этого, на пленарном заседании с докладом о своем отце, гебраисте М.Н. Зислине, столетие со дня рождения которого отмечается в этом году, выступил его сын И.М. Зислин (доклад подготовлен совместно с Ю.М. Зислин). Докладчик кратко изложил жизненный и научный путь отца на фоне истории еврейской диаспоры Латвии и Советской России, а также представил основные научные работы ученого, вплоть до последних, опубликованных в Израиле.

Конференция продолжилась в рамках пяти секций: «Эрец-Исраэль в прошлом и настоящем», «Евреи — народ Книги. Перевод как диалог культур», «Политические аспекты еврейской жизни», «Евреи в общественной, деловой и культурной жизни европейских обществ» и «Еврейские общины в странах Восточной Европы».

Работу первой секции открыл доклад В.В. Емельянова (д.филос.н., проф. кафедры семитологии и гебраистики СПбГУ) «Зерно жизни и круг смерти: загадочная табличка Икиши, потомка Экурзакира». Докладчик рассказал о малоизвестной астрологической табличке W22646 позднеавилонского периода, принадлежащей к числу табличек экзорциста Икиши, сына Иштар-шум-эреша, потомка Экурзакира (конец IV в. до н.э.). До сих пор была известна только автография таблички, сопровождаемая неполной транслитерацией и коротким комментарием (SpTU II 43). В.В. Емельянов представил транслитерацию, русский перевод и развернутый комментарий по поводу астрологической системы текста, а также привел ряд параллельных текстов.

Н.О. Чехович (ст. преп. ПИИ, советник ИВР РАН, внештатный сотрудник Государственного Эрмитажа) представила сообщение «Вавилоняне в Яффе? Клинописный документ 571 г. до н.э. и пророчества Иереми и Иезекииля», содержащее анализ необычного по написанию топонима ^{uru}*a-ap-pi šá^mi-di-ku-nu*, который встречается в клинописном документе из архива Эанны, изготовленном в 571 г. до н.э. и опубликованном в книге: *Kristin Kleber. Tempel und Palast* (AOAT 358). Münster, 2008, Nr. 7, S. 78–79. Автор высказала предположение, что это — клинописная передача финикийского названия города Яффа и финикийского личного имени 'Итт-Дагон. Последнее не было, по-видимому, распознано как теофорное вавилонским (урукским) писцом-иноземцем; этим может объясняться замена согласного g>k в имени бога Дагона. Если эта интерпретация верна, то, по мнению Н.О. Чехович, у нас появляется второй город-порт (после Тира), куда приходили вавилоняне в 30-е годы правления Навуходоносора II.

М.М. Юнусов (к.и.н., н.с. ИВР РАН) зачитал доклад «Кто первым из европейцев побывал в Пальмире?», где предложил вниманию присутствующих несколько отрывков из писем и путевых записок путешественников XII и первой половины XVII в., на основании которых в современной литературе утверждается, что Биньямин из Туделы, Пьетро делла Валле и Жан-Батист Тавернье посещали Пальмиру. Благодаря предлагаемому анализу этих текстов более очевидным кажется тот факт, что никто из них лично не был в Пальмире. Таким образом, заслуга открытия Пальмиры современной Европе принадлежит английским негодантам во главе с Р. Хантингтоном, капелланом Левантйской компании в Алеппо, которые в 1678 г. проложили дорогу к легендарному Тадмору всем последующим путешественникам и исследователям.

А. Хасанов (магистрант Института истории СПбГУ) посвятил свой доклад «Роль „добрых услуг“ Швейцарии в осуществлении внешней политики Израиля» современной истории дипломатических отношений, в частности «добрым услугам», оказанным Израилю в разные годы Швейцарией. Автор рассказал, почему и при каких обстоятельствах Израиль доверил Альпийской Конфедерации мандаты по представлению своих интересов. Кроме того, А. Хасанов показал на конкретных примерах, как «добрые услуги» Швейцарии помогли Израилю в осуществлении его внешней политики.

А.Г. Грушевой (к.и.н., с.н.с. ИВР РАН) предложил доклад «К вопросу о взглядах античных авторов на историю иудеев». Среди античных авторов, писавших об иудеях, есть небольшая группа тех, кто воспринимал их историю как процесс (в частности, Гекатей Абдерский, Диодор, Страбон, отчасти Тацит). Большинство из них отме-

чали древность обычаев иудеев и весьма высоко оценивали роль Моисея как пророка и законодателя. Все последующие события истории иудеев воспринимались античными авторами как яркий пример упадка и вырождения прекрасных древних обычаев. В качестве проявления этого упадка античные авторы рассматривали события времени Маккавейских войн. В этих событиях они видели неоправданную жестокость и агрессивность по отношению к соседним народам. Такой взгляд на историю евреев был унаследован раннехристианскими авторами.

О.И. Ремарович (аспирант кафедры истории Национального университета «Киево-Могилянская академия», Украина) выступила с докладом «Деятельность религиозных политических партий в правительстве Государства Израиль как важный фактор для создания коалиционного большинства в период 1948–1977 гг.».

В ходе работы секции «Еврейские общины в странах Восточной Европы» были представлены следующие сообщения:

А.И. Хаеша (н.с. ПИИ) — «Национально-культурная автономия в литовском местечке Жеймялис (1919–1925)». На основе переведенных на русский язык разноязычных архивных документов еврейской общины литовского местечка Жеймялис автор доклада продолжил и закончил начатое на предыдущей конференции описание реализации в местечке концепции национально-культурной автономии. В ее рамках рассмотрены четыре направления деятельности Совета еврейской общины местечка: финансовое, миграционное, метрикационное и синагогальное;

Е.Г. Певзнера (историк, выпускник ПИИ) — «Внешкольная деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России». Это общество (ОПЕ) занималось главным образом поддержкой начального образования. Но, кроме того, уделяло большое внимание внешкольной работе. Последняя включала организацию библиотек и школьно-педагогических музеев для снабжения школ учебными пособиями, устройство народных чтений, экскурсионную работу. ОПЕ, организуя внешкольное образование, старалось расширить кругозор как школьников, так и еврейского населения в целом;

И.В. Масюковой (к.и.н., с.н.с. ИВ РАН) — «Евреи в СССР: иммиграция в Израиль в 1970-х годах (на примере еврейской общины Грузии)». В докладе был дан анализ особенностей еврейской эмиграции в Израиль из Грузинской ССР в 1970-х годах: численность, причины эмиграции, роль иудаизма и т.д. И.В. Масюкова предложила к рассмотрению «притягивающие» и «выталкивающие» факторы эмиграции, такие как победа Израиля в Шестидневной войне (1967) и смена руководства Грузии (1972), а также указала на неразрывную связь поколений как один из решающих мотивов еврейской иммиграции в Израиль;

Е.Э. Носенко-Штейн (д.и.н., в.н.с. ИВ РАН и Института этнологии и антропологии РАН) — «Реформистский иудаизм в России: от прошлого к настоящему». Реформистский иудаизм — относительно молодое течение. В России оно начало распространяться в середине XIX в. и в настоящее время представляет собой одну из попыток создания «новой» еврейской самоидентификации. Основываясь на исторических данных и собственном полевом материале, автор доклада представила основные этапы истории этого движения и его современного состояния в России.

Работа секции «Евреи в общественной, деловой и культурной жизни европейских обществ» началась с заслушивания доклада П.В. Лизунова (д.и.н., проф., зав. кафедрой культурологии Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Северодвинск) «Семья банкиров Гинцбургов во Франции». Автор рассказал о еврейской семье купцов и банкиров Гинцбургов, обосновавшихся в 1857 г. в Париже. П.В. Лизунов пока-

зал их частную жизнь и предпринимательскую деятельность во Франции. Гинцбурги первыми из русских банкиров открыли отделение своего петербургского банкирского и торгового дома «И.Е. Гинцбург» за границей. Живя подолгу во Франции, они оставались подданными Российской империи, где владели огромной собственностью и предприятиями.

Д.С. Лавринович (д.и.н., первый проректор Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова, Республика Беларусь) зачитал доклад «И.Д. Ромм и газета „Свободное слово“ (1906–1907 гг.) в общественно-политической жизни западных губерний Российской империи».

Е.В. Хаздан (этномузыковед, кандидат искусствоведения, независимый исследователь, член Союза композиторов РФ) сделала сообщение на тему «Сборник З. Кисельгофа „Для еврейской школы и семьи“: звучание традиции». Сборник песен, опубликованный в 1912 г. Обществом еврейской народной музыки в Санкт-Петербурге, можно рассматривать, по мнению автора, как своего рода индикатор состояния ашкеназской музыкальной культуры в крупных городах Российской империи в начале XX в. Он был востребован и несколько раз переиздавался. Как известно, многоголосное пение не свойственно ашкеназской культуре. Почему же песни в сборнике даны в обработке для трехголосного хора и как пение народных песен в школе может быть связано с еврейской традицией? Е.В. Хаздан представила свое объяснение этого феномена.

В.В. Левченко (к.и.н., доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесского национального морского университета, Украина) представил доклад «Еврейская ветвь генерации профессиональной корпорации одесских историков в первой половине XX в.». На основе архивных материалов и научной литературы В.В. Левченко обозначил еврейскую ветвь генерации профессиональной корпорации ученых-историков Одессы в первой половине XX в. Как показал исследователь, интеграция одесских ученых-историков евреев в научное сообщество СССР в 1920–1930-е годы привела к их уравниванию в количественном соотношении с учеными других национальностей, а в отдельных областях исторической науки они стали ведущими специалистами.

О.Б. Вахромеева (д.и.н., доцент, проф. кафедры истории народов стран СНГ) обратилась к проблемам эмиграции. В своем докладе «Борис Львович Гершун и русская адвокатура в эмиграции (Берлин, Париж, 1920–1950-е гг.): по материалам Бахметевского архива» она изложила биографию присяжного поверенного Б.Л. Гершуна, эмигрировавшего из России в 1918 г. в Берлин, а в 1933 г. — в Париж. Б.Л. Гершун был одним из активных деятелей объединения русских адвокатов в Германии (1918–1933) и во Франции (1933–1954). Занимался проблемами беженцев. Входил в масонские организации. Во время Второй мировой войны находился в лагере в Компьене.

Проблемы литературы и взаимодействия культур обсуждались в секции «Евреи — народ Книги. Перевод как диалог культур». Первый докладчик секции Е.Д. Зарубина (м.н.с. Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН) сделала сообщение: «Референции к Святой Земле как элемент престижной культуры: случаи двух рукописей XVI–XVII вв.». Автор предложила еще одну интерпретацию, объясняющую появление упоминаний Святой Земли в ненаративных источниках, относящихся к итальянским еврейским общинам в XVI–XVII вв. Предложенное прочтение рассматривает эти референции в терминах престижа, в частности культуры престижного потребления. Применимость подхода доказывается на примере двух рукописей указанного периода.

Р. Марчинковски (доктор, профессор, кафедра гебраистики Варшавского университета, член правления Европейского общества профессоров древнееврейского языка, Республика Польша) зачитал доклад «О первом польском издании Мишны», в котором изложил главные проблемы, возникшие во время работы над первым польским изданием Мишны, включая научную подготовку текста и перевод с оригинала, сопровождаемый исчерпывающим комментарием. Основная трудность в работе над Мишной связана со спецификой ее текста, который регулируется определенными правилами и принятыми схемами, в том числе понятиями, избыточными характеристиками для этого типа литературы сокращениями. Содержание Мишны представляет собой главным образом дискуссии мудрецов на определенные темы, написанные юридическим языком *галахи*. Кроме того, Р. Марчинковски высказал некоторые замечания, касающиеся первого польского перевода и подготовки этого важного для иудаизма текста, обращая внимание на способы выражения мыслей авторами Мишны, специфическую терминологию (часто труднопереводимую), подчеркнув, что знание структуры оригинального текста является фактором, облегчающим его понимание. В заключение автор указал, что издание, о котором шла речь, имеет огромное значение для постижения глубинных истоков иудаизма.

С.В. Некрасов (ст. преп. ПИИ, переводчик) обратился к творчеству И. Башевиса Зингера. В сообщении «Рассказ И. Башевиса Зингера „Канун Хануки в Варшаве“: бегство и возвращение» С.В. Некрасов обратил внимание присутствующих на роль, которую в этом рассказе играют детали. Английский перевод рассказа был включен в сборник, предназначенный для детей, но анализ автобиографических и других деталей показывает, что оригинальный текст адресован скорее взрослому читателю, знакомому с еврейскими традициями и литературой на идише.

С.Е. Хаздан (магистрант Института философии СПбГУ) рассказала о еврейских шрифтах, изготовленных и использовавшихся в европейских странах. В докладе «Манускрипт–Инкунабула–Книга: вопросы классификации шрифтов еврейских книг в Европе» С.Е. Хаздан представила историю и классификацию шрифтов (квадратный, полукурсивный, курсивный, «раввинский»), рассказала об основных европейских типографиях и мастерах печатного дела (Лодевейк Эльзевиер, Менаше бен Израэль, Винсент Фитгенс и др.).

И.Г. Ландер (кандидат искусствоведения, доцент Высшей школы печати и медиа-технологий СПбГУ промышленных технологий и дизайна) выступила с сообщением «Образ Шейлока в английской гравюре XVIII–XIX вв. (в собраниях Петербурга)».

Б. Вальдман (PhD, преподаватель Негевского университета имени Д. Бен-Гуриона, Беер-Шева, Израиль) представила слушателям поэзию Бат-Мирьям. В своем докладе «Эрец-Исраэль и Россия в поэзии Бат-Мирьям» автор рассмотрела новое собрание стихотворений израильской поэтессы Йохевед Бат-Мирьям (1901–1980) «Махацит муль махацит. Коль ха-ширим» («Лицом к лицу. Все стихотворения», Иерусалим, 2014), которое включает все поэтические публикации Бат-Мирьям, а также ее выступления и очерки. Ценность сборника состоит и в его справочном аппарате. В 1920-е годы Бат-Мирьям жила в Петрограде (Ленинграде) и входила в круг молодых еврейских писателей, которые творили на иврите. Незадолго до отъезда из России в 1926 г. она писала об Эрец-Исраэль, которая была ее духовной родиной. В 1937 г. она написала цикл стихотворений «Эрец-Исраэль», в котором чувствуется влияние русского символизма: Бат-Мирьям высоко ценила русскую поэзию, прежде всего Пушкина, Блока, Гумилева, Пастернака. А когда Россия начинает войну с нацизмом, поэтесса создает цикл «Ми-ширей Русия» («Из стихов о России»). В 1943 г. переводит с русского на иврит повести В. Василевской «Радуга» и Ник. Анова «Пропавший брат».

П.В. Шилин (бакалавр филологии, выпускник ПИИ, переводчик, преподаватель иврита) выступил с докладом «Особенности передачи устойчивых эпитетов и случаев антономасии в романе „Властелин колец“ Дж.Р.Р. Толкина в переводах Рут Ливнит (1979) и Эммануэля Лоттема (1998)». П.В. Шилин на примерах антономасии и постоянных эпитетов сравнил переводы «Властелина колец», выполненные Рут Ливнит и Эммануэлем Лоттемом, и использованные ими переводческие методики, а также цели переводчиков и их подходы к тексту с учетом отличительных черт переводов.

А.В. Богатырев (к.и.н., с.н.с. Поволжского православного института им. святителя Алексия, митрополита Московского, работник Гуманитарного колледжа, Тольятти) в сообщении «Король Ян III Собеский — „Rex Judaeorum“?» впервые в российской историографии подробно раскрыл тему отношений польского короля Яна III Собеского с еврейским народом. Приведенные различные точки зрения и исторические факты, по мнению автора, заставляют в очередной раз усомниться в исключительно юдофильских настроениях монарха, прозванного «королем евреев».

А.П. Сенченко (магистр истории в области иудаики, аспирант кафедры истории Национального университета «Киево-Могилянская академия», Украина) представил сообщение «Всеобщая воинская повинность и „еврейский вопрос“ в Российской империи в 1874–1884 гг.: статистика об уклонении евреев от воинской службы и дискуссия в русско-еврейской прессе». Автор на основе анализа материалов двух русско-еврейских изданий «Рассвет» и «Русский еврей» показал, как наиболее эмансипированная часть еврейского населения отреагировала на обвинение евреев в уклонении от воинской службы в первое десятилетие после распространения на евреев всеобщей воинской повинности в Российской империи.

М.А. Златина (к.и.н., доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена) прочитала доклад «Еврейские беженцы в Екатеринославской губернии: проблемы с жильем и правом на постоянное проживание (май–декабрь 1915 г.)». В своем докладе М.А. Златина исследовала ряд проблем, с которыми столкнулись центральный и местные еврейские комитеты в процессе размещения еврейских беженцев и высленцев по территории Екатеринославской губернии. Комитеты были вынуждены бороться с нежеланием местной администрации предоставлять еврейским мигрантам право жительства в данной губернии и с постоянными попытками властей выселить новоприбывших евреев в другие регионы Российской империи.

И.А. Лапина (к.и.н., доцент кафедры истории Факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена) выступила с докладом «Народный комиссар Петроградского учебного округа З.Г. Гринберг», посвященным одному из значительных деятелей культурной революции в советской России. Автор представила Гринберга в качестве одного из первых лидеров Петроградского Наркомпроса, обращая внимание на его действия по реформированию школы, привлечению педагогов на сторону новой власти в первые месяцы ее существования. Личностные качества этого человека были раскрыты фрагментами писем, обращенных к нему.

М.Ю. Крапивин (д.и.н., проф. СПбГУ) зачитал сообщение «Директивы по вопросам борьбы с российским сионистским движением в текстах циркулярно-информационных писем Секретного отдела ВЧК (1919–1921)». М.Ю. Крапивин рассматривает эти письма (они имели заголовок «О состоянии и деятельности контрреволюционных партий и организаций») как исторический источник. Всего ВЧК–ГПУ–ОГПУ за 1919–1930 гг. было подготовлено 37 таких писем. Каждое из них (наряду с аналити-

ческими материалами) содержало директивные указания относительно форм и методов борьбы с антисоветским подпольем. Сюжеты, связанные с деятельностью российского сионистского движения, присутствовали в структуре семи писем: № 2 (от 1 октября 1919 г.), № 3 (от 1 января 1920 г.), № 5 (от 1 июля 1920 г.), № 13 (от 1 марта 1921 г.), № 23 (от 30 мая 1922 г.), № 30 (от 10 декабря 1925 г.), № 35 (б/д, не ранее 21 марта и не позднее 14 августа 1929 г.). Автор ограничился обзором только тех писем, в которых освещаются события периода гражданской войны. Выборочное цитирование с последующей разбивкой цитат по тематическим блокам помогает составить рамочное представление о средствах и приемах, использовавшихся органами ВЧК для ограничения и нейтрализации сионистского влияния на еврейское население страны.

А.Е. Локшин (к.и.н., с.н.с. Отдела истории народов России ИВ РАН) в докладе «Сионизм приобретает очень опасный характер в момент роковой схватки пролетариата с буржуазией в мировом масштабе. У истоков борьбы с сионистским движением в Советской России» познакомил присутствующих с архивным документом «Заключение по делу сионистов», который был составлен по результатам проведенного расследования по делу арестованных делегатов сионистского съезда в Москве в апреле 1920 г. Уполномоченный Секретного отдела ВЧК М. Бренер «обосновывает» настоятельную необходимость борьбы и запрета сионистского движения в Советской России и выносит — в духе формирующейся в ту пору советской «правовой» системы — «приговор» ряду участников съезда.

Т.М. Смирнова (д.и.н., проф. Санкт-Петербургского государственного университета авиационного приборостроения) выступила с докладом «Кружковая и общеобразовательная работа Ленинградского еврейского дома просвещения (1930-е гг.)». Она отметила, что основными видами деятельности национальных домов просвещения были массовая и кружковая работа. В обязательный перечень входили политико-просветительские и антирелигиозные кружки, кружки по изучению языков (родного и русского), художественные кружки для взрослых и детей, а также общеобразовательная вечерняя (сменная) школа, кружки самообразования и курсы по подготовке в техникумы и вузы. В 1930-е годы в Ленинградском еврейском доме просвещения работали от 8 до 12 различных кружков, в том числе Еврейский вокальный ансамбль и Еврейская театральная студия. Еврейский дом просвещения был закрыт по решению городского комитета ВКП(б) от 4 октября 1937 г.

Я.В. Карпенкина (аспирант второго года факультета гуманитарных наук Школы исторических наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики») представила доклад «Методы советизации евреев Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.». В докладе были рассмотрены основные пути советизации еврейского населения Западной Белоруссии с сентября 1939 по июнь 1941 г. При этом автор вычленила общее и особенное в советской политике по отношению к еврейскому населению в указанный период на присоединенной территории.

Участникам и гостям был вручен сборник материалов конференции, куда вошли 43 доклада, заявленные в ходе подготовки работы научного форума, включая статьи тех авторов, которые по разным причинам не смогли присутствовать на пленарном и секционных заседаниях.

**International scientific conference in memory of V.A. Jacobson
“Jews in Europe and the Middle East: traditions and modernity.
History, languages and literature”**

(St. Petersburg, April 17, 2016)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 143–150)

Received 26.03.2016.

Marat M. Yunusov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18,
St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: V. A. Iakobson, cuneiform script, Hebrew studies, Ancient World history, law.

About the author:

Marat M. Yunusov, Cand. Sci. (History), Researcher of the Department of Ancient Eastern Studies, IOM RAS (marat_yunusov@mail.ru).

Всероссийская конференция «Буддология в XX веке. К 150-летию академика Федора Ипполитовича Щербатского (19.09.1866–18.03.1942)»

(Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2016 г.)

Т.В. Ермакова

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: Ф.И. Щербатской, буддология, тибетология, Институт буддийской культуры АН СССР, рукописное наследие.

Статья поступила в редакцию 23.03.2016.

Ермакова Татьяна Викторовна, канд. философских наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (taersu@yandex.ru).

© Ермакова Т.В., 2016

Институтом восточных рукописей РАН (ИВР РАН) в ознаменование 150-летия со дня рождения академика Ф.И. Щербатского была проведена Всероссийская конференция «Буддология в XX веке». Замысел организаторов состоял в актуализации роли всемирно известного руководителя ленинградской буддологии 1930-х годов в определении магистральных направлений буддологии XX в., публичном признании масштаба его личности, вклада в методологию перевода и исследования письменных памятников буддийской религиозно-философской мысли. Для реализации этой задачи к участию в конференции были приглашены исследователи, чья работа развивает принципы и направления санкт-петербургской буддологии, сформулированные академиком Ф.И. Щербатским.

Необходимо подчеркнуть, что идея конференции вызвала активный отклик петербургских и московских востоковедов, традиционно принимающих участие в конференциях ИВР РАН, и ученых из Республики Тыва и Республики Бурятия, привлеченных тематикой мероприятия. Всего было проведено четыре заседания, на которых заслушали и обсудили 23 доклада и один стендовый доклад с заочным участием.

На открытии конференции со вступительным словом выступила директор ИВР РАН д.и.н. И.Ф. Попова. Она кратко осветила историю санкт-петербургской буддологической школы, отметив принципиальную роль академика Ф.И. Щербатского как организатора Института буддийской культуры АН СССР — специализированного буддологического института, в деятельности которого, к сожалению, недолгой (1928–1930), нашли практическое воплощение методологические установки ученого в сфере перевода и исследования письменных памятников буддизма.

Первое заседание конференции было посвящено анализу различных сторон научной и научно-организационной деятельности Ф.И. Щербатского.

Е.П. Островская (д.филос.н., зав. сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) в докладе «Вехи научной деятельности академика Ф.И. Щербатского» осветила этап ученичества будущего корифея буддологии у видных востоковедов России (И.П. Минаев) и Европы (Г. Бюлер, Г. Якоби), когда у него постепенно формировался интерес к буддийскому письменному наследию. В докладе было обосновано, что профессиональная подготовка ученого и признание им мирового значения буддийской культуры способствовали его участию в организации и дальнейшей деятельности академического международного научно-издательского проекта “*Bibliotheca Biddhica*”. В докладе был всесторонне освещен также период зрелой научной деятельности Ф.И. Щербатского в 1920–1930-е годы, в ходе которого были созданы оказавшие принципиальное влияние на буддологию XX в. работы по буддийской философии и логике. Е.П. Островская подчеркнула, что Ф.И. Щербатской не был кабинетным ученым, он активно участвовал в работе Академии наук и неизменно занимал патриотическую позицию. Его высокий международный авторитет содействовал восстановлению дипломатических и научных связей России в раннесоветский период.

А.В. Зорин (к.ф.н., с.н.с. Отдела восточных рукописей и документов ИВР РАН) представил доклад «О грамматике тибетского языка Ф.И. Щербатского и А.И. Вострикова», в котором рассказал о перспективах публикации рукописи грамматики из Архива востоковедов ИВР РАН ввиду ее исторического и научного значения. Докладчик подчеркнул, что в данном пособии авторы применили оригинальный подход — грамматические примеры подбирались на основе памятников тибетской литературы.

Т.В. Ермакова (к.филос.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) в докладе «Экспедиционные проекты Ф.И. Щербатского» осветила российскую концепцию подготовки буддологов для научных экспедиций в Тибет на рубеже XIX–XX вв. («буддист-паломник») и роль Ф.И. Щербатского в ее научном обеспечении посредством разработки специальной учебной программы для Г.Ц. Цыбикова и затем Б.Б. Барадийна. Были проанализированы факторы смены организационного и концептуального оформления, задач буддологических экспедиций в 1920-е годы. В этот период базой экспедиций стали буддийские монастыри Забайкалья, и Щербатской конкретизировал экспедиционную задачу для своих учеников и младших коллег А.И. Вострикова и Е.Е. Обермиллера — с привлечением носителей монашеской образованности продвинуть исследование терминов буддийской философии и эпистемологии.

В докладе К.Г. Маранджян (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) «Буддийская часть коллекции японских рукописей и ксилографов ИВР РАН» на примере рукописи конспекта лекций по основным темам буддийского учения, составленного в начале XX в. в Японии, были продемонстрированы историко-культурная уникальность собрания японских рукописей и ксилографов ИВР РАН и перспектива его источниковедческого обследования.

Р.Н. Крапивина (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) представила доклад «Вопросы буддологии в сочинении „Абхисамаяаламкара“». В докладе был освещен вклад Ф.И. Щербатского в публикацию памятников литературы праджняпарамиты. Р.Н. Крапивина подчеркнула, что Ф.И. Щербатской работал с тибетским переводом и комментариями, подготовленными традиционными буддийскими учеными. В докладе также было отмечено, что Ф.И. Щербатской пристально интересовался трактатами, изучавшимися в рамках буддийского монашеского образования.

В.П. Иванов (к.ф.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) осветил палеографические особенности и историю включения в рукописный фонд ИВР РАН одного из уникальных рукописных памятников буддизма в докладе «Рукопись „Бхаванакарамы“ из индийского собрания ИВР РАН как объект научного исследования».

С.Д. Серебряный (д.филос.н., директор Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета, Москва) в докладе «И.П. Минаев и индийские сказки (материалы к биографии учителя Ф.И. Щербатского)» рассказал о замысле и своем участии в проекте издания в Индии в 2015 г. в переводе на английский язык труда И.П. Минаева «Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г.» (СПб., 1876). Инициатива издания принадлежала писательнице Намите Гокхале, уроженке Камаона. В докладе была подчеркнута востребованность в современной Индии работ классика российской индологии, сохранивших уникальные свидетельства индийской культуры XIX в.

На конференции были представлены доклады ученых из традиционных регионов буддийской культуры в России — Республики Бурятия и Республики Тыва.

А.А. Базаров (д.филос.н., в.н.с. Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ) в докладе «Дореволюционные бурятские издания „индо-бурятской классики“ в области праманавады» представил результаты своего исследования каталогов монастырских печатен Бурятии на базе Агинского, Цугольского и других крупных монастырей. Они сохранили информацию о тематике буддийского книгоиздания, и это позволило установить, что труды Дигнаги и Дхармакирти воспроизводились наиболее активно.

Ч.О. Адыгбай (к.филос.н., доцент кафедры философии Тувинского государственного университета, г. Кызыл) выступила с докладом «Проблемы преподавания дисциплины „Основы буддийской культуры“». Тема буддийской культуры как основы нравственного воспитания была изложена на базе опыта работы научно-образовательного Центра буддологии и тибетологии Тувинского государственного университета. Докладчица отметила, что обучающиеся проявляют активный интерес к буддийской философии и культуре.

Стендовый доклад «Молодежь Тывы на пути к изучению буддийской философии» прислала А.Б. Чаажытмаа (бакалавр философии, г. Кызыл), развившая актуальную тему буддийских ценностей в контексте современного российского общества. Основной тезис докладчицы: в поисках этнокультурной и мировоззренческой идентичности молодые тувинцы ищут опору в ознакомлении с базовыми положениями буддийской доктрины.

Е.Ю. Харькова (к.и.н.) обобщила свои наблюдения во время посещения Бурятии в 2016 г. В докладе «20 лет работы и перспективы развития Агинской буддийской академии» Е.Ю. Харькова изложила ее историю, проанализировала состав учебных программ академии, составленных согласно образовательному стандарту бурятской традиционной буддийской сангхи России «Буддийские науки». Направления подготовки — буддийская медицина, буддийская философия. В то же время, как подчеркнула докладчица, наметилась устойчивая тенденция к разработке новой образовательной программы, соответствующей Федеральному государственному стандарту высшего образования «Теология» (бакалавриат). Аккредитация позволит выпускникам академии продолжать образование в других учебных заведениях на основе диплома государственного образца.

Ю.В. Болтач (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) представила доклад «Процесс „буддизации“ местных корейских верований по данным „Самгук юса“ (на

материале культа духов местности)». Выбор источника для раскрытия темы Ю.В. Болтач обосновала наличием в его составе сведений о буддийских сакральных локусах и соответствующих им обрядовых практиках. Процесс их буддизации в значительной степени состоял в перекодировании семантики локуса: он объявлялся обителью божества буддийского пантеона в удаленном прошлом.

С.Л. Бурмистров (д.филос.н., в.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) в докладе «Западноевропейская буддология в первой трети XX в.» рассказал о становлении предмета и подходов к исследованию буддизма, заложенных в XIX в. в трудах Г.Т. Колбрука, Ф.М. Мюллера. Был проанализирован вклад Т. Рис-Дэвидса, Л. де ла Валле Пуссена, Э. Сенара, П. Дойссена, Р.К. фон Гарбе. Таким образом, была представлена картина европейского буддологического контекста, синхронного деятельности Ф.И. Щербатского.

П.Д. Ленков (к.и.н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена) посвятил свой доклад «Куй-цзи и его сочинение „Лес знаний сада Дхармы Великой Колесницы“ („Да чэн фа юань и линь чжан“)» принципиально важному для истории школы Фа-сянь тексту, написанному учеником Сюань-цзана. П.Д. Ленков подчеркнул, что созданное в жанре словаря-компендиума произведение не является комментарием, и в этом состоит его историко-культурная ценность.

Аспирант ИВР РАН Е.С. Бушуев в докладе «Социально-политические и историко-культурные обстоятельства развития индийского тантрического буддизма» обозначил факторы мировоззренческой трансформации шиваитских практик, способствовавшие складыванию буддийского тантризма в Индии.

В.Ю. Климов (к.и.н., с.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) выступил с докладом «Практика воззвания имени будды Амида в школе Истинной веры Чистой Земли», в котором на материале писем-посланий Высокоумудрого Рэннэ восстановил картину повседневных религиозных практик последователей Рэннэ.

С.Х. Шомахмадов (к.и.н., с.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) в докладе «Академик В.П. Васильев о перспективах изучения буддийских дхарани» убедительно обосновал приоритет российского ученого в разработке проблемы дхарани как текстов в аспекте их целевого назначения, ситуаций рецитации в буддизме.

А.А. Терентьев (к.и.н., гл. редактор журнала «Буддизм России») выступил по теме «К интерпретации определения „двух истин“ в Мадхьямака-аватаре Чандракирти», представив конкретно-исторический срез важнейшей проблемы буддийской религиозно-философской мысли.

С.Ю. Рыженков (м.н.с. Отдела Дальнего Востока ИВР РАН) в докладе «Дуньхуанские выписки из „Махапаринирвана-махасутры“ (VII–VIII вв.)» на основе проведенного палеографического и текстологического анализа обосновал количественное доминирование указанных выписок, что свидетельствовало о популярности этой сутры.

Д.А. Носов (к.ф.н., м.н.с. Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН) представил доклад «Вклад секретаря Коллегии востоковедов М.Н. Соколова (1890–1937) в сохранение буддийского рукописного наследия», в котором восстановил историю поступления в Азиатский музей (ИВР РАН) монгольской коллекции из Казанской духовной академии, осветив документы об участии в этом гебраиста М.Н. Соколова.

А.И. Андреев (д.и.н., в.н.с. Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) выступил с докладом «Ургинский дневник Ф.И. Щербатского (1905)», основанным на архивных документах из фонда Ф.И. Щербатского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Весной 1905 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии командировал приват-

доцента Санкт-Петербургского университета Ф.И. Щербатского в Ургу, где в то время находился 13-й Далай-лама. В дневнике (май–июль 1905) описаны беседы ученого с Далай-ламой, российским консулом В.Ф. Люба, путешественниками П.К. Козловым и Г.Ц. Цыбиковым, пересказаны разговоры с приближенными Далай-ламы (буряты Дылыков и Галсанов). Таким образом, в докладе была убедительно показана ценность ургинского дневника Ф.И. Щербатского как исторического источника.

Ю.И. Елихина (к.и.н., с.н.с. Отдела Востока Государственного Эрмитажа) прочитала доклад «Тибетская коллекция Эрмитажа в XX веке: собиратели и хранители», в котором рассказала о составе коллекций Э.Э. Ухтомского, А.К. Фаберже, поступлениях от С.Ф. Ольденбурга, Ю.И. Рериха, Б.И. Панкратова. Были освещены история тематических выставок тибетского искусства и участие сотрудников Отдела в экспонировании и научном описании коллекций.

Д.В. Иванов (к.и.н., ст. хранитель фондов Китая и Монголии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого — МАЭ (Кунсткамера) РАН) в докладе «Фотографии Б. Барадийна в собрании МАЭ» представил уникальные свидетельства знаменитого путешествия Б.Б. Барадийна в тибетский монастырь Лавран.

В ходе подведения итогов конференции констатировали, что научная биография и вклад академика Ф.И. Щербатского в развитие буддологии привлекают внимание историков науки и востоковедов вплоть до настоящего времени и проведение такой конференции способствовало обмену опытом и формулированию актуальных направлений в развитии исследований буддизма и истории отечественного востоковедения.

All-Russian conference “Buddhology in the 20th century. 150th anniversary of the Academician Fiodor Ippolitovich Scherbatskoy (19.09.1866–18.03.1942)”
(St. Petersburg, April 25–26, 2016)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 151–155)

Received 23.03.2016.

Tatiana V. Ermakova

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: F.I. Scherbatskoy, buddhology, Tibetology, Institute of Buddhist Culture, USSR AS, written heritage.

About the author:

Tatiana V. Ermakova, Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher of the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (tayersu@yandex.ru).

Рецензия на книгу:

**Esei Penghargaan kepada Professor Emeritus V.I. Braginsky.
Mengharungi Laut Sastera Melayu**

(Festschrift in Honour of Professor Emeritus V.I. Braginsky) /

Murtagh, Ben and Jelani, Harun, eds. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2013. — 700 с. — ISBN 978-983-46-1210-8

Л.В. Горяева

Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: В.И. Брагинский, литературоведение, Малайзия, Индонезия, малайский язык, малайская литература.

Рецензия поступила в редакцию 21.03.2016.

Горяева Любовь Витальевна, канд. филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, РФ, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12 (l.goriaeva@yandex.ru).

© Горяева Л.В., 2016

«Сборник статей, посвященных деятельности заслуженного профессора В.И. Брагинского. Плавание по морю малайской литературы» как бы подытоживает длящуюся более полувека историю плавание по морю малайской литературы виднейшего из современных исследователей в этой области — Владимира Иосифовича Брагинского. Воспитанник Московского университета, многолетний сотрудник Института востоковедения РАН, он с 1993 по 2010 г. был профессором кафедры литератур Юго-Восточной Азии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета (School of Oriental and African Studies — SOAS), а ныне продолжает свою деятельность в звании заслуженного профессора (professor emeritus), автора новых статей и книг. За годы работы в ИВ РАН и SOAS В.И. Брагинский воспитал целую плеяду учеников, в числе которых многие авторы рецензируемого сборника, а также его редакторы: Джелани Харун и Бен Мэртаг.

Не только среди малайстов, но и среди востоковедов иных специальностей едва ли найдешь сегодня ученого, равного В.И. Брагинскому по эрудиции и широте кругозора, по способности объять взором и теоретически осмыслить огромный (и в значительной своей части неизученный) материал. Об этом говорят высказывания его европейских коллег — профессоров А. Шамбер-Луара, А. Тэу и Х. Майера, опубликованные на 4-й сторонке обложки книги. В них отмечается роль ученого в выработке комплексного, системного подхода к изучению наследия классической малайской словесности, выявлении главных пружин и тенденций ее развития, определении ее места в формировании интеллектуального и духовного облика народов малайского мира.

Именно поэтому все без исключения авторы сборника — ученые из России, Малайзии, Индонезии, Великобритании, Нидерландов, Франции и США — при всем разнообразии тематики их статей отдают должное заслугам своего коллеги и учителя. Его перу принадлежат более двух десятков исследовательских монографий, около сотни статей на русском, английском и малайском языках, множество переводов и рецензий. Энциклопедический труд В.И. Брагинского *The Heritage of Traditional Malay Literature* стал новым этапом в малаистике. В нем каждое явление — жанр или памятник — представлено одновременно и как неповторимый феномен своей национальной культуры, и как органичный элемент общемирового историко-литературного процесса.

Естественно поэтому, что большая часть статей сборника связана с кругом научных интересов В.И. Брагинского — малайским письменным наследием, жанрами и памятниками традиционной литературы. Так, в работе Мухаммада Салеха Яапара «О понятии „разум“ в малайской письменной традиции» рассматриваются значение пришедшей из арабского языка лексемы *akal* («разум») как в философском, так и в бытовом плане, проблема синонимического использования лексем разного происхождения в отношении базовых абстрактных понятий, а также изменения их значения в текстах нового времени.

Сити Хава Хаджи Саллех («Традиционная малайская литература и современное литературоведение») затрагивает весьма важный для филологов Малайзии и Индонезии вопрос о роли европейцев в изучении письменного наследия этих стран. Критикуя на ряде примеров недостатки, присущие первым публикациям малайских памятников, исследовательница отмечает преимущества филологического подхода к их изданию, преобладающего в последние десятилетия, и дает одобрительную оценку новейшим методам текстологической работы с этими источниками.

Тема эволюции жанра «зеркала для правителей» рассматривается в статье Анри Шамбер-Луара «Дандельс и ал-Газали: политическая доктрина ал-Мисри». Автор прослеживает трансформацию этого жанра на примере трех сочинений малайского писателя начала XIX в., этнического араба Абдуллаха ал-Мисри, где образцом просвещенного государя выступает генерал-губернатор Нидерландской Индии Дандельс, а назидательные истории восходят отчасти к эпохе написания книги, а отчасти — к средневековой традиции дидактической литературы мусульманского Ближнего и Среднего Востока.

Гейс Л. Костер, озаглавивший свою статью «Насколько малайской является амбонская хроника *Хикайат Танах Хиту?*», сравнивает одну из восточноиндонезийских хроник XVII в. с классическими образцами этого жанра — «Повестью о раджах Пасея» и «Малайскими родословиями». Как удалось показать автору статьи, в *Хикайат Танах Хиту*, в отличие от последних, отсутствует мифологическая составляющая сюжета; вместе с тем памятнику присущи героико-эпические мотивы, а также элементы назидательности, общие для большинства малайских хроник.

В статье «Печати как символы власти в „Малайских родословиях“» Аннабел Гэллоп делает попытку проследить историю текста этой важнейшей из хроник региона, опираясь на отдельный элемент повествования — государственную печать как один из главных атрибутов власти. Исследовательница рассматривает все доступные по источникам упоминания этого предмета и его изображения и с их помощью прослеживает связь «Малайских родословий» с хрониками Перака и Аче.

Об основных особенностях малайской традиции рукописания говорится в одноименной статье Дин Чу Мина. В ней подчеркивается взаимовлияние устной и письменной словесности малайского мира, рассказывается о деятельности копиистов,

приобретшей небывалый размах в XIX в., когда были созданы более 10 тыс. манускриптов — не только копий уже существующих памятников, но и оригинальных сочинений. Особое внимание в статье уделено переписчикам как редакторам, толкователям и частично соавторам копируемых текстов, продолжателям традиций малайской книжности.

Джелани Харун посвятил свою статью «*Насихат ал-мулук* — зеркало для правителей шейха Хусайна Ваиза ал-Кашифи» малайской версии одного из сочинений, принадлежащих к распространенному на мусульманском Востоке жанру адаба — литературы просветительской и назидательной направленности. Исследователь дает описание единственной рукописи памятника, приводит его оглавление и список содержащихся в тексте вставных историй, но не высказывает однозначной уверенности в авторстве ал-Кашифи.

Сочинению, рассказывающему о британском вторжении на Яву в 1811 г., посвящена статья Бена Мэртага «Поэма о нападении Англии на Город». В ней проведено сравнение изложения этих событий в поэме с их документальным описанием, сделанным одним из британских офицеров. В статье показано, что для анонимного автора поэмы характерны не только традиционная стилистика, но и более объективный, «журналистский» взгляд на происходящее, беспристрастие в отношении каждой из сторон — приметы нового, переходного этапа в развитии малайской литературы.

Мулайка Хиджас («Плод добрых намерений. Повесть о Дарме Тасиме [рукопись ML 42, Национальная библиотека Индонезии]»), обратившаяся к женской теме в малайской прозе, анализирует один из сюжетов о добродетельной жене-мусульманке в его соотношении с одним из преданий о Пророке и его жене Айше. Отмечая распространенность данного сюжета не только в малайской, но и в яванской традиции, исследовательница характеризует его значение в становлении современной исламской назидательной литературы, адресованной женщинам.

В статье Татьяны Денисовой «Исторические элементы в старых малайских текстах» рассматриваются понятие «историческая литература» и отдельные термины, обозначающие произведения этого жанра, а также его авторов или передатчиков. Автор статьи использует сведения, содержащиеся в колофонах рукописей, и, в частности, указания копиистов на достоверность излагаемых ими событий, и отмечает, что в таких позднейших авторских хрониках, как *Тухфат ан-Нафис* («Драгоценный дар») Раджи Али Хаджи, могли содержаться прямые указания на то, как следует писать исторические сочинения и для чего они предназначены.

Шайфул Бахри Мухаммад Радзи, автор статьи «Мотив сына-ослушника: наследие культуры региона», посвятил ее ставшему одним из ключевых элементов этики народов малайского мира понятию *derhaka* («неподчинение; бунт; измена»). Распространенная в фольклоре тема разрыва сына с матерью, его отказа от своих корней связывается исследователем с мотивом ухода юноши из круга *orang asli* (аборигенов, обитателей глубинных районов Малайского архипелага) в круг *orang laut* (жителей прибрежных районов).

Статья Хадиджи Рахмат «Возвращение к корням: традиция шлет вызов современной литературе Сингапура» критикует подход европейских ученых прошлого к изучению малайского наследия, затруднявший датировку и атрибуцию письменных памятников и препятствовавший аутентичной фиксации текстов фольклорных. В статье показано также, что сегодня классическое наследие служит источником вдохновения для многих современных авторов Сингапура, которые подвергают его творческому переосмыслению в современном контексте.

Об одной из малоизученных литератур малайского мира идет речь в статье Амбуана Хаджи Брахима «Традиционная литература Брунея: любовь и страсть в „Поэме раджан“». Данная тема рассматривается на примере истории отношений морехода и его возлюбленной, описанной с сохранением приемов выразительности, присущих малайской классике, причем автор, вслед за В.И. Брагинским, отмечает связь понятий «любовь» и «прекрасное», прослеживающуюся в поэме.

Харри Авелинг («Индонезийская и малайская литература в Австралии») рисует картину изучения словесности региона островной Юго-Восточной Азии, начатую в Австралии в 50-х годах XX в. с открытием профильных отделений в университетах Сиднея, Мельбурна и Канберры. Перечисляя наиболее известных филологов-индонезистов недавнего прошлого, автор отмечает, что в центре их внимания находилась традиционная словесность — прежде всего литератур Явы и Бали, тогда как их нынешние коллеги сосредоточены по преимуществу на современном литературном процессе.

Лингвистическому анализу произведений эпистолярного жанра посвящена статья Питера Ридделла «Литературный малайский язык ачехского двора: опыт грамматического подхода к морфологии глагола». В работе проводится сравнение классического малайского языка с языком дипломатической переписки ачехских султанов начала XVII в., что позволяет автору сделать вывод о месте малайского языка в Аче, наряду с ачехским и арабским.

О двуязычии у поэтов мусульманского мира говорится в статье Мухаммада Бухари Лубиса «Поэзия *муламма* и *тахаллус* в литературах разных стран». Автор приводит примеры использования в арабописьменной поэзии приема *муламма* — сочетания строк с буквами, содержащими точки, со строками, их лишенными, а также множество примеров двуязычия (персидско-арабского, турецко-арабского, малайско-персидского) и, наконец, использования в стихотворении пяти языков в творчестве поэта Ризи, одного из немногих малайских поэтов — обладателей *тахаллуса* (литературного псевдонима).

Статья Евгении Кукушкиной «Вымышленные текстовые источники как элемент сюжета в малайской прозе и их связь с проблемой идентичности (роман А. Саида „Утренний дождь“») посвящена проблеме ложных библиографических ссылок в романах, где семейная хроника или «внезапно найденный» документ меняет взгляд на историю. «Утренний дождь» повествует о поисках утраченной рукописи «Истории малайской духовности», совершаемых героем в его грезах в поисках ускользнувшей реальности «малайской души».

Ардт Граф в статье «От конкретного цвета к абстрактному свету: об использовании понятий „цвет“ и „свет“ в поэзии А. Латиффа Мохиддина» проводит сравнительный анализ этих понятий в их реальном и символическом значениях, рассматривая их применительно к картинам природы и образу человека. Исследователь отмечает эволюцию в творчестве поэта, где мрачные краски, которыми описана его жизнь в Европе, сменяются яркими цветами, господствующими в стихах Латиффа Мохиддина, созданных после его возвращения на родину, и преобразовавшимися наконец в образы абстрактного «света».

Одному из наиболее важных периодов истории малайской книжности посвящена статья Нориях Таслим «Печатание рукописей в XIX в.: восприятие и социокультурные последствия в малайском обществе». Автор рассказывает в ней о роли миссионерских издательств в распространении печатного дела в малайском мире и сфере их деятельности, о «Малайской литературной серии» Вилкинсона, призванной привлечь местного читателя к собственному культурному наследию, и о мусульманских изда-

тельствах, печатавших литературу учительного содержания, отмечая при этом, что рукописная традиция вплоть до новейшего времени все еще не сдавала своих позиций.

Ян ван дер Путтен («Горе от ума: шутовские процессии мухаррама и карнавальный Бория») проводит сравнение между карнавальной трансформацией дня Св. Николая в Нидерландах и процессиями мухаррама на Пенанге. Исследователь сообщает, что к настоящему времени этот праздник утратил свою религиозную составляющую, межэтнические столкновения мухаррама ушли в прошлое, а сам праздник преобразовался в карнавал Бория, приобретя сугубо зрелищный, развлекательный характер.

В статье Ахмада Камала Абдуллаха «Ренчонг: голос сопротивления и динамизма» рассказано об одном из современных ачехских поэтов — Фикаре В. Эде, в творчестве которого критики обнаруживают сходство с известнейшим индонезийским поэтом недавнего прошлого — Рендрой. Автор подчеркивает увлечение Фикара мистической стороной ислама, бунтарский дух его стихов и противопоставление Аче Индонезии в целом в лице ее столицы — Джакарты. Природную катастрофу — цунами 2004 г. — поэт символически рассматривает как испытание и расплату за господствующий в обществе материализм.

Мохаммад Зариат Абдул Рани («Развитие и смысл понятия „прогресс“ в малайской литературе: предварительные заметки») излагает существующие, порой полярно противоположные взгляды на этот вопрос. В центре внимания автора находится позиция одного из виднейших мусульманских авторитетов нашего времени — Накиба ал-Аттаса, полагающего, что вестернизация с ее стремлением к «прогрессу» выходила исламскую суть малайской культуры. Мнение этого мыслителя созвучно концепции В.И. Брагинского, считающего формирование малайского литературного самосознания итогом развития малайско-мусульманской традиции. Как отмечает автор статьи, под «новой словесностью» следует подразумевать возвращение в литературу концептуальной составляющей (по Брагинскому — «сферы пользы» и «сферы духовного совершенства») и появление взамен понятий «прогресс» (*kemajuan*) и «строительство» (*pembangunan*) термина «восстановление, реставрация» (*pengislahan*), понимаемого как «позитивное развитие».

Как можно заметить, статьи сборника при всем разнообразии их тематики имеют одну общую черту: они связаны с поисками современной культурой Малайзии и Индонезии своего особенного, неповторимого лица. Эту задачу едва ли можно решить, не ответив на множество вопросов, относящихся к событиям прошлого и настоящего, к островной Юго-Восточной Азии в целом и к малоизведанным уголкам ее культурной географии. Здесь не существует «мелких» или «частных» проблем: все они — кирпичи в здании, одним из главных строителей которого был и продолжает быть Владимир Брагинский.

Review of the book:

Esei Penghargaan kepada Professor Emeritus V.I. Braginsky. Mengharungi Laut Sastera Melayu (Festschrift in Honour of Professor Emeritus V.I. Braginsky) /

Murtagh, Ben and Jelani, Harun, eds. Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka, 2013, 700 pp. (in Malay)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 156–161)

Received 21.03.2016.

Liubov V. Gorjaeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IV RAN); ul. Rozhdestvenka 12, Moscow, 107031 Russian Federation.

Key words: V.I. Braginsky, literary studies, Malaysia, Indonesia, the Malay language, Malay literature.

About the author:

Liubov V. Gorjaeva, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, IOS RAS (l.gorjaeva@yandex.ru).

Рецензия на книгу:

108 образов Будды. Исследование коллекции № 5942 из собрания Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН /

Авт.-сост. Е.В. Иванова, А.Ф. Дубровин, отв. ред. И.А. Алимов. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 338 с.

Ю.В. Болтач

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: буддизм, буддийская скульптура, ритуальные принадлежности, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Рецензия поступила в редакцию 22.03.2016.

Болтач Юлия Владимировна, канд. исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (julia.boltach@gmail.com).

© Болтач Ю.В., 2016

Монография Е.В. Ивановой и А.Ф. Дубровина, публикация которой приурочена к трехсотлетию юбилею Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук, посвящена описанию и исследованию коллекции № 5942. Эта коллекция представляет собой самое крупное в МАЭ собрание буддийской скульптуры и ритуальных принадлежностей, насчитывающее более шестисот предметов. Для детального исследования и публикации авторами были отобраны сто восемь изображений — традиционно сакральное в буддизме число.

Книга открывается серией исследовательских статей. В первой из них Е.В. Иванова подробно рассматривает историю данного собрания, поступившего в МАЭ из Музея искусства народов Востока в 1950 г. Анализируя сохранившиеся данные о коллекции (в первую очередь — ярлыки на предметах), автор статьи приходит к выводу, что формирование данного собрания не было результатом чьей-либо целенаправленной работы, а произошло под влиянием обстоятельств, не имеющих отношения к музейному делу. В статье также излагается история изучения коллекции № 5942 и дается обзор посвященных ей научных публикаций.

В совместной статье Е.В. Ивановой и А.Ф. Дубровина детально рассмотрены проблемы атрибуции предметов, входящих в состав этой коллекции. Авторы затрагивают вопросы идентификации изображений, а также определения места и времени изготовления скульптур. Кроме того, в статье приводится краткое описание иконографических типов основных персонажей буддийского пантеона.

Статья Е.Д. Огневой посвящена описанию и анализу надписей на статуях, а также письменных вложений — текстов, помещавшихся при освящении в полые скульптуры.

Эти тексты могут служить важными источниками сведений о происхождении статуи, времени ее создания и возможном авторстве.

Завершающая вводный раздел монографии статья А.Ф. Дубровина содержит техническую информацию, касающуюся способов изготовления литых изображений (литье по выплавляемой модели и полое литье), сплавов, из которых изготавливали статуи, а также методов обработки скульптуры после отливки.

Основную часть монографии составляет детальное иллюстрированное описание ста восьми буддийских скульптур, представляющих коллекцию № 5942. Описание разбито на девять разделов по местам изготовления изображений: Афганистан, Кашмир, Индия, Непал, Тибет, Западный Тибет, Китай, Внутренняя Монголия и Монголия. Каждый раздел открывается введением, в котором дается общая характеристика соответствующей художественной школы на примере изображений из собрания МАЭ.

Описания скульптур внутри каждого раздела выполнены по единой схеме (результаты анализа сплава, материалы, техника, размеры, обоснование атрибуции, иконография, публикации). Описание сопровождается фотографиями статуи в трех ракурсах — спереди, сзади и снизу. Кроме того, крупным планом воспроизводятся наиболее интересные детали изображения.

В Заклучении основной части монографии приводится полный указатель буддийской скульптуры из коллекции № 5942 (390 единиц хранения), который оформлен в виде таблицы, содержащей миниатюрную фотографию каждой скульптуры, ее коллекционный номер, данные коллекционной описи 1952 г. и уточненные данные атрибуции 2011–2013 гг.

Научный аппарат представлен библиографией, двумя глоссариями (персонажей и терминов), а также списком сокращений.

Оценивая книгу в целом, можно сказать, что она выполнена на высочайшем научном уровне. Это относится как к объему проработанного авторами материала, так и к скрупулезности и тщательности его анализа, а также к новизне полученных результатов. Определение места и времени создания скульптур и идентификация изображений — сложнейшая задача, требующая от исследователя огромной эрудиции, внимания и опыта. Представленные в книге описания скульптур дают читателю исчерпывающую информацию о публикуемых изображениях, и эти сведения дополнительно суммируются во вводном разделе книги. Монография, бесспорно, должна представить очень большой интерес для специалистов по искусству стран Дальнего Востока, буддологов, этнографов, историков, религиоведов и всех интересующихся традиционной культурой стран дальневосточного региона.

Учитывая тематику книги — описание и исследование произведений изобразительного искусства — следует отдельно остановиться на технической стороне издания, которая, сразу нужно сказать, вполне соответствует его научному уровню. Прежде всего обращает на себя внимание продуманная верстка, сильно облегчающая работу с текстом. Каждому изображению посвящен отдельный разворот, где по одной и той же схеме скомпонованы заголовок, фотографии скульптуры в различных ракурсах, а также текст описания. Благодаря крупному формату книги и прекрасной полиграфии на иллюстрациях четко различимы мельчайшие детали, и сами исходные фотографии выполнены безупречно. Очень удачно выбрана гарнитура — текст не только красиво сочетается с изображениями, но и легко читается (маленькая, но характерная деталь — даже для немногих присутствующих в тексте китайских иероглифов издатели позаботились подыскать очень тонкий и изящный шрифт). Обложка, титульный лист и шмуцтитулы книги по своему цветовому и композиционному решению прекрасно гармонируют с помещенными в основном тексте фотографиями. Даже такая мелочь,

как вклеенная в книгу закладка, оформлена соответствующим образом — в виде шнура с декоративной картонной этикеткой, на которой проставлены цифры «5942», т.е. номер коллекции.

В целом можно сказать, что издание, выполненное на таком высоком научном, художественном и техническом уровне, с такой любовью, тщательностью и с таким вниманием к мельчайшим деталям, можно само по себе назвать произведением искусства, достойнейшим образом представляющим читателю жемчужину буддийского собрания МАЭ — коллекцию № 5942.

Review of the book:

108 images of Buddha. Research of collection No. 5942 housed the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS /

Compiled by E.V. Ivanova, A.F. Dubrovin, edited by I.A. Alimov. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, 338 pp. (in Russian)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 162–164)

Received 22.03.2016.

Julia V. Boltach

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Buddhism, Buddhist sculpture, religious materials, Peter Great Museum of Anthropology and Ethnography.

About the author:

Julia V. Boltach, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (julia.boltach@gmail.com).

Рецензия на книгу:

**Буддийские ритуальные тексты:
по тибетской рукописи XIII в. /**

Факсимиле рукописи; транслитерация А.В. Зорина при участии С.С. Сабруковой; пер. с тибетского, вступит. статья, примеч. и приложение А.В. Зорина; Ин-т восточных рукописей РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2015 (Памятники письменности Востока. CXLVI). — 241 с. — ISBN 978-5-02-036607-7

Е.П. Островская

Институт восточных рукописей РАН

Ключевые слова: буддизм, «Буддийские ритуальные тексты: по тибетской рукописи XIII в.», манускриптология, палеография, тибетские рукописи.

Рецензия поступила в редакцию 21.03.2016.

Островская Елена Петровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (ost-alex@yandex.ru).

© Островская Е.П., 2016

Рецензируемое издание, подготовленное А.В. Зориным, вводит в научный оборот уникальный тибетский манускрипт из собрания ИВР РАН — свиток Дх. Тиб.178, содержащий сборник буддийских ритуальных текстов. Произведения, зафиксированные в нем, — гимны, молитвы, *садханы* (изложения практик «вызывания» и почитания тантрических божеств) — являются ценнейшим совокупным источником для изучения праксеологического аспекта буддизма в его тибетской социокультурной форме.

Необходимо особо подчеркнуть, что в их числе имеются сочинения, не вошедшие в состав тибетского буддийского канона и сохранившиеся, по всей вероятности, только в этом манускрипте, созданном в период формирования свода канонических текстов. Введение данного рукописного памятника в научный оборот открывает перспективу существенного обогащения источниковедческих знаний, проливающих свет на историю буддизма в Тибете.

Наряду с факсимиле рукописи в книге имеется транслитерация текстов, в подготовке которой участвовала коллега А.В. Зорина по работе с фондом тибетских манускриптов и старопечатных изданий ИВР РАН С.С. Сабрукова, и представлены переводы этих произведений на русский язык. В объемном приложении даны переводы избранных фрагментов рукописи на английский язык.

Вступительная статья «Рукописный свиток Дх. Тиб.178 из собрания ИВР РАН — уникальный памятник тибетской ритуалистической литературы» представляет собой высокоинформативное комплексное исследование манускрипта и содержащихся в нем произведений. Статья включает шесть разделов: «Происхождение и датировка», «Палеография и манускриптология», «Структура сборника. Объекты почитания», «Текстологический анализ», «Литературоведческий анализ», «Религиоведческий анализ». Совокупность именно таких проблемно-тематических блоков идеально соответствует задаче многомерного аналитического описания манускриптов, относящихся к области традиционных религиозных идеологий.

Говоря о происхождении свитка Дх. Тиб.178, А.В. Зорин отмечает, что долгое время, начиная с 1913 г., его причисляли к тибетским рукописным находкам, доставленным в Азиатский музей Российской Императорской Академии наук (ныне ИВР РАН) из Дуньхуана (совр. провинция Ганьсу КНР). Однако изучение текстуального содержания манускрипта заставило исследователя усомниться в обоснованности включения этой рукописи в коллекцию тибетских свитков, происходящих из знаменитой дуньхуанской библиотеки. Наиболее поздние манускрипты, отложившиеся в данном древлехранилище, датируются первыми годами XI в. Но в свитке Дх. Тиб.178, как установил А.В. Зорин, содержатся по крайней мере два произведения, принадлежащие Пэл Гало, «известному тибетскому йогину и переводчику XII в., распространителю некоторых тантрических учений в Тибете, в частности Калачакры и Махакалы» (с. 10).

В статье приводятся результаты археографических изысканий и манускриптологических компаративных наблюдений, позволивших исследователю выдвинуть и обосновать предположение о происхождении рукописи Дх. Тиб.178 из Хара-Хото, мертвого тангутского города, открытого в пустыне Гоби прославленным русским путешественником П.К. Козловым (1863–1935). Сопоставив свиток Дх. Тиб.178 с манускриптами, хранящимися в Лондоне, в Британской библиотеке, в коллекции тибетских рукописей из Хара-Хото, А.В. Зорин пришел к выводу, что данный свиток изначально входил в небольшое собрание тибетских рукописных находок, привезенных в Санкт-Петербург П.К. Козловым наряду с огромным количеством письменных памятников на тангутском языке.

Время создания рукописи исследователь определяет, опираясь на уже имеющиеся в науке сведения и проведенный им анализ: «Основная часть текстов из Хара-Хото датируется XII–XIV вв. Наш свиток не мог появиться ранее середины XII в., так как известно, что Пэл Гало умер в самом конце XII в. либо в первые годы XIII в. С другой стороны, он едва ли мог быть создан позже XIV в., поскольку особенностью включенных в него текстов является использование старой тибетской орфографии, вытесненной из обихода примерно к концу XIV в.» (с. 12).

Палеографический и манускриптологический аспекты рукописи охарактеризованы в статье с исключительной тщательностью. Обладая богатой научной эрудицией и талантом к исследованию рукописных артефактов, А.В. Зорин опроверг прежние представления о содержании манускрипта Дх. Тиб.178, обусловленные ошибочным установлением последовательности листов свитка. «Самое беглое ознакомление с текстом рукописи в его исходном виде, — отмечает А.В. Зорин, — показывает, что мы имеем дело не с двумя сочинениями, написанными на лицевой и оборотной стороне <...> но со сборником из более чем двадцати текстов, лишь небольшая часть которых действительно имеется в тибетском буддийском каноне...» (с. 13).

В целом этот раздел вводной статьи насыщен очень интересной информацией о почерках трех переписчиков, участвовавших в создании свитка, и орфографической специфике текста. Подробность и ясность освещения столь сложного материала свидетельствуют о высокой научной культуре, свойственной А.В. Зорину, еще совсем недавно принадлежавшему по возрасту к категории молодых ученых.

На базе изучения орфографических особенностей манускрипта исследователь пришел к заключению, что свиток создавался на этапе постепенного перехода от старой тибетской орфографии к новой. Данный вывод имеет принципиальное научное значение, так как служит основанием отнесения свитка Дх. Тиб.178 к сравнительно узкому кругу старинных тибетских рукописей, известных науке.

Рассматривая структуру сборника, А.В. Зорин классифицирует включенные в него произведения по трем группам в зависимости от объекта религиозного культа: тексты, посвященные Махакале — Вороноликому и Четырехрукому; тексты, свидетельствующие о проникновении в тибетский буддизм культа индуистского бога Вишну, воплощенного в облике Нарасингхи — человека-льва; текст о мандале бодхисаттвы Ваджрапани и восьми царей нагов (мифических змееподобных существ). Из 22 произведений сборника, как показано в данном разделе статьи, только три текста зафиксированы также и в Тэнгьюре, второй части тибетского буддийского канона, а четыре — в семитомном собрании литературы школы *накмодрупа*.

Объекты культа характеризуются А.В. Зориным с учетом их индийского происхождения. При этом подчеркивается тот важнейший социокультурный факт, что в период рецепции буддизма тибетские переводчики передавали имена индийских божеств средствами своего языка, включая в переводе те аспекты семантики имени, которые были исходно связаны с мифологическими сюжетами, неактуальными для буддийской традиции. Такой способ привел в случае Махакалы к утрате в тибетском переводе его имени Накпо-ченпо (*naq po chen po* — «Великий Черный») семантической связи с индуистской мифологией Шивы-Махакалы, господствующего над временем.

Лаконично, но вместе с тем ёмко по содержанию излагает А.В. Зорин сложившуюся в Индии собственно буддийскую мифологию Махакалы.

Большой интерес вызывает проведенное в статье сопоставление икон Вороноликого Махакалы с текстом *садханы*, принадлежащей Нагарджуне, — первого произведения из свитка Дх. Тиб.178. В тексте указываются иконографические признаки, свойственные четырехрукому Джняна-Махакале, покровителю истинного знания, но при этом именуется он Вороном. А.В. Зорин раскрывает семиотические связи Вороноликого и четырехрукого Махакалы (с. 18–19).

Весьма убедительно рассуждает исследователь о синкретическом культе Вишну-Нарасингхи, — божества, включенного в индийскую буддийскую мифологию в статусе защитника и покровителя учения. А.В. Зорин подчеркивает, что манускрипт Дх. Тиб.178 является единственным письменным источником, подтверждающим проникновение культа Вишну-Нарасингхи в Тибет (с. 20). В свитке содержатся восемь произведений, посвященных культу Вишну-Нарасингхи.

В статье подробно проанализирован последний текст из состава сборника, имеющий сложную структуру. А.В. Зорин определил, что это произведение, повествующее в стихотворной форме о мандале бодхисаттвы Ваджрапани и восьми царей нагов, но

не озаглавленное, было составлено тибетским автором. В тибетском буддийском каноне, указывает исследователь, текст не зафиксирован. Рельефно характеризуя образ Ваджрапани, одного из восьми великих бодхисаттв, оформившийся в мифологии махаяны, А.В. Зорин подчеркивает важную роль этого персонажа в пантеоне ваджраяны как слушателя и покровителя тантрических текстов, полученных от Будды-Ваджрадхары.

Справедливо отмечая недостаточную исследованность иконографической группы Ваджрапани и восьми царей нагов, А.В. Зорин выдвигает предположение, что текстовым первоисточником ее живописного изображения служил текст «Сарвадургати-парিশодхана-тантра», относящейся к разряду йога-тантр. Он возводит к этому тексту икону школы *сакья* непальского стиля, созданную в XV в. На ней Ваджрапани представлен одноликим двуруким божеством белого цвета и мирного облика в окружении восьми царей нагов, изображенных в лепестках лотоса. Совмещение бодхисаттвы Ваджрапани и восьми царей нагов в одной мандале А.В. Зорин связывает с легендой о том, как Будда Шакьямуни, укротив огромного змея в Удьяне, назначил Ваджрапани защитником нагов от их врагов — птиц-гаруд. На основе анализа текста из свитка Дх. Тиб.178, повествующего о Ваджрапани в гневном облике, отличным от представленного на сакьяской иконе, исследователь приходит к выводу о наличии у этого персонажа функции повелителя змееподобных существ (с. 21). В статье отмечено ритуальное предназначение текста, направленного на защиту от действия ядов и на устранение болезней, насылаемых нагами.

Текстологический анализ ориентирован на пополнение научных представлений об истории тибетской буддийской литературы, переводной с санскрита и оригинальной. В данном разделе статьи правомерно констатируется поверхностность имеющихся в науке сведений о периоде становления тибетского буддийского канона, почерпнутых по преимуществу из сравнительно поздних источников. В такой ситуации каждая из оказавшихся в распоряжении ученых рукописей того периода чрезвычайно важна для понимания историко-культурной динамики формирования свода канонических текстов. Учитывая это, А.В. Зорин анализирует произведения из свитка Дх. Тиб.178, зафиксированные также и в составе канона, с точки зрения сходства и различия их редакций и использует для сравнения Нартанское, Пекинское и Дэргэское ксилографические издания Кагьюра и Тэнгьюра.

О текстах, посвященных культу Вишну-Нарасингхи, исследователь делает вывод, что эти тибетские переводы индийских произведений, зафиксированные в свитке Дх. Тиб.178, не могли быть включены в канон по причине присущих им ярко выраженных черт религиозного синкретизма. Такое заключение вполне соответствует историческим закономерностям функционирования буддизма как традиционной религиозной идеологии, обладающей фильтром социокультурной селекции письменных источников.

Рассматривая сборник с литературоведческих позиций, А.В. Зорин концентрирует внимание на тантрических гимнах в жанре *стотра* (восхваление) и молитвах. Хотя такие сочинения занимают сравнительно небольшое место в манускрипте, они вполне репрезентативны для выявления типологических композиционных особенностей и стилистических черт ритуалистической поэзии. А.В. Зорин отмечает нерезкую выраженность жанровых отличий гимнов от молитв. Специфика гимнографических произведений прослеживается, по наблюдениям исследователя, в минимизации их молитвенной части или в ее полном отсутствии, а также в преобладании

славословий, адресованных буддам, божествам тантрического пантеона и духовным учителям.

А.В. Зорин определил также жанровую особенность собственно молитвенных текстов — в них не отмечается наличие гимнических слов-маркеров. Смычка жанров происходит не в молитвах, а только в тех гимнографических произведениях, которые содержат более объемную апеллятивную составляющую. Эти и другие, столь же ценные аналитические наблюдения А.В. Зорина над текстами из свитка Дх. Тиб.178 являются серьезным вкладом в изучение буддийской ритуалистической поэзии.

Религиоведческий анализ сфокусирован на описаниях ритуалов. В статье детально препарирована структура тантрических обрядов и воссоздан социокультурный контекст их отправления (с. 35–40). Результаты этой добротной проделанной работы безусловно найдут свое дальнейшее применение не только в исследованиях праксеологического аспекта тибетского буддизма, но и в области этнологического рассмотрения явлений традиционной культуры тибетцев.

Опираясь на труды предшественников, А.В. Зорин показывает неразрывную связь тантрических обрядов с мировоззренческими установками и духовными ценностями махаяны, актуализирующимися в сознании адепта на этапе подготовительных действий, предваряющих отправление ритуала. Однако, подчеркивает он, описания ритуалов, представленные в свитке Дх. Тиб.178, даются в краткой форме, без раскрытия предварительного этапа — порождения мысли о «пустоте» всех явлений и вещей, взаимозависимых по своей природе и в силу этого не обладающих автономным субстанциальным бытием, и сосредоточения на четырех аспектах великого сострадания. А.В. Зорин справедливо полагает, что подготовительные действия, направленные на мировоззренческую легитимацию тантрического ритуала и обеспечение его эффективности, были хорошо известны носителям традиции, а поэтому опускались в лаконичных описаниях обрядов.

Исследователь четко характеризует две разновидности материальных предметов, используемых в тантрических ритуалах: подношения благому адресату образа и символические заместители враждебной персоны, если обряд имел целью уничтожение противника буддийского учения. В свитке Дх. Тиб.178 имеются тексты, содержащие описания ритуалов черной магии, направленных на убийство врага или причинение ему иного вреда. В связи с этим А.В. Зорин высказывает следующее соображение: «Реальное назначение этих текстов в современном тибетском буддизме не вполне ясно. Они больше похожи на реликты прошлого, когда буддизм, развиваясь, абсорбировал в себя все значимые религиозные феномены, включая магию» (с. 37). Прояснение данной проблемы, на мой взгляд, относится к области этнологических и антропологических исследований, ориентированных на сбор эмпирических данных о праксеологическом аспекте тибетского буддизма и, в частности, о практике ритуалов вредоносной магии. Априорное заключение о реликтовом характере подобных явлений культуры представляется мне преждевременным, тем более что и в своем религиоведческом анализе А.В. Зорин отмечает благую религиозную цель ритуально-символического убийства врагов буддийского учения — освобождение их от дальнейшего накопления дурной кармы.

Что касается публикации текстов свитка Дх. Тиб.178, то научная подготовка этой части книги производит превосходное впечатление. Она предваряется эксплицитными разъяснениями условных обозначений, вводными замечаниями по

вопросам транслитерации и необходимыми графическими примерами (с. 41–42). Каждый текст из состава сборника дается в двух вариантах. Первый отражает в транслитерации все особенности манускрипта, включая комментарии, размещенные между строками произведений. Второй представляет собой отредактированный текст, свободный от огрехов и ошибок переписчиков и междустрочных комментариев.

Посвященные культу Махакалы тексты, зафиксированные как в свитке, так и в семитомном издании школы *пакмодрупа*, сопровождаются в примечаниях указаниями разночтений. Поскольку несколько сочинений из манускрипта Дх. Тиб.178 присутствуют также и в составе Тэнгьюра, их отредактированные варианты даются в книге наряду с транслитерацией тех же текстов, выполненной по Дэргэскому изданию. В скобках указаны разночтения по Пекинскому изданию канона. Такой высокопрофессиональный подход к научной публикации рукописного памятника показывает, что в ИВР РАН сохраняются и развиваются академические традиции классического востоковедения.

Не являясь тибетологом, я не могу оценить в филологическом аспекте качество выполненных А.В. Зориным переводов. Но должна сказать, что в передаче на русском языке все без исключения тексты из свитка Дх. Тиб.178 строго сохраняют религиозно-идеологическую специфику буддийской ритуалистической литературы тантрического направления. В примечаниях к переводам по мере необходимости учтены междустрочные комментарии.

Следует отметить, что А.В. Зорин наряду с академическим переводом стихотворных текстов дает их версифицированный перевод, знакомящий читателя с литературной формой этих произведений.

Факсимиле рукописи Дх. Тиб.178 имеет очень высокое полиграфическое качество, что оптимально соответствует общей задаче книги — введению манускрипта в научный оборот на международном уровне. На эту же задачу нацелены и переводы избранных фрагментов рукописи на английский язык (с. 173–200).

Книга снабжена библиографией, релевантной аспектам исследования памятника, и списком интернет-ресурсов по вопросам буддийской иконографии.

Говоря о достоинствах этого первоклассного издания, вышедшего в свет в престижной научно-издательской серии «Памятники письменности Востока», необходимо всемерно подчеркнуть вклад сотрудников издательства С.М. Аникеевой и О.В. Волковой. Благодаря работе этих замечательных профессионалов издательского дела научный труд «Буддийские ритуальные тексты: по тибетской рукописи XIII в.» превратился в шедевр российской востоковедной книжной культуры, знакомящий читателя с одним из уникальных рукописных сокровищ, бережно хранимых в коллекциях ИВР РАН.

Review of the book:

Buddhist ritual texts in the Tibetan manuscript of the 13th century /

Fascimile, transliteration by A.V. Zorin with participation of S.S. Sabrukova, translation from Tibetan, introduction, commentary and supplement by A.V. Zorin. Moscow: Nauka — Vostochnaia literatura, 2015 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka. CXLVI), 241 pp. (in Russian)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2016, volume 13, no. 3, pp. 165–171)

Received 21.03.2016.

Helena P. Ostrovskaya

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya naberezhnaya 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Buddhism, “Buddhist ritual texts based on a 13th-century Tibetan manuscript”, manuscriptology, paleography, Tibetan manuscripts.

About the author:

Helena P. Ostrovskaya, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Head of the Section of South Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, IOM RAS (ostalex@yandex.ru).

**Изабелла Самойловна Гуревич
(1932–2016)**

9 июня 2016 г. Институт восточных рукописей РАН прощался с одним из ведущих российских китайстов, старшим научным сотрудником отдела Дальнего Востока, кандидатом филологических наук Изабеллой Самойловной Гуревич, вся научная жизнь которой была связана с ИВР РАН.

Изабелла Самойловна Гуревич родилась 28 апреля 1932 г. в Кременчуге Полтавской области УССР, в семье служащих. В начале войны, в 1941 г., она с семьей была эвакуирована сначала на Урал, а затем в Ташкент, где и началось ее непосредственное знакомство с восточной культурой. В 1945 г. она закончила среднюю школу на берегах Невы (родителей перевели на работу в Ленинград) и в 1951 г. подала документы на Восточный факультет ЛГУ, но по ряду причин ее не приняли. Тогда Изабелла Самойловна поступила на филологический факультет ЛГУ, но продолжала добиваться возможности учиться на Восточном факультете на китайском отделении. Ей разрешили посещать занятия при условии, что она будет сдавать все экзамены за полный курс на обоих факультетах, а когда появится возможность, ее зачислят на Восточный факультет. В 1953 г. она блестяще сдала экзамены за второй курс и была переведена на третий курс отделения китайской филологии Восточного факультета. Способности и трудолюбие студентки вызвали удивление и уважение преподавателей и профессоров филфака, пытавшихся уговорить ее остаться на факультете, но решение стать китайстом было сильнее.

Окончив с отличием университет в 1956 г., она временно работала переводчицей при группе китайских специалистов на заводе и преподавала русский язык китайцам в институте «Гипроцемент». 1 марта 1957 г. И.С. Гуревич была принята на работу в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР на должность млад-

шего научного сотрудника, а в ноябре 1959 г. — в аспирантуру по специальности «китайское языкознание». Диссертация на тему «Грамматические особенности китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы)» (научный руководитель С.Е. Яхонтов) была защищена в 1964 г. и через десять лет опубликована в виде монографии «Очерк грамматики китайского языка III–V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы)» (М.: Наука; ГРВЛ, 1974).

В тот период (1960–1980-е годы) к основным направлениям деятельности Института относились инвентаризация и каталогизация восточных коллекций, поэтому по окончании аспирантуры в 1962 г. И.С. Гуревич была зачислена в группу по описанию Дунхуанского фонда, а затем в группу по описанию китайских ксилографов. Вместе с коллегами она подготовила два фундаментальных каталога: «Описание китайских рукописей Дунхуанского фонда Института народов Азии» (в соавторстве с М.И. Воробьевой-Десятовской, Л.Н. Меньшиковым, В.С. Спириным, С.А. Школяром; отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М.: ИВЛ, 1963. Вып. 1) и «Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР» (в соавторстве с Б.Б. Вахтиным, Ю.Л. Кролем, Э.С. Стуловой, А.А. Тороповым. М.: ГРВЛ, 1973. В 3 т.). В 1965 г. описание рукописей дунхуанской коллекции было удостоено специальной премии Французской Академии надписей и изящной словесности. По определению Е.И. Кычанова, бесценный опыт и знания, приобретенные в ходе этой ответственной научно-практической работы, а также целеустремленность, неиссякаемое трудолюбие и скрупулезное отношение к исследуемому материалу позволили И.С. Гуревич стать одним из ведущих у нас в стране и за рубежом специалистов по истории грамматики китайского языка.

Первые научные работы и публикации И.С. Гуревич были посвящены теории слова в китайском языке и описательной грамматике конкретных текстов. Это — перевод с грамматическим комментарием памятников «Бай юй цзин» (М.: Наука; ГРВЛ, 1986), «Линь-цзи лу» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001), а также «Хрестоматия по истории китайского языка» в соавторстве с И.Т. Зограф (М.: Наука; ГРВЛ, 1982).

Ее монография «Историческая грамматика китайского языка прозы на байхуа периода Сун-Юань (пинхуа)» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008) представляет собой анализ сложнейшего перехода от классического языка к разговорному. Использование автором методов сравнительно-исторического языкознания позволило выявить характер изменений, произошедших в структуре китайского языка эпохи Сун-Юань. Работа была завершена в 1989 г. и рекомендована Е.И. Кычановым, в то время заведующим сектора историографии и источниковедения Китая и Центральной Азии, к защите в качестве докторской диссертации. К сожалению, это предложение не было реализовано.

Многолетнее изучение языка китайских памятников различных периодов логичным образом привело И.С. Гуревич к проблеме истории становления разговорного стиля *байхуа*. В основополагающей статье «Диахронический аспект анализа языка текстов различных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты» (Письменные памятники Востока, 2012. Том 16. № 3. С. 97–111) автор обращает внимание на то, отличались ли грамматические средства, которыми пользовались создатели текстов в разное время для передачи одного и того же (или весьма близкого) сюжета, и впервые прослеживает изменения грамматических струк-

тур в диахроническом аспекте на материале разных жанров с одинаковым сюжетом, но принадлежащих разным эпохам: *пинхуа* периода Сун-Юань и возникших позднее на их основе романов эпохи Мин в жанре *яньи*.

Одной из научных проблем для И.С. Гуревич была также грамматическая стилистика китайского средневекового текста. Лучше всего об этом сказала сама Изабелла Самойловна, определяя свое исследование как «жанровый стиль, или грамматика жанра (на материале китайских текстов III–XVI вв.)»: «Сквозной темой моих занятий на протяжении многих лет является история китайского языка, историческая грамматика. Эта большая тема подразделялась на ряд этапов: так, прежде всего, необходимо было описать то, что как бы лежит на поверхности, т.е. систему служебных слов, затем установить критерии для выделения классов знаменательных слов; при этом оба этих этапа сопровождались привлечением все новых, не затронутых ранее описанием системы служебных слов памятников, ибо только по мере привлечения максимального числа источников и их описания можно, наконец, установить иерархию текстов и построить историю китайского языка. Следующий этап — это дальнейшее проникновение вглубь языковых процессов, и тогда возникает потребность постигать историческую грамматику, анализируя диахронический аспект языка, исследуя структуры текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией. И, наконец, *грамматическая стилистика*, когда на материале текстов, грамматика которых так или иначе освоена, попытаться, заглянув в „инвентарь грамматики“, понять, каковы те выразительные грамматические средства языка, с помощью которых достигаются выразительные возможности как отдельной фразы, так и отдельного текста как такового и в то же время его же как представителя определенного жанра». Эти новые в китаеведной лингвистике разработки были представлены И.С. Гуревич в ее статьях, опубликованных в почти каждом номере последних выпусков журнала «Письменные памятники Востока».

Работы Изабеллы Самойловны Гуревич широко известны и признаны за рубежом. Ее неоднократно приглашали в различные университеты: во время длительной командировки в США в 1994 г. она читала лекции в Пенсильванском университете (Филадельфия), в 2003 г. — в Карловом университете (Прага, Чехия), в 2004 г. преподавала в университете Ланьда (Ланьчжоу, КНР).

Выбрав свою первую научную тему у С.Е. Яхонтова, Изабелла Самойловна оставалась до конца верной этому направлению — истории китайского языка. Однако не следует думать, что учеба и наука полностью поглощали все ее время: она была образованным и талантливым человеком, любила классическую музыку, театр, хорошую литературу. Изабелла Самойловна обладала прекрасным голосом и почти профессионально пела, поэтому неудивительно, что в юности ей прочили оперную карьеру. В гостеприимном доме ее родителей на Адмиралтейской набережной собирались исполнители и музыканты. Долгая дружба связывала Изабеллу Самойловну с латышскими оперными певцами (сейчас, возможно, уже забытыми) Эльфридой Яновной Пакуль (Пакуле) (1912–1991) и Александром Михайловичем Дашковым (1914–2004), с дирижером Эдгаром Оттовичем Тонсом (1917–1967) и многими артистами любимой ею Рижской оперы. Частым гостем был гитарист Александринского театра Сергей Александрович Сорокин (1895–1973) — замечательный исполнитель цыганской музыки. Необычны и увлекательны были его рассказы о жизни цыган-артистов царской России. Изабелла Самойловна дружила с Семеном Степановичем Гейченко (1903–1993) и часто приезжала вместе с доче-

рю в Пушкинские Горы. Ее также связывали дружеские отношения с писательницей Верой Федоровной Пановой (1905–1973). Эти разносторонние культурные контакты свидетельствуют о том, что и сама Изабелла Самойловна была исключительно незаурядным человеком.

*Пан Т.А.,
Русинова Э.С.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вниманию подписчиков, читателей и авторов журнала!

С 2016 года журнал «Письменные памятники Востока» будет издаваться четыре раза в год согласно требованиям Высшей аттестационной комиссии. Просим авторов обратить внимание на изменения в оформлении статей и списка литературы. Полная информация о правилах подачи материала опубликована на сайте Института восточных рукописей РАН:

<http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=51>

Над номером работали:

Т.А. Аникеева, А.А. Ковалев, О.В. Мажидова, М.А. Унке, О.В. Волкова, Н.Н. Щигорева, А.Е. Танчарова, Е.А. Пронина

К сведению читателей журнала «Письменные памятники Востока»

Подписка на журнал «Письменные памятники Востока» производится по Объединенному каталогу «Пресса России» (т. I) в отделениях связи.

По вопросу приобретения журнала просим обращаться в Институт восточных рукописей РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес редакции: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18 — www.orientalstudies.ru

Адрес издателя: 119049, Москва, Мароховский пер., 26 — www.vostlit.ru

Подписано к печати 15.11.2016. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,2

Усл. кр.-отт. 13,5. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 500 экз. Изд. № 8622. Зак. №

Отпечатано в ППП "Типография "Наука". 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6